

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

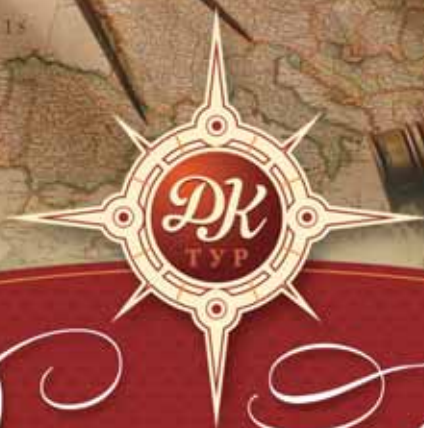
№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

В любую точку на карте мира!

Дорожная карта

ТУРИСТИЧЕСКОЕ
АГЕНТСТВО

- Экскурсионно-познавательные туры
- Деловой туризм и шоп-туры
- Пляжный отдых
- Лечебно-оздоровительные и SPA-туры
- Индивидуальные путешествия
- Горнолыжные туры
- Свадебные туры
- Детские туры

Кроме популярных мировых направлений – организация отдыха и туризма на черноморском побережье ближнего зарубежья: Абхазия, Грузия, Украина.

БЕСПЛАТНЫЙ
трансфер в Москве –
в аэропорт или обратно.

107996, Москва
Кузнецкий мост, 21/5
этаж 3, офис 3042
Тел. (495) 626-03-43
Email: info@dktour.ru
www.dktour.ru

Забывтые страницы

Иван Бунин **Осень**4

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **«Чугунная» императрица**.....10

Рассказ

Джеймс Дорр **Выигрыш** 21

Владимир Куницын **Монблан, блин** 30

Чем живем

Татьяна Комарова **Некурящая элита**..... 26

Это интересно

Алексей Митрофанов **«Благородка»**..... 44

Вернисаж

Виктор Ом **Иначе говоря — счастье!..**65

Шедевры

Ирина Опимах **«Лунная ночь на Днепре»
Архипа Куинджи**..... 76

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **«Я тревожно уйду по метели»** 88

Память

Алексей Стасов **Человек своего времени**102

Детектив

Александр Аннин **Игра на чужом поле**.....118

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	Вячеслав Назарук из серии «Леопольд во сне и наяву»
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №2417

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.08.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

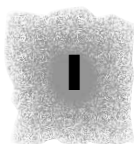
Ольга Средина

54 года, педагог-воспитатель
г. Юрюзань Челябинской обл.

КТО АВТОР?

Кто автор нашего романа:
Джек Лондон, Достоевский, Грин?
А может, Лев Толстой и Маркес,
А также Бунин и Куприн?
Что за капризные сюжеты?
У каждой встречи – свой анфас,
Прощаний профили меняя
С непостоянством каждый раз.
Ты мне загадываешь роли,
Я изменяюсь, как могу,
Перелицовываю кожу
И маскируюсь на бегу.
Пойми же, милый, все напрасно,
Нам нужен собственный язык.
Конечно, это страшновато:
Ты подражать уже привык.
Но к эпилогу все подходит —
Ты не решился до сих пор?
Я превращусь в Агату Кристи
И допишу свой приговор!

В гостиной наступило на минуту молчание, и, воспользовавшись этим, она встала с места и как бы мельком взглянула на меня.

— Ну, мне пора, — сказала она с легким вздохом, и у меня дрогнуло сердце от предчувствия какой-то большой радости и тайны между нами.

Я не отходил от нее весь вечер, и весь вечер ловил в ее глазах затаенный блеск, рассеянность и едва заметную, но какую-то новую ласковость. Теперь в тоне, каким она как бы с сожалением сказала, что ей пора уходить, мне почудился скрытый смысл, — то, что она знала, что я выйду с нею.

— Вы тоже? — полуутвердительно спросила она. — Значит, вы проводите меня, — прибавила она вскользь и, слегка не выдержав роли, улыбнулась, оглядываясь.

Стройная и гибкая, она легким и привычным движением руки захватила юбку черного платья. И в этой улыбке, в молодом изящном лице, в черных глазах и волосах, даже, казалось, в тонкой нитке жемчуга на шее и блеске брильянтов в серьгах — во всем была застенчивость девушки, которая любит впервые. И пока ее просили передать поклоны ее мужу, а потом помогали ей в прихожей одеваться, я считал секунды, боясь, что кто-нибудь выйдет с нами.

ОСЕНЬ

Но вот дверь, из которой на мгновение упала в темный двор полоса света, мягко захлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всем теле необычную легкость, я взял ее руку и заботливо стал сводить с крыльца.

— Вы хорошо видите? — спросила она, глядя под ноги.

И в голосе ее опять послышалась поощряющая приветливость.

Я, наступая на лужи и листья, наугад повел ее по двору, мимо обнаженных акаций и уксусных деревьев, которые гулко и упруго, как корабельные снасти, гудели под влажным и сильным ветром южной осенней ночи.

За решетчатыми воротами светился фонарь экипажа. Я взглянул ей в лицо. Не отвечая, она взяла своей маленькой, узкой от перчатки рукой железный прут ворот и без моей помощи откинула половину их в сторону. Поспешно прошла к экипажу и села в него, так же быстро сел и я рядом с нею...

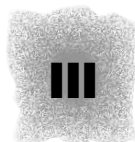
||

Мы долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало нас последний месяц, было теперь сказано без слов, и мы молчали только потому, что сказали это слишком ясно и неожиданно. Я прижал ее руку к своим губам и, взволнованный, отвернулся и стал пристально глядеть в сумрачную даль бегущей навстречу нам улицы. Я еще боялся ее, и когда на мой вопрос, — не холодно ли ей, — она только со слабой улыбкой шевельнула губами, не в силах ответить, я понял, что и она боится меня. Но на пожатие руки она ответила благодарно и крепко.

Южный ветер шумел в деревьях на бульварах, колебал пламя редких газовых фонарей на перекрестках и скрипел вывесками над дверями закрытых лавок. Иногда какая-нибудь сгорбленная

фигура выростала вместе со своею шаткою тенью под большим качающимся фонарем таверны, но исчезал фонарь за нами — и опять на улице было пусто, и только сырой ветер мягко и непрерывно бил по лицам. Из-под колес брызгами сыпалась в разные стороны грязь, и она, казалось, с интересом следила за ними. Я взглядывал иногда на ее опущенные ресницы и склоненный под шляпой профиль, чувствовал всю ее так близко от себя, слышал тонкий запах ее волос, и меня волновал даже гладкий и нежный мех соболя на ее шее...

Потом мы свернули на широкую, пустую и длинную улицу, казавшуюся бесконечной, миновали старые еврейские ряды и базар, и мостовая сразу оборвалась под нами. От толчка на новом повороте она покачнулась, и я невольно обнял ее. Она взглянула вперед, потом обернулась ко мне. Мы встретились лицом к лицу, в ее глазах больше не было ни страха, ни колебания, — легкая застенчивость сквозила только в напряженной улыбке, — и тогда я, не сознавая, что делаю, на мгновение крепко прильнул к ее губам...

В темноте мелькали высокие силуэты телеграфных столбов вдоль дороги, — наконец пропали и они, свернули куда-то в сторону и скрылись. Небо, которое над городом было черно и все-таки отделялось от его слабо освещенных улиц, совершенно слилось здесь с землею, и нас окружил ветреный мрак. Я оглянулся назад. Огни города тоже исчезали, — они были рассыпаны точно где-то в темном море, — а впереди мерцал только один огонек, такой одинокий и отдаленный, точно он был на краю света. То была старая молдаванская корчма на большой дороге, и оттуда несло сильным ветром, который путался и торопливо шуршал в иссохших стеблях кукурузы.

— Куда мы едем? — спросила она, сдерживая дрожь в голосе.

Но глаза ее блестели, — наклонившись к ней, я различал их в темноте, — и в них было странное и вместе с тем счастливое выражение.

Ветер торопливо шуршал и бежал, путаясь в кукурузе, лошади быстро неслись ему навстречу. Снова мы куда-то свернули, и ветер изменился, стал влажнее и прохладнее и еще беспокойней заметался вокруг нас.

Я полной грудью вдыхал его. Мне хотелось, чтобы все темное, слепое и непонятное, что было в этой ночи, было еще непонятнее и смелее. Ночь, которая казалась в городе обычной ненастной ночью, была здесь, в поле, совсем иная. В ее темноте и ветре было теперь что-то большое и властное, — и вот, наконец, послышался сквозь шорох бурьянов какой-то ровный, однообразный, величавый шум.

ОСЕНЬ

— Море? — спросила она.

— Море, — сказал я. — Это уже последние дачи.

А в побледневшей темноте, к которой мы пригляделись, выростали влево от нас огромные и угрюмые силуэты тополей в дачных садах, спускавшихся к морю. Шорох колес и топот копыт по грязи, отдаваясь от садовых оград, на минуту стал явственнее, но скоро их заглушил приближающийся гул деревьев, в которых метался ветер, и шум моря. Потом тополи расступились, и внезапно в пролет между ними пахнуло влажностью, — тем ветром, который прилетает к земле с огромных водных пространств и кажется их свежим дыханием.

Лошади остановились.

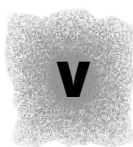
И тотчас же ровный и величавый ропот, в котором чувствовалась огромная тяжесть воды, и беспорядочный гул деревьев в беспокойно дремавших садах стали слышнее, и мы быстро пошли по листьям и лужам, по какой-то высокой аллее, к обрывам.

IV

Море гудело под ними грозно, выделяясь из всех шумов этой тревожной и сонной ночи. Огромное, теряющееся в пространстве, оно лежало глубоко внизу, далеко белея сквозь сумрак бегущими к земле гривами пены. Страшен был и беспорядочный гул старых тополей за оградой сада, мрачным островом выраставшего на скалистом побережье. Чувствовалось, что в этом безлюдном месте властно царит теперь ночь осени, и старый большой сад, и забитый дом, и раскрытые беседки по углам ограды были жутки своей заброшенностью. Одно море гудело ровно, победно и, казалось, все величавее в сознании своей силы. Влажный ветер валил с ног на об-

рыве, и мы долго не в состоянии были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свежестью. Потом мы стали спускаться вниз, к сверкающему пеной прибою. Высокие, долетающие до нас волны с грохотом пушечных выстрелов рушились на берег, крутились и сверкали целыми водопадами снежной пены, рыли песок и камни и, убегая назад, увлекали спутанные водоросли, ил и гравий, который гремел и скрежетал в их влажном шуме. И весь воздух был полон тонкой, прохладной пылью, все вокруг дышало вольной свежестью моря. Темнота бледнела, и море уже ясно видно было на далекое пространство.

— И мы одни! — сказала она, закрывая глаза.

Мы были одни. Я целовал ее губы, упиваясь их нежностью и влажностью, целовал глаза, которые она подставляла мне, прикрывая их с улыбкой, целовал похолодевшее от морского ветра лицо, а когда она села на камень, встал перед ней на колени, обессиленный радостью.

— А завтра? — говорила она над моей головой.

И я поднимал голову и смотрел ей в лицо. За мною жадно бушевало море, над нами высились и гудели тополя...

— Что завтра? — повторил я ее вопрос и почувствовал, как у меня дрогнул голос от слез непобедимого счастья. — Что завтра?

Она долго не отвечала мне, потом протянула руку, и я стал снимать перчатку, целуя и руку, и перчатку и наслаждаясь их тонким, женственным запахом.

— Да! — сказала она медленно, и я близко видел в звездном свете ее бледное и счастливое лицо. — Когда я была девушкой, я без конца мечтала о счастье, но все оказалось так скучно и обыденно, что теперь эта, может быть, единственная счастливая ночь в моей жизни кажется мне непохожей на действительность и преступной. Завтра я с ужасом вспомню эту ночь, но теперь мне все равно... Я люблю тебя, — говорила она нежно, тихо и вдумчиво, как бы говоря только для самой себя.

Редкие голубоватые звезды мелькали между тучами над нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывах чернели резче, и море все более отделялось от далеких горизонтов. Была ли она лучше других, которых я любил, я не знаю, но в эту ночь она была несравненной. И когда я целовал платье на ее коленях, а она тихо смеялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрел на нее с восторгом безумия, и в тонком звездном свете ее бледное, счастливое и усталое лицо казалось мне лицом бессмертной... □

Светлана Бестужева-Лада

«ЧУГУННАЯ» императрица

Ни один из русских писателей-историков не нашел для этой женщины ни единого доброго слова. Нелюбимая невестка великой Екатерины, верная и любящая жена, мать четверых сыновей, двое из которых стали российскими императорами, и пяти дочерей, королев, эрцгерцогинь и великих герцогинь в замужестве, вдовствующая императрица, до конца дней оплакивавшая вероломно убитого мужа, — она всегда появлялась на страницах исторических романов как некий карикатурный персонаж. Тупая, толстая немка, способная только рожать детей, мешавшая своему старшему сыну правильно воспитывать братьев, устроившая себе в Павловске немецкое мелкое княжество...

Благоверная императрица Мария Федоровна, в девичестве — принцесса Вюртембергская, супруга Великого князя, а затем императора Павла Первого, ничем не заслужила такого отношения к себе.

София-Доротея-Августа-Луиза, принцесса Вюртембергская, родилась в октябре 1759 года и уже в тринадцать лет славилась своей красотой среди множества немецких принцесс. От нее пришел в восторг посол Екатерины II, Ассенбург, который подыскивал в Германии невесту для цесаревича Павла, и рекомендовал императрице именно ее. Но... тринадцать лет! Ассенбург да-

вила своему жениху еще до свадьбы и продолжала изменять на протяжении всей супружеской жизни, несколько лет не могла забеременеть и в результате скончалась вместе с младенцем во время невероятно тяжелых родов.

Екатерина, не любившая признавать своих ошибок, вздохнула с облегчением, дала безутешному вдовцу-сыну возможность ознакомиться

Принцесса Вюртембергская уже в тринадцать лет славилась своей красотой среди других немецких принцесс. От нее пришел в восторг посол Екатерины II Ассенбург, который подыскивал в Германии невесту для цесаревича Павла. Но... тринадцать лет!

же предложил своей повелительнице взять девочку на воспитание к русскому двору, чтобы получилась идеальная невестка и будущая императрица российская.

Но Екатерина не желала так долго ждать внуков, да и отец Софии — герцог Фридрих-Евгений — был вовсе не в восторге от перспективы отправить свою девочку воспитываться при русском дворе, нравы которого были прекрасно известны всей Европе. Так что Павел женился (правда, по страстной любви с первого взгляда... на портрет невесты) на принцессе Августе-Вильгельмине-Луизе Гессен-Дармштадтской, получившей при крещении имя Натальи Алексеевны. Молодая великая княгиня не блистала красотой, отличалась вздорным характером, изме-

с любовной перепиской покойной супруги и месяц передышки, а потом объявила, что выбрала ему новую супругу — ту самую вюртембергскую принцессу, которой к этому времени уже исполнилось семнадцать лет.

Стройная, высокая, смолоду величественная, София, безусловно, была рождена для короны. И не для короны какого-нибудь мелкого герцога: сватовство принца Людвига, брата первой супруги цесаревича Павла, было решительно отвергнуто. Самой судьбой Софии было предначертано жить в России, стать супругой императора Павла I и долгие месяцы и годы общаться с Екатериной II, матерью своего мужа — задачи, которые заурядной натуре были просто не по плечу.

Павел, по понятным причинам не доверяя больше портретам, поехал

в Берлин, чтобы своими глазами увидеть будущую супругу. И... снова влюбился с первого взгляда в высокую, пышную, белокурую принцессу, сразу почувствовав, что «*Бог послал ему ангела во плоти*», о чем тут же оповестил свою матушку.

Дело семимильными шагами шло к свадьбе. И жениху, и невесте казалось, что теперь их жизнь будет непрерывным счастьем. Принцесса усердно учила русский язык, дабы лучше понимать свою будущую новую родину, цесаревич осыпал ее нежными посланиями.

30 сентября 1776 года великий князь Павел Петрович и принцесса София, принявшая в православии имя Марии Федоровны, обвенчались и поселились в усадьбе Павловское, подаренной им императрицей на

торженная сентиментальность великой княгини начала раздражать трезвую и практичную императрицу. Но она пока скрывала свои чувства, и Мария Федоровна, поселившись с обожаемым супругом в Павловске, была совершенно счастлива.

Меньше чем через год после свадьбы великая княгиня родила первенца — Александра. Счастье родителей было безмерным, но... почти сразу же младенца забрала императрица, «*дабы воспитать, как положено, будущего императора*». Екатерина забыла свои страдания, причиненные ей теткой-свекровью Елизаветой, так же отобравшей у нее первенца.

Мария Федоровна была возмущена, но... сдержалась, надеясь родить ребенка уже «для себя». Однако, когда через два года у нее ро-

Поначалу Екатерина была в восторге от своей невестки, но со временем восторги несколько поутихли: женщины были слишком разными, и восторженная сентиментальность великой княгини начала раздражать трезвую и практичную императрицу

свадьбу. Первоначально Екатерина была в восторге от своей новой невестки, описывая ее своим заграничным корреспондентам в самых лестных выражениях, среди которых, впрочем, промелькнуло определение «воск».

Но потом восторги царственной свекрови несколько поутихли: женщины были слишком разными, и вос-

дился второй сын — Константин, — история повторилась. Второго внука Екатерина готовила к престолу в Царьграде (пока еще Стамбуле), посему окружила его кормилицами и няньками-гречанками. Мария Федоровна втихомолку плакала, но и тут смолчала, а вот Павел недвусмысленно начал высказывать свое недовольство фантазиями матери и от-

крыто намекал, что пора бы уступить престол законному наследнику.

Но мать не собиралась уступать ему власть. Екатерина то приближала к себе сына и невестку, то отдаляла их от себя. Она даже отправила супругов в длительную поездку по Европе под именем «князей Северных», причем ходили слухи, что они больше не вернутся в Россию, а пре-

стол со временем перейдет к их старшему сыну Александру.

Но Павел и Мария вернулись — в Европе они чувствовали себя чужаками и изгнанниками, несмотря на пышные приемы, которые устраивали в их честь коронованные особы и высшая аристократия. Великая княгиня тосковала по детям: как бы редко она их ни видела

в России, но все же сыновья были рядом. А Великий князь... не хотел пропустить долгожданного момента — смерти матери и получения российского трона.

Екатерина II встретила их сдержанно и холодно. Невестка ее уже раздражала, от прежних восторгов и следа не осталось. А Мария Федоровна оставалась приветливой со всеми, преданной супружеским и материнским обязанностям. В 1783 году она родила третьего ребенка — на сей раз девочку, крещеную Александрой. Внучка не слишком интересовала царственную бабу, и великая княгиня, наконец-то, смогла без помех наслаждаться материнством. Тем более что через год на свет появилась вторая дочь — Елена. Теперь семья почти постоянно жила уже не в Павловске, а в любимой загородной резиденции великого князя — Гатчине.

Гатчину Мария Федоровна впервые увидела в 1776 году по пути из Германии в Россию, будучи еще невестой великого князя. В то время резиденция принадлежала бывшему влиятельному фавориту Екатерины II — Григорию Орлову. После его смерти Екатерина II выкупила гатчинскую усадьбу с возведенным в ней дворцом в окружении парка, лесов, с деревьями и подарила сыну с невесткой в благодарность за рождение ее первой внучки Александры.

С этого времени в Гатчине для Марии Федоровны потекли и годы тихого семейного счастья, и печальные годы утрат. Ежегодно проводя там часть лета и осени, она занима-

лась обустройством дворца, многочисленными хозяйственными делами и воспитанием младших детей: в 1786 году родилась третья дочь — Мария, через два года — Екатерина. Красота великих княжон поражала даже их скептически настроенную бабушку, которая исподволь начала заниматься поисками для них блестящих партий.

В 1792 году великая княгиня вновь разрешилась от бремени дочерью — Ольгой. Но малышка прожила лишь два года. Мария Федоровна была бы безутешна, если бы не ожидала еще одного ребенка. Анна родилась в том же, 1795 году. Тогда же великая княгиня узнала, что ее обожаемый Паульхен вовсе не хранит супружескую верность.

Каждая женщина тяжело переживает соперничество, и поначалу импульсивная и эмоциональная Мария Федоровна бросилась к свекрови за участием и советом. Та вместо ответа подвела ее к зеркалу и сказала:

— *Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre («маленькое чудовище», фр.), перестань кручиниться и будь уверена в своих прелестях.*

Екатерина Нелидова, соперница великой княгини, действительно до смешного походила на маленькую обезьянку, но за этой внешностью скрывался сильный и незаурядный ум, позволивший ей обворовать тоже весьма неглупого и склонного к философским беседам великого князя. Постепенно Мария Федоровна поняла, что ее муж ценил в Нелидовой «только очарование умом» и

нашла в себе мудрость и мужество объединиться со ставшей почти всемогущей фавориткой и даже подружиться с ней — к великому изумлению своего супруга.

С годами Мария Федоровна располнела, но по-прежнему была свежа, моложава, невозмутима и спокойна. И все еще искренне любила Павла — единственного мужчину в своей жизни. Ее упрекали в том, что она окружила себя немцами, точнее, немками, но русские аристократки не слишком жаловали «малый двор» в Гатчине, предпочитая блеск и роскошь екатерининского двора.

Александра и Елена уже были девицами на выданье, и императрица почти устроила брак старшей внучки со шведским королем Густавом, но дело сорвалось из-за проблем с разным вероисповеданием жениха и невесты. Старшие внуки по выбору августейшей бабушки женились без проблем на немецких принцессах...

Мария Федоровна была очень деятельной натурой — вставала в 7 часов утра, а летом в 6 часов, обливалась холодной водой с головы до ног и после молитвы садилась за свой всегда очень крепкий кофе, а потом тотчас занималась бумагами. Она обладала крепким здоровьем, любила прохладу: окна были постоянно открыты. Не зная усталости и болезней, ожидала того же и от других, что, разумеется, вызывало ропот у многих, не столь крепких здоровьем.

В Гатчине для Павла и Марии Федоровны любимым развлечением были не военные маневры, как принято

было впоследствии писать, а театральные представления, которые устраивались почти ежедневно. Особенно нравились любительские спектакли, в которых участвовали сами придворные. Так в Гатчинском дворце впервые прозвучали оперы замечательного русского композитора Дмитрия Бортнянского «Празднество сеньора», «Сокол», «Сын-соперник, или Новая Стратоника». Любящая супруга преподнесла постановки этих опер Павлу Петровичу в качестве подарков в дни рождения.

В июле 1796 года, в «солидном» по тем временам возрасте — тридцать семь лет! — великая княгиня снова родила мальчика, нареченного Николаем. Этого сына императрица Екатерина великодушно оставила матери: продолжение династии и так, с ее точки зрения, было прекрасно обеспечено. Крупный, здоровый, почти никогда не капризничавший мальчик стал любимцем матери почти мгновенно и навсегда, причем она даже не скрывала своих чувств. Любимой мечтой Марии Федоровны стало возведение Николая на императорский трон... мечтой, которую зло высмеивал супруг, «вечный наследник», довольно прохладно отнесшийся к очередному прибавлению семейства.

Павла в этот момент гораздо больше занимал новый роман — с юной красавицей Анной Лопухиной. Екатерина Нелидова была отставлена, и теперь уже ничто не мешало ей полностью отдаться пылкой дружбе с Марией Федоровной: они жаловались друг другу на неверность их общего любимого.

Все внезапно и резко изменилось поздней осенью 1796 года: скоропостижно и несколько таинственно скончалась императрица Екатерина. «Вечный наследник» наконец-то стал императором. Смерть свекрови не выбила из колеи Марию Федоровну, не лишила ее хладнокровия и рассудительности — похоронами, в основном, распоряжалась она.

Во время коронации Павла I была коронована и Мария Федоровна. Так, спустя двадцать лет после того, как немецкая принцесса приехала в Россию, она стала российской императрицей. И не только.

С годами Мария Федоровна располнела, но по-прежнему была свежа, моложава, невозмутима и спокойна. И все еще искренне любила мужа — единственного мужчину в своей жизни

Кстати, странный цвет Михайловского замка — красновато-малиновый — был избран потому, что именно ему отдавала предпочтение Анна Лопухина, а ее возлюбленный выполнял малейшие прихоти девушки. Именно тогда ему пришло в голову, что его брак с Марией Федоровной несколько затянулся, и что было бы неплохо (выдав предварительно замуж старших дочерей), постричь великую княгиню в монастырь и жениться на Анне. Этому плану все еще обожавшая мужа Мария Федоровна боялась, как огня, и утроила свои заботы о «милон Паульхене».

Вслед за восшествием на престол Павла I Мария Федоровна была поставлена «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». Императрица проявила большую энергию и привлекла в пользу общества много пожертвований. В 1797 году она вошла с особым мнением относительно преобразования общества, высказываясь против раннего поступления девиц (5 лет), в общество для воспитания, стараясь строго отделить благородных от мещанок, проектируя уменьшение числа последних. Павел I утвердил 11 января 1797 года «мнение» им-

ператрицы, не допустив, так же уменьшения приема мещанских детей.

Павел узаконил ведомство больниц, вдовьих домов, домов общественного призрения, дав ему название «Ведомство учреждений императрицы Марии». Первоначально в ведении канцелярии Марии Федоровны были Смольный и Александровский институты, Коммерческое училище, Воспитательный дом и Опекунский совет, вскоре при участии императрицы были открыты Екатерининский и Павловский институты, Училище глухонемых, Вдовый дом и Повивальный институт. Девизом ведомства служили слова «Творить добро», а на гербе было изображение пеликана в гнезде, вскармливающего своих птенцов.

Став императрицей, Мария Федоровна пыталась усилить свое влияние на мужа, и день ото дня это влияние при дворе росло. Но когда великому князю Николаю исполнилось два года, императрица родила своего последнего сына — Михаила, после чего врачи категорически запретили ей рожать детей. В те времена это означало только одно: прекращение супружеских отношений. Царская чета разошлась по разным спальням, и... наступило заметное охлаждение отношений. Павел, все еще безумно влюбленный в Лопухину, с радостью хватился за мнение врачей, чтобы на законном основании прекратить близость с императрицей.

Освободившись от почти непрерывного деторождения, выкармливания и всего прочего, Мария Федоровна, с присущей ей педантично-

стью, занялась делами «Ведомства императрицы Марии» и придворными обязанностями, непрерывно сглаживая учащающиеся приступы раздражительности и гнева супруга и опасаясь за судьбу старшего сына, в котором отец давно уже видел только молодого соперника.

Однако в марте 1801 года император Павел I был убит заговорщиками, и для нее наступили новые времена. Теперь она была вдовствующей императрицей, матерью императора Александра I, своего первого сына. Вопреки распространенной версии о том, что мать и сын откровенно ненавидели друг друга, они часто общались, и Мария Федоровна принимала самое деятельное участие в делах Александра. Сын постоянно навещал мать, она его искренне любила и особенно заботилась об его императорском престиже.

«Император Александр был главным предметом ее любви в жизни», — писала впоследствии одна из ее фрейлин. Тем более что дочери, в воспитание которых она вложила столько сил и души, уходили из жизни одна за другой. В 1801 году от тяжелых родов умерла в Вене старшая дочь Александра, в 1803-м, подарив своему супругу мальчика и девочку, скончалась от чахотки вторая дочь — Елена, которой было всего девятнадцать лет. Одному богу известно, как выдержала Мария Федоровна эти почти непрерывные удары судьбы.

Спасали музыка, живопись, литература. В ее «Розовом павильоне» частыми гостями были поэты и писа-

тели, на столике лежал альбом, в котором было немало их автографов.

Вдовствующая императрица по положению должна была получать 200 000 рублей карманных денег, но Александр просил ее принять миллион. Из этого миллиона она тратила на свои прихоти и туалеты только 17 000. Все прочее раздавалось бедным, а прежде всего она составляла капитал на свои заведения. Великим князьям она имела привычку дарить по 10 000 рублей на именины, но в 1812 году приостановила на год

В солидном по тем временам возрасте — 37 лет! — великая княгиня снова родила мальчика, нареченного Николаем. А еще через два года, — последнего ребенка — сына Михаила, после чего врачи категорически запретили ей рожать детей. В те времена это означало одно: прекращение супружеских отношений

свои подарки, сказав, что нужно помогать раненым и сиротам.

Теперь никто уже не мог бы сказать о ней: «Воск». «Чугун» — в сердцах бросил как-то любимый сын Николай, уже бывший императором. Определение прижилось — но только при дворе, где вдовствующая императрица держала всех в строгости. Впрочем, даже Наполеон сказал, что из всех коронованных особ в Европе одна русская императрица пред ним непреклонна.

Одна за другой вышли замуж младшие дочери: Мария, Екатерина и Анна. Любимый сын Николай женил-

ся на старшей дочери прусского короля Фридриха Вильгельма II принцессе Шарлотте Каролине Фредерике-Луизе, принявшей имя Александры Федоровны, а самый младший сын женился поздно — в двадцать семь лет — по категорическому требованию матери, которая и нашла ему невесту: принцессу Фридрику Шарлотту Марию, принявшую в православии имя Елены Павловны. В феврале 1824 года состоялось пышное венчание в Санкт-Петербурге. Теперь, выполнив свои материнские обязанности, Мария Федоровна могла больше времени уделять

своему излюбленному занятию: делам благотворительности. И люди отвечали ей любовью и благодарностью. Когда она приехала в Ростов, то горожанки устилали своими шелковыми шальями тротуары, бросали

«Прими ж, в виду небес, свободный наш обет», — все падали на колени.

Осенью 1815 года Жуковский был вызван в Петербург и оставлен при дворе в звании лектора при вдовствующей императрице, которая в

Мария Федоровна до конца своих дней оставалась покровительницей бедных. Поэт Василий Жуковский отозвался на ее уход словами: «Тобой был так украшен свет...»

их в грязь и просили императрицу-матушку ступить по ним.

Марии Федоровне всецело обязан своей блестящей карьерой знаменитый поэт, учитель Пушкина, Василий Андреевич Жуковский. После взятия Парижа русскими войсками в 1814 году Жуковский написал громадное и восторженное «Послание Императору Александру I», а к годовщине освобождения России от нашествия французов — стихотворение «Певец в Кремле».

Императрица Мария Федоровна изъявила желание поближе познакомиться с Жуковским и приглашала его приехать в столицу. По ее желанию «Послание» было издано на казенный счет в количестве 1200 экземпляров и должно было продаваться в пользу автора, которому сверх того пожалован был перстень. Это стихотворение стало в провинции чем-то вроде официального гимна Александру, его читали в общественных собраниях перед бюстом государя и, когда доходили до строчек:

Павловске любила собирать у себя кружок ученых и литераторов: тут нередко бывали Карамзин и Крылов, Дмитриев, Нелединский, Гнедич — и Жуковский занял почетное место между этими приближенными.

Мария Федоровна ушла из жизни в возрасте 69 лет (12 ноября 1828 года), до конца своих дней оставаясь покровительницей бедных. Еще сто лет назад об императрице писали, что «своей светлой, благотворной и человеколюбивой деятельностью она оставила память о себе».

Вот как на ее уход из жизни откликнулся поэт Василий Жуковский: «Тобой был так украшен свет...»

В советский период имя Марии Федоровны не упоминалось практически ни в истории страны, ни в истории благотворительности. Хотя всей своей жизнью она доказала, что Россия стала ее родиной. Великая княгиня, императрица, вдовствующая императрица, императрица-мать — вот все ее ипостаси, для которых она нашла свои краски и цвета. □

Джеймс Дорр

Получив свой выигрыш в кассе ипподрома, он торопливо, не тратя времени на подсчеты, перетянул деньги резинкой и, как обычно, сунул их в левый передний карман джинсов — толстую пачку крупных купюр, приятно давившую на бедро, — а затем, улыбнувшись кассирше, симпатичной женщине слегка за тридцать, начал проталкиваться сквозь галдящую толпу.

Выйдя из здания ипподрома, он на секунду подумал, не отправиться ли домой на автобусе? Представил, как достанет из кармана всю пачку, с трудом вытянет из нее одну купюру, чтобы заплатить водителю за проезд, но потом решил, что можно пройтись и пешком.

По пути он прикинул, не заглянуть ли в ресторан, но, поразмыслив, пришел к выводу, что не слишком голоден. В конце концов, всегда можно поужинать и дома.

Неожиданно вспомнилась кассирша — курчавая блондинка, немного похожая на Бетти, которая, отсчитывая ему деньги, с улыбкой предупредила:

— Смотрите, не расслабляйтесь. Всякое бывает.

— Спасибо, — вежливо кивнул он. И подумал о Бетти.

Господи, как же он по ней тосковал! Она умерла всего через несколько лет после свадьбы, и вскоре после этого он покатился по наклонной плоскости. Запил. Потерял работу. То и дело менял одно место на другое. Со временем, слава богу, с выпивкой удалось завязать, но ему по-прежнему не везло. Вплоть до сегодняшнего утра... когда он случайно заметил на тротуаре скомканную десятидолларовую бумажку.

Настороженно оглядевшись по сторонам, жадно схватил ее, тщательно разгладил, и тут внезапно в голову пришла мысль: «Черт возьми, а почему бы нет?» И двинул на ипподром — старенький, полузабытый спортивный комплекс, как и он сам, знававший лучшие времена.

Он начал «по маленькой» (в конце концов, у него была всего лишь десятка), делая ставки по два доллара, пока одна лошадь не выиграла забег. Ближе к полудню поднял ставки до десятки, и ему потихоньку продолжало везти. А к обеду, вымотавшись от постоянного нервного напряжения, выбрал лошадь, чье имя ему просто понравилось, и пошел ва-банк, сунув всю свою наличность в окошко, где принимали ставки по сотенной.

Лошадь поразила не только его, но и всех, кто в тот день был на ипподроме. Шансы на победу у нее были минимальные — расставаясь с деньгами, он и сам этого не осознавал, — но на последнем круге она, внезапно сделав рывок, вырвалась вперед, обогнав фаворита на какие-то считанные дюймы.

Он все еще не мог поверить в такую удачу.

Всю жизнь, за исключением нескольких коротких, переполненных счастьем лет с Бетти, ему отчаянно не везло. Он менял одну паршивую работу на другую, которая оказывалась еще хуже... Переезжая из отвратительной, засиженной мухами каморки, непременно попадал в гнусную халупу, наводненную тараканами... словно его преследовал какой-то неумолимый злой рок. Сколько он ни пытался, ему так и не удавалось найти причину столь вопиющего невезения. Но теперь все пойдет по-другому. Теперь у него было достаточно денег, чтобы купить новую одежду, раздать долги, снять приличную квартиру, подыскать нормальную работу или вообще уехать из города и начать все «с чистого листа».

Неожиданно что-то заставило его оглянуться. Смеркалось, но уличные фонари уже зажглись, и было достаточно светло, чтобы за полквартала

разглядеть двух мужчин, идущих за ним прогулочной походкой, спокойно переговариваясь между собой, — правда, слишком тихо, чтобы можно было разобрать, о чем они беседуют.

Так-так, а не эту ли парочку он уже видел где-то раньше? К примеру, на ипподроме, возле касс?

Он пожал плечами. Скорее всего, вряд ли. Тем не менее, прибавил шаг и начал внимательнее поглядывать по сторонам.

На город уже опускалась ночь, и хотя на улице было светло, как днем, прохожие попадались крайне редко — какие дела могут быть у людей в такой дали от ипподрома? Однако впереди — там, где начинался спуск к реке, вереница фонарей кончалась, поскольку мост имел собственную систему освещения. Как и набережная на другой стороне реки, где он снимал тесную комнатуху. Не останавливаясь, он приподнял воротник — несмотря на то, что было все еще тепло, со стороны реки задул прохладный ветерок, который по мере того, как ночная тьма высосет из города накопившуюся за день жару, повернет в сторону океана.

Он ощутил тяжесть пачки в кармане и вновь оглянулся.

Это были те же двое, по-прежнему соблюдавшие дистанцию в полквартила от него. Стоило ему остановиться, тут же притормозили и они — один достал из кармана пачку сигарет, второй протянул ему горящую зажигалку.

Он мгновенно узнал одного из тех, кого видел на ипподроме — его уже немолодая физиономия была сплошь усеяна прыщами. Тусклый огонек зажигалки выхватил из темноты глумливую усмешку, застывшую в предвкушении богатой поживы.

Несмотря на теплую погоду, он поежился, а затем — уже быстрой походкой — направился к реке. И, прошагав полквартила, ничуть не удивился, услышав у себя за спиной тяжелый топот башмаков по растрескавшемуся асфальту. Он резко обернулся, застыл на месте, готовый дать достойный отпор своим преследователям, и с вызовом спросил:

— Что вам нужно? Чего прицепились?

Один, не обращая внимания на его слова, сделал вид, что рассматривает витрину магазина, другой начал тихо насвистывать популярный мотивчик. Теперь он был уверен на все сто, что это были те двое с ипподрома, засекшие, как он запихивал в карман толстую пачку денег. Они тащились за ним до самой реки, но так и не подходили близко. Словно чего-то выжидали.

Выжидали... Но чего именно?

Он медленно попятился, но оба не шелохнулись до тех пор, пока он вновь не повернулся к ним спиной, после чего их размеренные шаги тут же возобновились.

Когда до моста оставался всего квартал, он снова повернулся и в окружавшей его темноте каким-то «шестым чувством» уловил едва заметное движение — на этот раз гораздо ближе. И почти неслышный шорох шагов двух ночных хищников, старавшихся ступать как можно тише, крадущихся следом за ним.

— Вам нужны мои деньги? — хрипло выкрикнул он.

Ему отчаянно захотелось броситься бежать, но, вспомнив, что уже не так молод и проворен, как раньше, он с горечью был вынужден признать — если они припустят за ним, то нагонят в два счета. Оставалось только одно — продолжать идти, чувствуя, как пачка в кармане беззвучно трется о бедро. Топот у него за спиной возобновился — поначалу неуверенный, но постепенно становившийся все громче и нахальнее.

Дойдя до береговых опор моста, он резво взбежал по крутому пандусу на пешеходную дорожку, и ему в лицо ударил сильный порыв насыщенного влагой ветра. Поеживаясь, он невольно ускорил шаг, мечтая как можно скорее оказаться дома, и, прислушиваясь к гулким, далеко разносившимся над водой шагам своих преследователей, решил, что, если доберется домой без каких-либо приключений, живым и невредимым, то уедет из города завтра же! Увы, для этого понадобится чудо. Ведь хищники обитали по обе стороны реки — во всяком случае, те, кто убил его жену за такую мелочь, как пара десятков, с которыми она отправилась в продуктовый магазин, наверняка жили где-то по соседству.

А ведь сейчас у него с собой несравненно большая сумма!

Он остановился вновь — под фонарем самой высокой, центральной арки моста, и в последний раз посмотрел на своих преследователей, ничуть не сомневаясь, что на противоположном берегу его поджидают их сообщники, которые вступят в дело сразу же, едва намеченная жертва перейдет реку. Они сделали то же самое — неподвижно застыли, низко надвинув шляпы, чтобы скрыть лица, исподлобья глядя на него, словно чего-то дожидаясь.

— Что, чужих деньжат захотелось? — издевательски спросил он, даже не рассчитывая услышать ответа, и, выхватив из кармана сложенную пачку, помахал ей перед их физиономиями.

Затем сорвал с нее резинку и подумал о своем выигрыше.

О том, как все началось со случайно найденной десятидолларовой бумажки.

О том, как ему повезло.

И посмотрел вниз — на маслянисто поблескивавшую темную поверхность воды.

В этот момент двое, перекрывавшие ему путь к отступлению, словно по команде выскользнули из круга света под фонарем и, снова оказавшись в темноте, медленно двинулись к нему.

Бросив взгляд в сторону противоположного берега, он отчетливо разглядел вторую пару их подельников, неторопливо, но решительно направлявшихся ему навстречу. Все! Капкан захлопнулся!

— Ну что ж, раз ваша взяла, так держите! — выкрикнул он и, широко размахнувшись, изо всех сил швырнул деньги через перила. И захохотал, глядя, как банкноты, мгновенно подхваченные очередным порывом ветра, мелькая в свете фонаря, бешеным смерчем взвились ввысь.

Он подумал о реке. О грязной воде и смерти. О тенях, мгновенно растаявших в темноте.

И о листках бумаги, чуть не стоивших ему жизни (пара из которых зацепилась за поддерживавшие мост стальные тросы), стремительно уносившихся в сторону океана, поднимаясь все выше и выше, пока не затерялись среди бледных пятнышек далеких звезд... □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

НЕ курящая

— Николай Александрович, кто они — некурящие подростки?

— Как правило, это мальчик или девочка из семьи некурящих родителей. Родители изначально не формируют предрасположенности к никотину, в результате ребенку просто неинтересно это «увлечение». Это волевые целенаправленные дети с высоким интеллектуальным потенциалом. Они рассуждают как взрослые, у них очень развито логическое мышление, они рациональны. Такие подростки начинают рано задумываться о своем здоровье, посещают спортивные клубы, много читают. У них уже в школе появляется цель в жизни — сделать карьеру либо в спорте, либо в науке, либо в бизнесе. Некурящие подростки более зре-

лы по отношению к своим сверстникам и самостоятельны. Пить, курить, употреблять наркотики — такие занятия чаще всего доставляют удовольствие детям с низким интеллектом, а ребята с более высоким уровнем находят себе другие занятия.

— Почему все-таки появилась тенденция к увеличению числа некурящих подростков?

— Скорее всего, сказывается то, что изменилась система образования. Классы стали меньше. Раньше в каждом классе было до сорока человек, поэтому дети были пассивными, следовали «инстинкту толпы»: куда все, туда и остальные. Сегодня существуют частные колледжи и школы, где классы раза в два меньше, и

Существует глубокое заблуждение: все подростки курят. На самом же деле в последние годы появилась новая тенденция: большая часть школьников, как это не покажется странным, стремится к здоровому образу жизни. Именно они сегодня считаются элитой и задают тон среди своих сверстников.

Наш собеседник — психолог Российской академии образования Николай Александрович Аминов.

ЭЛИТА

есть возможность индивидуальной работы с каждым ребенком. Формируются совсем другие взаимоотношения между подростками, педагогами, учениками, родителями, детьми. Зарождаются новые ориентиры, ценности. Быть образованным человеком — это становится престижным.

— У проблемы курения, употребления наркотиков и алкоголя «классовые» корни, или все же дело в генетике? Каковы прогнозы психологов на будущее?

— Еще лет пять-десять сохранится так называемая плавающая ситуация — подростки будут тянуться то к курению, то к наркотикам, а потом все это выйдет из моды, станет для них неинтересным, сформируется другой образ жизни. Это будет свя-

зано и со стабилизацией общества, и с формированием новой культурологической среды. В России ситуация осложняется плохим генетическим фондом. Пьющие и курящие родители — из поколения в поколение. Очень много брошенных детей, детских домов. А ведь все начинается с семьи. Доказано, что биологический фактор, а не социальная среда, как было долгое время принято считать, формируют в первую очередь модель поведения ребенка. Социальная стабилизация общества очень важна, но биологическая основа является определяющей.

— Николай Александрович, сейчас начался активный «накат» правительства и Госдумы на «пивные пристрастия» мало-

леток. Как это сказалось на курении подростков?

— Классовые различия тут очевидны. Если подростки из богатых семей, имеющие возможность посещать фитнес-клубы, бассейны, элитные спортклубы, бросают вызов: вот мы такие — некурящие и непьющие, то дети из бедных семей доказывают принадлежность к своей субкультуре иначе. Их протест — сигареты и бутылка пива.

Надо внушать детям, что некурящие — это своеобразная элита общества, это развитие интеллекта, более высокий уровень культуры. Если нет денег на элитные клубы, старайтесь водить их в библиотеки, обычные спортивные секции, танцевальные и театральные кружки при школах, дворах. Выясните круг их интересов. Если ребенок хочет заниматься каратэ или теннисом, пожалуйста! Только поясните ему, что, если он будет курить или пить пиво, хорошего спортсмена из него не получится. Уберечь подростка с помощью системы жестких наказаний и нотаций практически невозможно.

— И все-таки, если семиклассник, глядя на своих курящих одноклассников, хочет закурить, как его остановить? Как предупредить раннее курение у детей?

— Здесь есть три аспекта. Можно и нужно объяснять, что курение не просто вредная привычка, а болезнь. Это малая наркомания, и очень часто зависимость от никотина приводит в будущем к зависимости от других наркотиков. Опыт медиков свидетельствует — очень

действительна наглядная агитация. Достаточно показать фотографии легких курящего человека. Зрелище, поверьте, далеко не из приятных. Заставляет подростков задуматься и то, что большинство курильщиков уже к тридцати годам становятся импотентами. Второе: подросток должен знать, что производство сигарет — это большой бизнес, который приносит доход в основном транснациональным табачным компаниям. То есть бизнес, который делается на здоровье людей. И третий, морально-этический аспект — курение перестало быть модным, оно становится просто неприличным, некультурным. Курить сегодня — это дурной тон.

ШПАРГАЛКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Если вы курите сами, то честно, самокритично признайтесь своему ребенку, что вы невежливы, некультурны, больны, но готовы работать над собой и хотели бы бросить курить. Это будет иметь гораздо больший эффект, чем чтение нудной морали или прямые запреты.

— Часто спрашивают: могут ли некурящие подростки помочь своим сверстникам расстаться с вредной привычкой?

— Мнения психологов и педагогов на этот счет разделяются.

Например, «Курение — это яд» — такой лозунг стал лейтмотивом специальных уроков детского дома № 2 в Нижнем Новгороде. Специфика этих занятий в том, что о вреде курения и его последствиях подросткам рассказывают их ровесники,

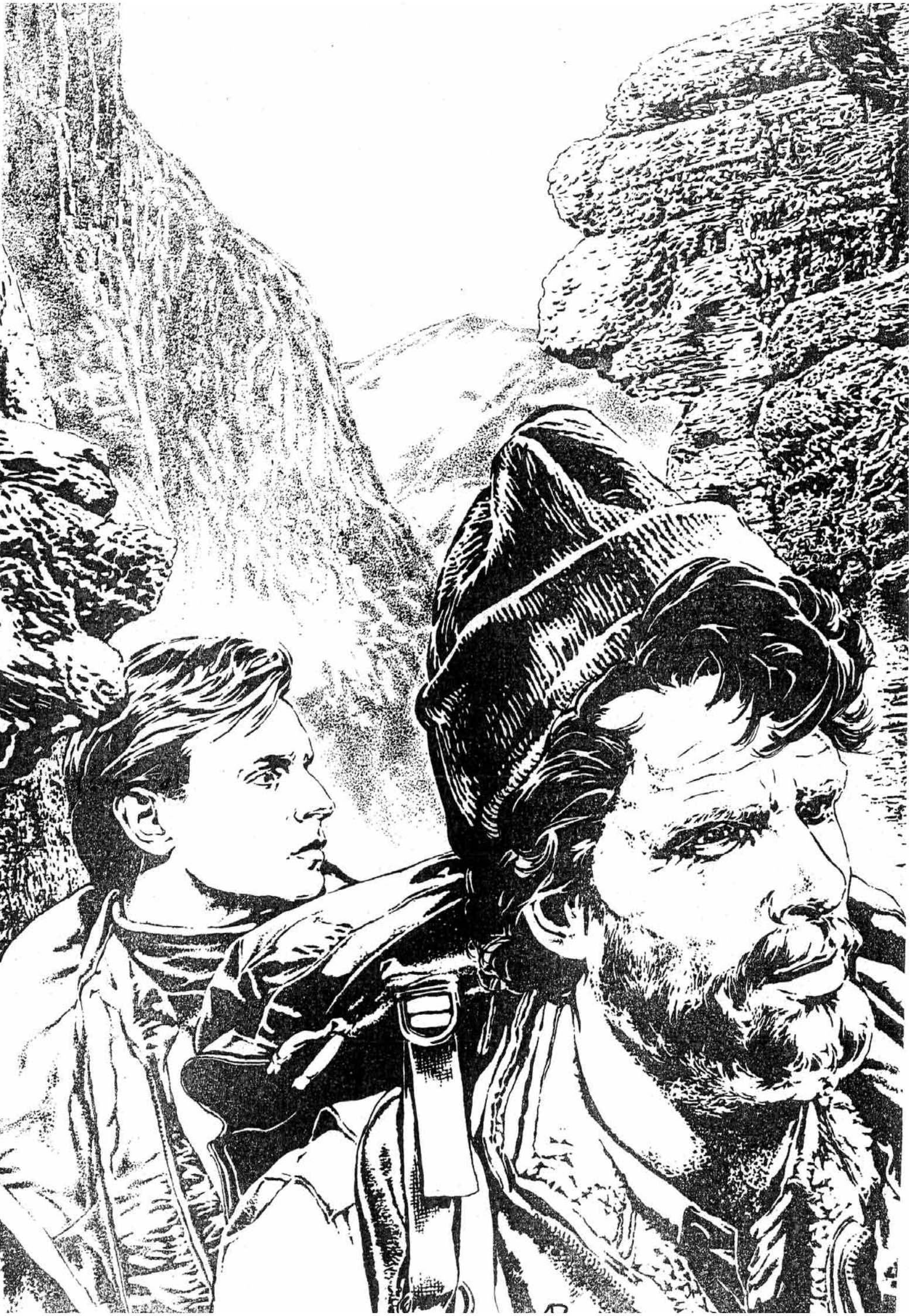

старшеклассники городских школ. Организаторы уроков считают их очень эффективными. Оказалось, что в таких вопросах воспитанники детских домов больше доверяют своим сверстникам, чем психологам и врачам.

Есть и противоположное мнение: некурящие подростки должны как бы дистанцироваться от курящих.

Но я с ним не согласен. Подростки, ведущие здоровый образ жизни, должны показывать своим сверстникам, что курение сегодня не модно, оно вызывает лишь презрение, и тогда остальные сами за ними потя-

нутся. Важно создать такой микроклимат, в котором курящим было бы просто неуютно. Например, устраивать вечеринки или дискотеки, на которые вход для курящих строго воспрещен, или сажать замеченных в курении на «не престижные» последние парты. Ни одному подростку не хочется чувствовать себя неполноценным, «второсортным», терпеть пренебрежительное отношение к себе. Такие «дискриминационные» методы очень действенны. Разубеждать, доказывать — это просто детская игра. А играть с детьми нужно серьезно. □

Монблан, блин!

Владимир Куницын

«Крутые перцы»

Лихо проскочив снежно-ледовый склон Vallee Blanche, наша группа установила палатку на Col du Midi, заняв место среди разбросанных по всей выемке перевала палаток французов, англичан, немцев, шведов, итальянцев, датчан, корейцев, австрийцев, чехов, македонцев, словенцев, словаков и представителей еще двадцати, черт знает каких, национальностей. Вся эта многонациональная публика ела, пила, готовила снаряжение, сверялась с прогнозом погоды, маневрировала по склону и общалась, общалась, общалась. Язык общения, разумеется, английский, несмотря на то, что у представителей восточной Европы с ним было очень плохо, а у многих представителей западной Европы просто плохо. Но разве это может стать барьером на пути человеческого общения?

От всей остальной публики мы отличались своими целями и задачами. Народ, который тусовался на Col du Midi, действовал по следующей схеме: вскакивал среди ночи, запихивал в рюкзачок бутерброд, теплую курточку, обвешивался крючьями, веревками и прочим снаряжением. Все это весило килограмма три-четыре на человека. После этого неслись вверх, расходясь по дороге на два направления — Mont Blanc du Tacul, третью по высоте вершину Западной Европы, и Mont Blanc, мечту многих поколений любителей гор всех времен. Мы же, представители такого солидного и серьезного, еще не известного в отсталой Европе вида спорта, как горный туризм, ставили себе другую задачу. Поднявшись на Mont Blanc du Tacul

не самым традиционным путем, мы собирались затем подняться на Mont Maudit, вторую по высоте вершину Альп, затем уже и на сам Mont Blanc и далее, не возвращаясь назад, спускаться по итало-французскому гребню на другую сторону Белой горы. Естественно такой путь требовал и другого подхода к жизни наверху. Палатка, спальники, теплоизолирующие коврики, газовые горелки, сам газ, сменная спальная одежда, продукты на три дня, кухонная утварь, аптека на все случаи жизни, ремнабор и т.д. и т.п. Одно цеплялось за другое и, в результате, наши рюкзаки весили по двадцать-двадцать пять килограммов. Впрочем, нас это мало смущало. Для таких солидных «Джеков», или, как теперь говорят «крутых перцев», у которых на четверых тринадцать медалей российских и союзных чемпионатов, двадцать килограммов за плечами только для разминки.

...Ночь, полная луна, мелькание фонариков, звон железа, многоязычная речь... Народ готовится к выходу на гору. Мы тоже. Собрав рюкзаки, выползаем на склон и начинаем неспешно набирать высоту. Несмотря на то, что наш маршрут далеко не самый популярный в народе, есть какие-то следы. Начинается работа. Первая связка растягивает свою веревку и по этим перилам наша вторая перелезает бергштурнд. Одновременная страховка, попеременная, крючья на участке льда. Сзади пристраивается какая-то связка. Мы освобождаем ей дорогу. Ребята пытаются пройти мимо нас рывком, но это не удается, не хватает дыхания. Падают лбом на воткнутый в снег ледоруб, со свистом засасывая в легкие воздух. Мы стоим, раскорячившись на неудобных площадках в неудобных позах, и терпеливо ждем. Продышавшись минуты за полторы, наши иностранные друзья приходят в движение и медленно освобождают удобную дорогу.

— Merci, — выдыхает иностранный коллега.

— You are welcome.

Врожденные русские деликатность и терпеливость помогают легко преодолеть неудобства.

Мы стоим за спинами обогнавшей нас связки. Ребята снова ловят воздух широко раскрытыми ртами. Отдышались, пошли. Идем следом за ними, отставая на полтора-два метра в минуту. Внизу, метрах в ста, идет следующая связка.

Часа через четыре с половиной вылезаем на гребень. Теперь уже не очень круто. Основная масса народа залезает на другой гребень. Вскоре приходим туда, где эти гребни сходятся. Отсюда до Такюля рукой подать. Подаем рукой ... и вот мы уже фотографируемся на вершине на фоне полностью закрытого облаками Монблана. Степенно спускаемся на перевал. Уже довольно поздно — двенадцать дня по местному времени. Все, кто шел на Монблан, уже назад идет. Идти дальше не очень хочется, да и непонятно, как там, за

Маудитом. А здесь площадка ровная, какие-то обломки фирна валяются — легко будет ветрозащиту соорудить. В общем, применив все особенности национального характера, мы пришли к строго логически выверенному заключению — не стоит сегодня делать то, что можно сделать завтра.

Установили лагерь, прикрылись от ветра снежной стеночкой. Развалившись в палатке, мы лениво наблюдали, как из ледопада одна за другой вываливались связки и шли вниз. Погода заметно портилась, и мы порадовались своей предусмотрительности, а точнее, лени.

Ночью и утром мело и дуло, дуло и мело. Не было видно, куда идти. Недалеко от нас в сторону Монблана проскочили три-четыре связки. Все с гидами. А нам что делать в такую погоду без гида? Впрочем, далеко они не ушли, скоро начали возвращаться. Мы выходили к ним на переговоры. Немцы сообщили, что прогноз погоды на выходные не очень, а сегодня, в пятницу, после обеда ожидается strong thunderstorm. Последняя, уходящая вниз связка, была французской.

— What is forecast of weather for weekend? German say will be very bad...

— Oh, no, no, no!!! — воскликнул гид. — Bad weather will be all week!

Спасибо, блин, — порадовал.

— Where are you from? — спросил он напоследок.

— Russia.

Мы отправились ждать грозу в палатку, а гид со своими клиентами слинял вниз к подъемнику.

Грозы мы так и не дождались. Мало того, к вечеру погода улучшилась.

Под самый вечер, перед закатом, когда совсем распогодилось, Василий решил определить погоду на завтра статистическим способом.

— Пойду-ка на гребень, посмотрю на Col du Midi сверху, сколько там палаток стоит, — сказал он. — Если много — значит, погода завтра хорошая будет.

— Ничего не получится, — засомневался я, — штук тридцать в любом случае стоит. Завтра ведь суббота.

Василий ушел и вернулся через полчаса, уже в сумерках.

— Ну, и сколько там палаток?

— Две.

О-па! Какой пассаж. Сейчас мы начнем жалеть о том, что не сделали позавчера то, что погода попытается нам помешать сделать завтра. Продуктов отъели две трети, а тут не то что Монблан, Маудит не видно. Впрочем, я уже говорил, что мы это, как там его, э-э-э... да, «крутые перцы», а значит, и калачи достаточно тертые. Продукты на четвертый день я собрал втихомолку и отдал Свете перед выходом. Просил, разумеется, никому не говорить. Да еще пакет на восемьдесят карамелек прихватил, да шоколадку, да четыре быстрорастворимых супчика. И ужин сегодняшний сократил попо-

лам, думаю, что незаметно. А еще при загрузке внизу «не заметил», как Димка два лишних баллона с газом в рюкзак засунул.

Ночью снова завыл ветер и пошел снег. Часов с пяти начали выглядывать из палатки каждые полчаса, но результат был постоянным — ничего не видно. Вообще. К семи утра мы, похоже, задремали всей командой.

— Хелло, руцки, — раздался прямо над палаткой голос с характерным польским акцентом.

Так, а мы ведь еще не представились! Похоже, внизу уже рассказывают истории про ненормальных русских, предпочитающих в плохую погоду ночевать в палатке на четырехкилометровой высоте.

Я вылез наружу. Мать честная! Видно. Видно ледопад! И даже стенку ледовую, что на хребет Маудита выводит, видно!

Поляки ушли, а мы лихорадочно начали собираться. С гребня Такюля к нам на перевал спустилась двойка венгров. Стандартное «Здравствуйте» на французском языке, и венгры пошли дальше. Мы продолжали собираться, когда к нам подошел французский гид с двумя англичанами. Англичане остановились возле нас, гид, естественно, тоже — желание клиента закон. Из вежливости я спросил:

— Is the route on the ice wall very difëcult today?

— Usually, — ответил гид, — but you must have a good equipment.

— Is it the good equipment? — снова спросил я, поднимая знаменитое изделие санкт-петербургской судоверфи, известное под названием «ледоруб».

Гид — стойкий мужчина, всякое в жизни видел, поэтому даже бровью не повел.

— No, — произнес он ровным голосом, — this iceaxe is invalid.

И отправился с англичанами дальше.

— А почему это он нас инвалидами обозвал? — обиженно спросил Димка.

— А потому, что мы ходим с костылями, — кратко изложил я Димке суть нашего разговора.

Ледопад встретил нас неприветливо. Не то, что бы совсем плохо, но постоянно какие-то «прибамбасины» встречались — то стенка ледовая в рюкзак толкает, сбросить с полочки норовит, то трещина шириной чуть ли не полтора метра, то просто лед крутой — крюка требует. Но это все мелочи — хуже было то, что видимость опять упала метров до пятидесяти.

Мы подошли к ледовой стенке, когда гид, сидящий в середине ее на скальном островке, объяснял англичанам, что перила закреплены, и что пора начинать движение вверх. Англичане не испытывали особенного энтузиазма. Гид ждал. Мы тоже. Наконец англичане сообщили гиду, что они хотели бы повернуть назад. Желание клиента — закон. Гид отцепился от точки на скале и, размахивая «гуд эквипментами», по триста евро каждый, начал спускаться

вниз. Мы терпеливо ждали. Как хорошо, что русские обладают врожденной терпеливостью и деликатностью. Впрочем, об этом я уже говорил.

Одни в Альпах

Димка подошел к ледовой стенке через засыпанный снегом бергшрунд, взял в руки два invalid equipment и без всякой суеты, не снимая двадцатикилограммового рюкзака, за две минуты поднялся до скального островка. Еще минута ушла на организацию страховки и закрепление перил.

Василий ухватил вторую веревку и отправился за Димкой с похвальной быстротой. Я был уверен, что к тому времени, когда Света, вслед за ними, дойдет до конца первой веревки, там уже никого не будет, а дорога на гребень уже будет провешена еще одной веревкой.

...Рывок руками, зажим вверх, переступил ногами, рывок руками, зажим вверх, переступил ногами, рывок руками, зажим вверх, переступил ногами ...

Тонкий скрученный нейлон под названием веревка и зажим — мои надежные союзники в борьбе с земным притяжением.

Господи, я же точно знаю, что наши веревки всего по тридцать метров длиной! Откуда же взялась эта, практически бесконечная? Я иду и иду по ней, она все не кончается. Ну, ладно, ладно, ну, не бесконечная, но не меньше же она, чем пятьдесят!!!

... Я завис на страховке и пытался пропихнуть в легкие литров двадцать воздуха за каждый вдох. Постепенно ко мне возвращалась реальность окружающего мира. Я понял! Конечно, веревка была тридцать метров. Просто это мне лет пятьдесят. Когда было тридцать, с таким же ощущением проходила веревка длиной пятьдесят метров. Арифметика — наука точная. От перемены мест слагаемых ощущения не меняются.

— Как у нас там веревки расположены? — спросил Василий, когда я вылез на гребень и в очередной раз внимательно рассматривал черные и разноцветные круги перед глазами.

— Состегнуты, на конце узел, все откреплено, можно вытаскивать.

— Нет, здесь два венгра спуститься хотят, дорогу на Монблан искать замучились. Я им предложил нашими веревками воспользоваться.

Повертев головой, сразу за кругами я обнаружил венгров, убедился, что это не «глюки», и успокоился. Василий повел ребят к тому месту, где были закреплены веревки, и начал объяснять им диспозицию при помощи

слова «middle». Венгры старательно пытались вникнуть, но смысл все-таки до них не доходил. Отдышавшись, я вооружил Василия словами «горе», «knot», «end», а также добавил, что «бергшрунд» и «дюльфер» они должны понять без перевода. Дело сразу же пошло на лад. Через пять минут один венгр уже был внизу, а второй закрепился на веревке с уже надетой левой рукавицей. Прежде чем надеть правую, он протянул стоящему рядом Димке руку: «Good luck», повернулся ко мне и ...

Если вам придется где-нибудь, когда-нибудь, чисто случайно услышать, что альпинисты тоже нормальные люди, просто вспомните этот эпизод.

Венграм оставалось поковыряться минут тридцать-сорок в ледопаде, если не очень спешить. Потом часа два на дорогу через гребень к станции канатной дороги. Полчаса на канатке до Шамони. Всего три с половиной часа до уютного кафе, где, попивая вино или пиво под вкусную закуску и ленивый шум дождя, можно посетовать на погоду. И кто же при этом тебя осудит? Все-таки сегодня на 4350 всего восемь человек вылезло.

Так вот, на лице этого венгра были совершенно отчетливо нарисованы две вещи — обида и зависть! Обида за то, что сложившиеся обстоятельства прогоняют его в кафе, и он ничего сделать не может. А завидовал он нам. Понимаете, нам! Сегодня у нас будет четвертая ночевка на снегу. С утра на завтрак была жареная вода, потому что к тому моменту, когда она закипела, и чай, и кофе вместе с сахаром лежали глубоко в рюкзаках. Кроме воды, мы получили по одному сухарю и по три карамели. А на ужин у нас будет то, что мне удалось сэкономить на вчерашнем ужине. Думаю, что все это он более или менее представлял, только махнул бы с любым из нас местами, не задумываясь.

Венгры исчезли и тут же появились поляки.

— Did you take the summit?

— Yes.

Интересное кино получается. Два часа двадцать минут тому назад они были около нашей палатки внизу. Сюда — ну, полчаса, если, конечно, у них встроенные реактивные двигатели. Остается час пятьдесят. Н-да! Нет, я ничего плохого сказать не хочу про ребят. Просто там по дороге пупырь есть, на высоте четыре четыреста, который в такую погоду, а точнее непогоду, можно принять за вершину. Причем, чего хочешь — Монблана, Эльбруса или Маттерхорна.

Поляки скрылись в тумане, и мы остались одни. Если я правильно понимаю ситуацию, то одни на все Западные Альпы. Народ засел по приютам. В общем, все по-взрослому, без спасательных вертолетов, которые уже три дня не летали, и без сотового телефона, который сети не видит.

Мы начали траверсировать склон в сторону Маудита. Склон ошетинился льдом. Было бы видно, куда с этого склона падать, точно бы легче было.

Ладно, общеизвестно, что бог бережет только береженого. Крюк, крюк, закладка на скальном островке, дальше легче. Туман, ветер слабый. Неожиданно открывается Маудит. Простой фирновый склон не более тридцати градусов. Главное, не взять вправо на итальянскую сторону. Там такие карнизы, что, если сверзиться, можно до Милана долететь. Не взяли, не сверзились, правда, вылезли опять в полном тумане. Всего за полчаса и бегом назад к рюкзакам, пока следы не замело. Хорошо бы сегодня еще немного пройти, только не видно ни черта.

...Мы проспали. Самую малость, но все-таки проспали. Не знаю, как это вышло, только уже начало седьмого, все видно, даже Монблан, хоть он и в облаках. Я выпрыгнул из палатки и заорал на все Альпы:

— С днем рождения, Денис!!!

— У шефа крыша поехала, — вяло сообщил Василию Димка. — От радости, наверное, первый раз Монблан увидел вблизи.

— Старшему сыну сегодня двадцать исполняется, — прояснила ситуацию Света.

На этот раз мы не убрали кофе в рюкзак раньше времени, и завтрак получился даже роскошным. Особенно по сравнению с ужином. Тут шагать немного осталось. Вот сейчас это здоровое снежное поле перебежим, на пологий такой, снежный хребтик вылезем, а дальше по нему подем до самой горы.

Поле кончилось метров через двести и превратилось в склон, круто уходящий вниз и напичканный какими-то трещинами и трещинками. Сначала, господа хорошие, будьте добры метров на сто пятьдесят вниз, а потом снова вверх. Да ради бога! Нам не жалко, была бы погода. А вот с ней как раз вдруг опять стало совсем плохо. Когда мы слезли на самое дно этого котлована, из Италии на нас двинулась здоровая туча, не менее километра по высоте и вся в черных и фиолетовых пятнах.

Мы неслись с тучей наперегонки на гребень, с которого прямая дорога на гору, через какие-то снежные склоны и ледовые плечи, трещины и даже бергшрудны, впрочем, на совесть присыпанные снегом. Туча победила в этой гонке. Оставалось совсем немного до гребня, когда нас накрыл заряд. Первая связка была метрах в двадцати пяти, пытаюсь вверх и вправо выйти к каким-то скалкам. Раз, и связка исчезает! Следы тоже сразу же исчезли. Не то, что их замело, а просто в мелькающем снеге белое на белом не видно.

Как в свое время вождь мирового пролетариата, мы пошли своим путем. Минут через двадцать на гребне нас встречали две до боли знакомые физиономии. Встреча прошла в дружественной, но холодной и ветреной обстановке. Конечно, было бы приятней, если бы нас встретила та официантка из «Макдоналдса», у которой коренные ноги из зубов... тьфу, корен-

ные зубы из ног... — нет, я что-то совсем запутался. На худой конец, подошла бы пара французских гидов, совершенно случайно прогуливающих через Монблан с востока на запад. Но что поделаешь, все имеет свои пределы применения. Время альпийского альпинизма замерло, а вторую группу горных туристов вряд ли удалось бы здесь отыскать.

Мы забились под камень и начали ждать от моря погоды. От Средиземного.

Безнадега. Вырубили площадку для согрева. Рубить пришлось в основном лед. Посидели еще два часа. Поставили палатку. Монблан сопротивлялся не по-детски.

Хроника пикирующих «перцев»

Светопреставление началось в десять часов вечера. Стойка палатки легла мне на голову, что сразу меня разбудило. Спросонья я попытался держать ее руками, не вылезая из спальника. К счастью это заблуждение быстро прошло.

— Сейчас стойки переломит, — сообщил Василий, раньше всех разобравшийся в ситуации.

В считанные секунды группа заняла положение, при котором большая часть ветровой нагрузки легла на спины и плечи. Стойкам уже не грозила опасность, но мы догадались, что такое развлечение нам обеспечено надолго. Начали развлекаться. Сила ветра потихоньку нарастала. С моей стороны регулярно, каждые десять минут, раскрывалась молния тента. Снизу доверху. И когда я высовывался в тамбур, чтобы застегнуть ее, ветер выстреливал в меня порцией снега, искренне огорчаясь, что не может достать сильнее.

Час тридцать. Итальянский ветер совсем не собирается стихать. Наоборот, все больше и больше усиливается. Упираясь спиной и головой в стойку, я думал об Италии. За эти полночи я успел ее возненавидеть. До чего же она уродлива! Сама на сапог похожа. Нет, вы подумайте! Не на брюки или фуражку, на худой конец! На сапог! А итальянцы — это вечно галдящая толпа. Два итальянца — это уже галдящая толпа. А что едят «макаронники»? Пицца, разве это еда? А поют как? То ли дело, наш Газманов — как взвизгнет: «Москва, тра-та-та-та, Москва!», сразу полстраны от телевизора шарахнутся и начнут лихорадочно программы переключать.

Два сорок. Строго вдоль всей длины молнии порвался наружный тент. Димка быстро одевается и вылезает. Сворачиваем порванный тамбур, на-

тягиваем ткань тента вдоль борта внутренней палатки. Лейкопластырем заклеиваем точку, где остановился разрыв. Очень плохо. Если еще полметра пройдет вдоль конька, то все — дорвет до конца, и мы без тента. А внутренняя палатка и пять минут не продержится.

— Ну, что, милая, — ласково шепчу я на ушко жене, — пора и тебе идти одеваться. И обуваться.

Двадцать шесть лет в туризме — не шутка. Светлана собиралась без всякой суеты, деловито и уверенно.

Три ноль пять. Мы сидим на полупустых рюкзаках, одетые во все, что только можно было одеть, и продолжаем держать палатку. Я прикидываю варианты. Ветер — все тридцать, к бабке не ходи. Температура — минус десять — это минимум. Хорошо бы, и максимум. То есть, наоборот. Кажется, максимум и минимум надо переставить местами. Или не надо? Тьфу, какая чушь в голову лезет! Лопата под рукой у Василия — это хорошо. Значит, так. Если наш славный домик разорвет окончательно, то уходим под камень. Двоих, мне кажется, можно запихнуть довольно глубоко. Двоих тоже можно будет прикрыть от прямого ветра. Плюс ковры, полиэтилен, кого-то в спальник засунем. Да, скучать в этом безлюдном уголке планеты нам вряд ли придется.

Где-то я прочитал, что Альпы — самый «спасаемый» район. Если не сломал шею сразу, то обязательно спасут и вылечат. Здесь мы, кажется, на исключение нарвались.

Между тем, меня не покидает ощущение, что мы — экипаж самолета, который вот-вот может свалиться в пике. Кажется, стоит только сделать одну ошибку, как полет станет неуправляемым. А этого уж совсем не хочется. Зачем добавлять в статистику несчастных случаев еще один салат из свежемороженых перцев, приправленный блеском медалей? Дети не простят.

Четыре тридцать. Где-то посередине между двумя моими самыми слабыми местами — животом и головой — родилось ощущение, которое позже сформировалось в устойчивую уверенность — ветер стал тише. Я поделился этим ощущением с народом.

— Ты знаешь, — сказал Василий, — мне тоже так показалась, только я опасался об этом говорить — сглазить боялся. Что делать будем?

— Спать собираюсь, по крайней мере, до рассвета.

Мы вынули ковры, расстелили наш знаменитый четырехместный спальник, набили два рюкзака всем, чем можно, подперли ими стойки, и, как были, в ботинках и пуховках, залезли в спальник. Под голову мне досталась видеокамера. Она внутри сумки завернута в толстый поролон. Классная подушка!!! Я не уснул, я — вырубился.

Шесть десять. Мне приснилось, что палатку порвало. Я пытаюсь вырваться из нее, но не могу, начинаю задыхаться...

Наконец удается вылезти из глубины спальника, вдохнуть свежего воздуха и проснуться. Палатка на месте, хотя дуть снова стало значительно сильнее.

Шесть пятнадцать. Димка готовит кофе, Света, Вася и два рюкзака держат палатку, а я вылезая наружу.

Да-а... Все варианты слинять куда-нибудь отпадают сразу. Я вижу только палатку и камень в трех метрах от нее. Не знал бы, что на гребне стоим — в жизнь бы не догадался. Намечаю контур будущего местоположения палатки и возвращаюсь.

Семь ноль-ноль. Палатка обмотана снаружи веревкой. Света возглавила команду из трех рюкзаков, брошенную на борьбу за ее устойчивость. Все мужское население направлено на ударную комсомольскую стройку — рытье новой площадки. В основном это рубка льда. Надо отметить, что плохое питание отрицательно сказывается на работоспособности персонала. А также неблагоприятные производственные факторы, такие как: высота 4506 метров над уровнем моря, повышенная влажность и ветер со снегом прямо в рожу. У нас с Димкой на 15 секунд работы приходится две минуты отдыха. У Василия этот показатель раза в два лучше. Конь педальный...

Восемь ноль-ноль. Рубим лед.

Девять ноль-ноль. Рубим лед.

Десять ноль-ноль. Рубим лед.

Одиннадцать ноль-ноль. Нашли фирн. Из него даже можно делать кирпичи. Дело пошло веселее.

Четырнадцать ноль — ноль. Контрэскарп, отрытый по всем правилам фортификационного искусства, готов. Начинаем перемещение палатки.

Четырнадцать сорок пять. Палатку переставили, не разбирая.

Шестнадцать тридцать. Ну, все! Над палаткой в итальянском направлении стенка, которая вместе с надстроенными снежными блоками не менее, чем два тридцать. Внушительные боковые стенки создают впечатление полной надежности. Снег и ветер, которые по-прежнему нещадно лупят, уже не представляют серьезной опасности. В палатке все застелено, лишний снег выброшен. В кастрюле греется вода. Вася со Светой тент зашили. У нас теперь снова два тамбура. Залезаю в палатку. Пуховка мокрая изнутри вдоль швов. Снег под давлением ветра загоняло в швы, и он там таял. Вытягиваюсь во весь рост и забываюсь в полудреме.

Семнадцать пятьдесят. Меня будят на ужин. Странно, но есть совсем не хочется. Надо себя заставить! Как в анекдоте. После ужина провели ревизию продуктов.

Сто граммов сухого картофельного пюре, сто пятьдесят граммов тушенки, сто граммов шоколада, двенадцать сухарей, два быстрораствори-

мых супчика общим весом 60 граммов и, самое главное, 60 карамелек. И кофе, кофе — хоть завались — граммов 150 еще наверное. Газа почти литр. В общем, на три дня без проблем.

Перед сном, когда на очередной бешеный порыв ветра наш тент отзывался ласковым шелестением, мне в голову полезли философские мысли. Само пикирование, как разновидность свободного падения, совершенно не приносит никакого вреда. Вред приносит неудачный выход из этого состояния. Так вот, на этот раз я засыпал совершенно уверенный, что из этого пике мы выйдем плавно, правда, испытав некоторые перегрузки, наиболее тяжелые из которых уже позади.

Баллада о награде

Рассвет. Снизу в Шамони многослойная, похожая на вату облачность. Из Италии тоже лезет какая-то дрянь. Высоко в небе перистые облака, но их немного. Но видно гору, и ветер не сильный. Снегу по колено. Быстро обуваю ботинки и надеваю кошки. Все остальное, включая страховочную систему, на мне уже надето. Кажется, третий день. Запихиваю в рюкзак все, что попадает под руку. Чувствую, что хватит. Надеваю рюкзак и иду на гору. Я точно знаю, что полчаса на этом я для группы выиграл. Может, больше. Время сейчас дороже, чем золото. Сколько его у нас, час, два, пять? Если «окно» закроется, то придется опять вгрызаться в ледовый склон, чтобы укрыться от ветра.

Выйдя на гребень из нашей ямы, я вдруг обнаружил, что дрянь из Италии больше не летит, а дует несильный, но постоянный ветер. Поднимающаяся из Франции многослойная гадость натывается на этот ветер и отступает. Ай да итальянцы! Боже, как я люблю Италию и все итальянское. Нет, вы просто вспомните, как она выглядит! Какой изящный сапожок! А футбол. Вы видели где-нибудь более умную команду, чем итальянская? А какие изысканные повара! Какие блюда готовят! И представляете, при всем при этом, в мире находятся еще уроды, которые их называют «макаронниками»! А как поют, как поют! Вспомните хотя бы Паваротти! Не то, что эта наша... как ее, эта... ля-ля-ля трещинки! Протащить бы ее разок где-нибудь по трещинкам Ушбинского ледопада. Все бы свои дурацкие тексты позабывала!

Я формирую ступени на склоне четырехкратной прессовкой. Опускаю ногу в снег, и она проваливается сантиметров на пятнадцать выше колена. Вытаскиваю ногу, сбиваю снег с краев следа так, чтобы он упал внутрь и снова ступаю в след. Затем еще два раза то же самое. Ступень готова, на нее можно становиться и приступать к формированию следующей.

Снизу спокойно собирается группа. Работа идет. Группа собирается и одновременно движется вперед. Через полчаса выходит Света. Еще через пять минут Вася и Дима. Я по-прежнему ковыряюсь на склоне. Через десять минут Вася в двадцати метрах от меня. Я сделал триста восемьдесят восемь ступеней. Последний рывок поднимает группу еще на двенадцать шагов. Через левое плечо падаю в снег на рюкзак, освобождая тропу. По губам скользит блаженная улыбка. Я смог сделать это! Все сорок шагов. Я смог.

— Поздравляю, сэр, — почти наяву слышу голос дворецкого.

Смотрю на кусочек голубого неба сквозь разноцветные круги. Черных кругов нет совсем. Великое дело акклиматизация.

До вершины я сделал еще тысячу и два шага, но первым мне больше идти уже не дали.

На вершине, разумеется, никого не было, хотя мы видели, что народ уже несется по классическому маршруту навстречу нам. Лучшего признака того, что нормальная погода продержится еще несколько часов, трудно и придумать. Вдоволь наснимавшись, мы засели в небольшую ложбинку и принялись варить кофе, — типа, война войной, а завтрак по расписанию. За этим занятием нас и застали два француза.

Представьте себе картину — наполненные чувством собственного достоинства, гордые оттого, что они продолбили дорогу по снегу для трех сотен идущих следом за ними восходителей, французы поднимаются на гору. Я приподнимаюсь из ложбинки. Общение с иностранцами — это моя прямая обязанность.

— Bonjour! — произношу я совсем без акцента и тут же, перепрыгивая на практически уже родной для меня английский, говорю: — Would you like a cup of coffee?

Шшшшшмяк!!! Ледоруб из рук француза падает в снег.

Ну, не знаю, что он там увидел. Шапочку свою любимую, которую надеваю зимой, чтобы получать двадцатирублевую скидку у таксистов, я предусмотрительно снял. Пуховка на молнию с каким-то перекосом застегивается, но все дырочки на ней аккуратненько зашиты. Да не такая уж она и старая. Штаны, те, вообще, импортные. Сам по весне в Second hand покупал. На местные деньги за три евро, считай, будут. Ну, не мылись неделю, не брились еще больше, а где мыться-то было? Может, это Salewa? Краги на мне были фирмы Salewa. За две с половиной недели порвались по всем швам и разлохматились. Не рука, а мохнатая лапа снежного человека.

От кофе французы отказались, а всех нас четверых на вершине сфотографировали. За те двадцать три дня, что мы провели вместе — это единственная фотография, на которой мы все четверо.

...Корейцы, у которых были обратные билеты, быстро набились в кабину подъемника. Мы задержались, покупая билеты. Отправляющая терпеливо ждала. Наконец мы втиснулись в кабину. У оживленно болтавших корейцев наши рюкзаки вызвали небывалый прилив смеха. Гид поддерживал их, что-то, с веселой улыбкой, сказав мне по-французски.

— Change? — предложил я, скорее для того, что бы определиться с языком общения. Это короткое слово вызвало новый прилив смеха. Гид начал объяснять, что с таким рюкзаком impossible делать Mont Blanc. Я возразил и начал объяснять, что благодаря такому рюкзаку нам и удалось сделать Монблан, вместе с его пригорками. Больше всего в этой речи мне нравился мой английский. Прорвало, наконец. Корейцы меня понимали. Причем полностью. Они, видать, в приюте от души насиделись, дожидаясь погоды, и отчетливо представляли, о чем идет речь. Кабина причаливала к платформе в полной тишине — ни одного смешка.

Вообще-то, если честно, мне уже приходилось получать награды за мои проделки в горах. Не буду лицемерить, это было чертовски приятно. Но я никак не мог предположить, что нас будут награждать за Монблан. Причем так быстро и по самому высшему разряду. Дверь кабины открылась, и мы оттащили свои рюкзаки в сторону, освобождая дорогу. Ручеек корейцев потек вниз по лестнице. Последним выходил гид. Но вместо того, чтобы пойти вниз за клиентами, он, шагнув ко мне, протянул руку со словами:

— Bravo, Russia!

Потом пожал руку мне и моим товарищам и поспешил вслед за своими корейцами.

Домой

Маленький «фиат», проскочив туннель под знаменитой французской горой Монблан, ворвался в Италию. Из всей четверки, сидящей в нем, некоторую свободу имел только водитель. Остальные были полностью завалены нехитрым туристским скарбом. Если посмотреть на карту Европы, то «фиат» строго вертикально падал от Монблана на побережье Тирренского моря. Впереди нас ждали Сан Ремо, Монте-Карло, Лазурный берег, Ницца, Канны, а позже Париж. Лучшая часть летнего отпуска осталась позади... □

От редакции: Николай Владимирович Левичев, председатель партии «Справедливая Россия», стал кандидатом в мэры Москвы. Нам, «сменовцам», это особенно приятно, поскольку он не только автор нашего журнала, но долгие годы был членом редакционной коллегии. И хочется думать, что школа «Смены» помогает ему не только в большой политике (он заместитель председателя Государственной думы России), но и в осуществ-

Алексей Митрофанов

«Благородка»

Идея Благородного собрания возникла много раньше, нежели сам дом. Е. Благово, московская дворянка, вспоминала: «Дворянское со-

брание в наше время было вполне дворянским, потому что старшины зорко смотрели за тем, чтобы не было какой примеси, и члены, привозившие с собою посетителей и посетительниц, должны были отве-

Журнальный вариант

влении очень интересного проекта: Николай Владимирович — спонсор книжной серии «Прогулки по старой Москве». Автор ее — замечательный историк и писатель Алексей Митрофанов, написавший серию очерков о старой Москве, за сохранение которой, кстати, как вы хорошо знаете, последовательно и терпеливо борется Николай Левичев.

Поэтому с особым удовольствием мы предлагаем вашему вниманию один из очерков этой серии — «Благородка».

чать за них и не только ручаться, что привезенные ими точно дворяне и дворянки, но и отвечать, что привезенные ими не сделают ничего предосудительного, и это под опасением попасть на черную доску и

время царских приездов, но не смешивалось с дворянством: стой себе за колоннами да смотри издали. Дом

*Колонный зал здания
Благородного собрания*

через то навсегда лишиться права бывать в Собрании. Купечество с их женами и дочерьми, и то только почетное, было допускаемо в виде исключения как зрители в какие-нибудь торжественные дни или во

Благородного собрания был издавна на том месте, где он теперь, только сперва этот дом был частный, принадлежал князю Долгорукову. Основателем Собрания был Соймонов, человек очень почтен-

ный и чиновный, к которому благоволила императрица Екатерина; он имел и голубую (Андреевскую) ленту и в день коронации императора Павла получил где-то значительное поместье. Жена его была сама по себе Исленьева. Вот этот Соимонов-то и вздумал учредить Собрание для дворянства, и лично ли или

через кого из приближенных входил о том с докладом к государыне, которая дала свою апробацию и впоследствии приказала даже приобрести дом в казну и пожаловала его московскому дворянству. Дом был несравненно теснее, чем теперь.

Я помню по рассказам, что покойная матушка езжала на куртаги, кото-

рые были учреждены в Москве: барыни собирались с работами, а барышни танцевали; мужчины и старухи играли в карты, и по желанию императрицы, чтобы не было роскоши в туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платье у жены. У матушки было

платье: юбка была атласная, а сверху вроде казакина или сюртучка довольно длинного, стального цвета с красною шелковою оторочкой и на красной подкладке.

Императрица приехала в Москву, в котором это было году — не знаю, но думаю, что до 1780 года зимой, и пожаловала сама на куртаг; тогда и матушка ездила... Намерение-то было хорошее, хотели удешевить для барынь туалеты, да только на деле вышло иначе: все стали шить себе мундирные платья, и материи очень дешевые, преплохой доброты, ужасно вздорожали, и дешевое вышло очень дорогим. Так зимы с две поносили мундирные эти платья и перестали. Так как батюшка был владельцем в Калужской губернии, где был и предводителем, и в Тульской губернии, то у матушки и было два мундира — один стального цвета, а другой, помнится, лазоревый с красным...

Съезжались обыкновенно в 6 часов, потому что обедали рано; стало быть, 6 часов — это был уже вечер, и в 12 часов все разъезжались по домам. Танцующих бывало немного, потому что менюэт был танец премудренный: поминутно то и дело, что или присядь, или поклонись, и то осторожно, а иначе, пожалуй, или с кем-нибудь лбом стукнешься, или толкнешь в спину; мало этого, береги свой хвост, чтоб его не оборвали, и смотри, чтобы самой не попасть в чужой хвост и не запутаться. Танцевали только умевшие хорошо танцевать,

и почти наперечет знали, кто хорошо танцует... Вот и слышишь: «Пойдемте посмотреть — танцует такая-то — Бутурлина, что ли, или там какая-нибудь Трубецкая с таким-то». И потянутся изо всех концов залы, и обступят круг танцующих, и смотрят, как на диковинку, как дама приседает, а кавалер низко кланяется.

Тогда и в танцах было много учтивости и уважения к дамам.

му что он, взглянув на потолок, спросил: «Это что же такое?» — и, говорят, нахмурил брови. Он был довольно суеверен и имел много примет...

Благородное собрание было очень посещаемо, и дамские туалеты всегда очень хороши и несравненно богаче, чем теперь, потому что замужние женщины носили материи, затканые серебром, золотом, и цельные глазетные. Мужчины тоже дол-

С

обрание в том виде, как оно было потом, устроили в 1811 году, его переделали, расширили и расписали. Очень всем не нравилось, что на потолке в зале был представлен орел с распушенными крыльями, окруженный темно-синиею тучей, из которой зигзагами выходит молния. Многие тогда видели в этом дурное предзнаменование, которое и сбылось...

Вальса тогда еще не знали и в первое время, как он стал входить в моду, его считали неблагопристойным танцем: как это — обхватить даму за талию и кружить ее по зале...

Собрание в том виде, как оно было потом, устроили в 1811 году; его переделали, расширили и расписали. Очень всем не нравилось, что на потолке в зале представлен был орел с распушенными крыльями, окруженный темно-синиею тучей, из которой зигзагами выходит молния. Многие тогда видели в этом дурное предзнаменование, которое и сбылось, и императору Александру Павловичу, посетившему тогда Собрание, должно быть, это не очень полюбилось, пото-

гое время до воцарения императора Александра продолжали носить французские кафтаны различных цветов, довольно ярких иногда — атласные, обьяринные, гродетуровые и бархатные, шитые шелками, блестками, и серебром, и золотом; всегда шелковые чулки и башмаки: явиться в сапогах на бал никто и не посмел бы, — что за невежество! Только военные имели ботфорты, а статские все носили башмаки, на всех порядочных людях хорошие кружева — это много придавало щеголеватости. Кроме того, пудра очень всех красила, а женщины и девицы вдобавок еще румянились, стало быть, зеленых и желтых лиц и не бывало.

*Здание
Благородного собрания
в 19 веке*

С утра мы румянились слегка, не то что скрывали, а для того, чтобы не слишком было красно лицо; но вечером, пред балом в особенности, нужно было побольше нарумяниться. Некоторые девицы сурьмили себе брови и белились, но это не было одобряемо в порядочном обществе, а обтирать себе лицо и шею пудрой считалось необходимым».

П. Богатырев восхищался: «На углу Большой Дмитровки и Охотного ряда находится здание Российского благородного собрания. Не знаю, есть ли еще где-нибудь такой огромный зал, с такими колоннами, зеркалами и люстрами, как здесь. На огромных колоннах этого зала устро-

ены довольно вместительные хоры. Кроме этого Большого зала, есть еще там Малый зал, тоже довольно большой, но много ниже и уже Большого; есть здесь и еще несколько зал, и великолепная круглая гостиная. В этом Собрании в шестидесятых годах была, кажется, первая в России мануфактурная выставка.

В Большом зале московское дворянство принимало государей и задавало такие балы, о которых разговоров хватало на целую зиму. Тогда так называемое высшее общество, состоящее из аристократических русских фамилий, жило еще широко, по-барски, и давало, так сказать, тон всей Москве.

В этом же зале устраивались и симфонические концерты только что основанного под руководством Николая Григорьевича Рубинштейна Музыкального общества. Концерты эти привлекали цвет московского общества».

Попасть в дворянский клуб было непросто. Строгие старшины отслеживали чистоту рядов. Были в Собрании постоянные члены, были и приглашенные. Разумеется, тоже дворяне. Если обнаруживалось, что постоянный член привел какого-нибудь разночинца, его наказывали, вплоть до исключения.

*Знаменитая мраморная
лестница Благородного собрания*

Происхождение являлось почти единственным критерием. Чем родо-вители, тем лучше. Ведешь свой род с какого-нибудь там замшелого столетия — значит, достоин танцевать с императрицей. А матушка любила посещать Собрание. И в менюэте («минове́те», как его в то время называли) все боялись повернуться к ней спиной. Словно в церкви к алтарю.

Но это никого не унижало. Напротив — приводило в верноподданнический восторг.

За знатность рода господам прощалось многое. Завсегдатайствовала, например, в Собрании ужасная старуха Офросимова. Все ненавидели ее. Как вцепится в какого-нибудь молодого человека или в девушку на выданье — так и пропал

весь вечер. Потанцевать не даст, заставит ходить с собою под руку и будет учить уму-разуму. Дескать, и прическа не такая, и одежда, и ветер в голове... А гуляла не по краешку, как было принято в Собрании, а зигзагами через весь зал, стараясь помешать танцующим.

Тем не менее, Наталью Дмитриевну Офросимову боялись. Лучше не перечить. Знатная. От нее всего лишь прятались, старались не попасться на глаза.

Этих офросимовых хватало. «Всем в Москве правили старухи, — писал Юрий Тынянов. — Москва была бабье царство. Жабами сидели они в креслах в Благородном собрании и грозно поглядывали вокруг».

Впрочем, по отношению к царям никто не вредничал. Наоборот, боялись помешать желанию монарха. Как-то император Александр Павлович вел в танце (в первой паре, разумеется) еще одну старуху, некую Архарову. Вдруг у Архаровой стало спадать исподнее белье. Она не оконфузилась, не подала и виду — даже наступила на свою одежду.

Благороднейшее общество восприняло ее поступок, словно подвиг.

Тут, как и везде, были и свои зануды, и свои блистательные шалуны. Взять, к примеру, Герцена. Он вспоминал в «Былом и думах»: «Бал был в зале Благородного собрания. Я походил, посидел, глядя, как русские

аристократы, переодетые в разных пьоро, ото всей души усердствовали представить из себя парижских сидельцев и отчаянных канканеров... и пошел ужинать наверх».

А, скажем, Пушкин никогда бы так не написал. Он веселья не чурался, и тому свидетельствуют даже самые нейтральные воспоминания.

Например, кузины Александра Герцена, Татьянушки Пассек: «Мы увидали Пушкина с хором Благородного собрания... Пушкин стал подле белой мраморной колонны, на которой был бюст государя, и облокотился на него».

Немногие посмели бы облокотиться о такой культовый бюст. И Герцен

так не поступил бы никогда. В крайнем случае, он произнес бы речь.

Кстати, по преданию, именно тут Александр Сергеевич Пушкин познакомился со своей будущей супругой Натальей Гончаровой. На балу у знаменитого танцмейстера Йогеля.

Это была главная бальная площадка города Москвы. А балы здесь любили. Бал был сказкой, мечтой, волшебством. И, в то же время, обычным явлением позапрошлого века. Ничуть не экзотичнее извозчика и кулебяки.

В девятнадцатом веке в балах заключался смысл общества. Балами жили. Без них нельзя представить дворянский быт России.

Между собой соревновались балетмейстеры. Лучшим был признан Петр Йогель, гениальнейший учитель танцев. Его балы старались, по возможности, не пропускать.

концертов до пафосных политических акций. Вот, например, 23 апреля 1844 года именно здесь состоялся гастрольный концерт немецкой пианистки Клары Шуман. Она приехала сюда со своим мужем, известным композитором Робертом Шуманом и выступила в Благородном собрании. Разумеется, ее слушали с большой приязнью. В Москве и сегодня не равнодушны к заезжим артистам, а в то время, при тех «средствах коммуникации», когда о телевидении еще и не мечтали, — и подавно.

Клара Шуман писала: «Приняли меня очень восторженно. Большой успех имел «Ноктюрн» Фильда».

Ей вообще понравились Москва и москвичи.

Дворянское собрание в то время было чинным, благородным, но никак не мертвенным и не официоз-

В

Большом зале московское дворянство принимало государей и задавало такие балы, о которых разговоров хватало на целую зиму. Тогда высшее общество жило широко, по-барски, и давало, так сказать, тон всей Москве

На балах заводили знакомства, решали дела, флиртовали, интриги плели. Многих они делали счастливыми. И многих, разумеется, несчастными. Где красавицы изменяли мужьям и влюбленным в них юношам? Разумеется, там, на балах...

События же здесь случались самые разнообразные — от легких

нум. А к началу прошлого столетия распоясалось вконец.

Об избранности публики уже не приходилось говорить. Сюда пускали каждого желающего. Возникло вдруг «демократическое» сокращение — «Благородка». Да и увеселения стали совсем другими, унижительными для старой дворянской

гвардии, в изумлении доживающей свой долгий век.

В конце девятнадцатого века тут, например, устраивало свое празднество Общество искусства и литературы. Мало того, что в стены Благородного собрания пустили безродных рисовальщиков и щелкоперов. Им разрешили наряжаться в жуткие карнавальные костюмы и заставить аристократические интерьеры более чем смелыми декорациями.

Впрочем, жуткими и смелыми их находили только в прошлом веке. Из нашего же времени все это воспринимается как классика, немножечко поднадоевшая со школы. Например, картины Левитана.

В Колонном зале проходили концерты «музыкалки» — московского Музыкального общества. На концертах аристократизма не было в помине. А билетов на подобные мероприятия продавали больше, чем было в зале мест. В основном сюда ходило «новое купечество» — в отличие от старого, кондового, не чуждое искусств.

Петр Боборыкин так описывал одно из здешних культурно-развлекательных мероприятий: «По мраморной лестнице Благородного собрания поднималась на другой день Анна Серафимовна — одна, без Любаши.

Она любила выезжать одна и в театр лакея никогда не брала. Только на концерты Музыкального общества ездил с ней человек в скромной черной ливрее, более похожей на

пальто, чем на ливрею. Первые сени, где пожарные отворяют двери, она быстро прошла в своей синей песочной шубе. Двери хлопали, сквозной ветер так и гулял. В больших сенях стеной стояли лакеи с шубами. Все прибывающие дамы раздевались у лестницы. Белый и голубой цвета преобладали в платьях. По красному сукну ступенек поднимались слегка колеблющиеся, длинные, обтянутые женские фигуры, волоча шлейфы или подбирая их одной рукой. На площадке перед широким зеркалом стояли несколько дам и оправлялись. Правее и левее у зеркала же топтались молодые люди во фраках, двое даже в белых галстуках. Они надевали перчатки. На этот концерт съехалась вся Москва. В программе стояла приезжая из Милана певица и исполнение в первый раз новой вещи Чайковского.

Публика все прибывала. «Вся Москва» давала себя знать... Вошло уже более двух тысяч человек. С той площадки, где остановилась Анна Серафимовна, лестница и сени в обоих своих отделениях, с поднимающимися кверху дамами и мужчинами, толкотней за арками, с толпой лакеев, нагруженных узлами, казались каким-то одним телом, громадным пестрым червем, извивающимся в разных направлениях... И все это — Москва, «хорошее» общество, едущее сюда каждую субботу»...

Перед революцией Собрание и вовсе опростилось. В нем в 1911 году прошли концерты народного хо-

ра Митрофана Пятницкого. И перед публикой показывали свое умение петь «Барыню» крестьяне из Воронежской губернии.

Пресса подавала это как вполне достойное событие. Больше того, восторгалась: дескать, только на этих концертах москвичи стали «лицом к лицу с настоящими народными певцами, — теми самыми деревенскими артистами и артистками, живыми художественными традициями которых доселе держится еще на Руси старинное песенное искусство».

Словом, демократизация страны коснулась и Дворянского собрания. По сути, уничтожила его. И собра-

ние купцов, студентов и крестьянских песенников дворянским называли только по привычке.

Как ни странно, некая общественная значимость вернулась к этому дворцу после революции 1917 года.

«Дом благородного собрания»

Культурным домом стал теперь —

Центральным домом профсоюзов, — ликовал Демьян Бедный.

«Дом благородных союзов», — шутили скептики.

Но, несмотря на узкий профиль нового владельца, именно в этом здании проходили многие важные события. Здесь устраивались пока-

зательные суды — от полусерьезного «Разгрома «Левого фронта» до известных разоблачений с последующими расстрелами. А. Мариенгоф вспоминал: «О таких буйных диспутах, к примеру, как «Разгром «Левого фронта», вероятно, современники до сих пор не без увлечения рассказывают своим дисциплинированным внукам.

В Колонный зал на «Разгром» Всеволод Мейерхольд, назвавший себя «мастером», привел не только актеров, актрис, музыкантов, художников, но и весь подсобный персонал, включая товарищей, стоявших у вешалок.

было. Колонный был взят яростным приступом. На это ушло минут двадцать. Мы были вынуждены начать с опозданием. Когда я появился на трибуне, вихрастый знаменосец по знаку мастера высоко поднял шест. Красные штаны зазмеились под хрустальной люстрой.

— Держись, Толя, начинается, — сказал Шершеневич.

В ту же минуту затрубил рог, затрещали трещотки, завывали сирены, задребезжали свистки.

Мне пришлось с равнодушным видом, заложив ногу на ногу, сесть на стул возле трибуны.

П

опасность в дворянский клуб было непросто. Старшины отслеживали чистоту рядов. Были в Собрании постоянные члены, были и приглашенные. Разумеется, тоже дворяне. Если обнаруживалось, что постоянный член привел какого-нибудь разночинца, его наказывали, вплоть до исключения

К Колонному залу мейерхольдовцы подошли стройными рядами. Впереди сам мастер чеканил мостовую выверенным командорским шагом. Вероятно, так маршировали при императоре Павле. В затылок за Мейерхольдом шел «знаменосец» — вихрастый художник богатырского сложения. Имя его не сохранилось в истории. Он величаво нес длинный шест, к которому были прибиты ярко-красные лыжные штаны, красиво развевающиеся в воздухе.

У всей этой армии «Левого фронта» никаких билетов, разумеется, не

Публика была в восторге. Скандал ее устраивал значительно больше, чем наши сокрушительные речи.

Так проходил весь диспут. Я вставал и присаживался, вставал и присаживался. Есенин, засунув четыре пальца в рот, пытался пересвистать примерно две тысячи человек. Шершеневич философски выпускал изо рта дым классическими кольцами, а Рюрик Ивнев лорнировал переполненные хоры и партер.

Докурив папиросу, Шершеневич кисло сказал:

— «Разгром» не состоялся».

Здесь выставляли на «последнее «прости» гробы с великими усопшими. Первым из удостоившихся этой почести был Петр Кропоткин.

После встречи гроба с телом на Савеловском вокзале (последние годы великий Кропоткин провел в подмосковном Дмитрове) его перенесли на Большую Дмитровку, в Колонный зал Дома Союзов, где и установили для прощания. Это было началом традиции. До Кропоткина подобных актов — с организованной очередью, почетным караулом и прочей соответствующей атрибутикой — здесь не устраивали, но с февраля 1921 года это место стало постоянным.

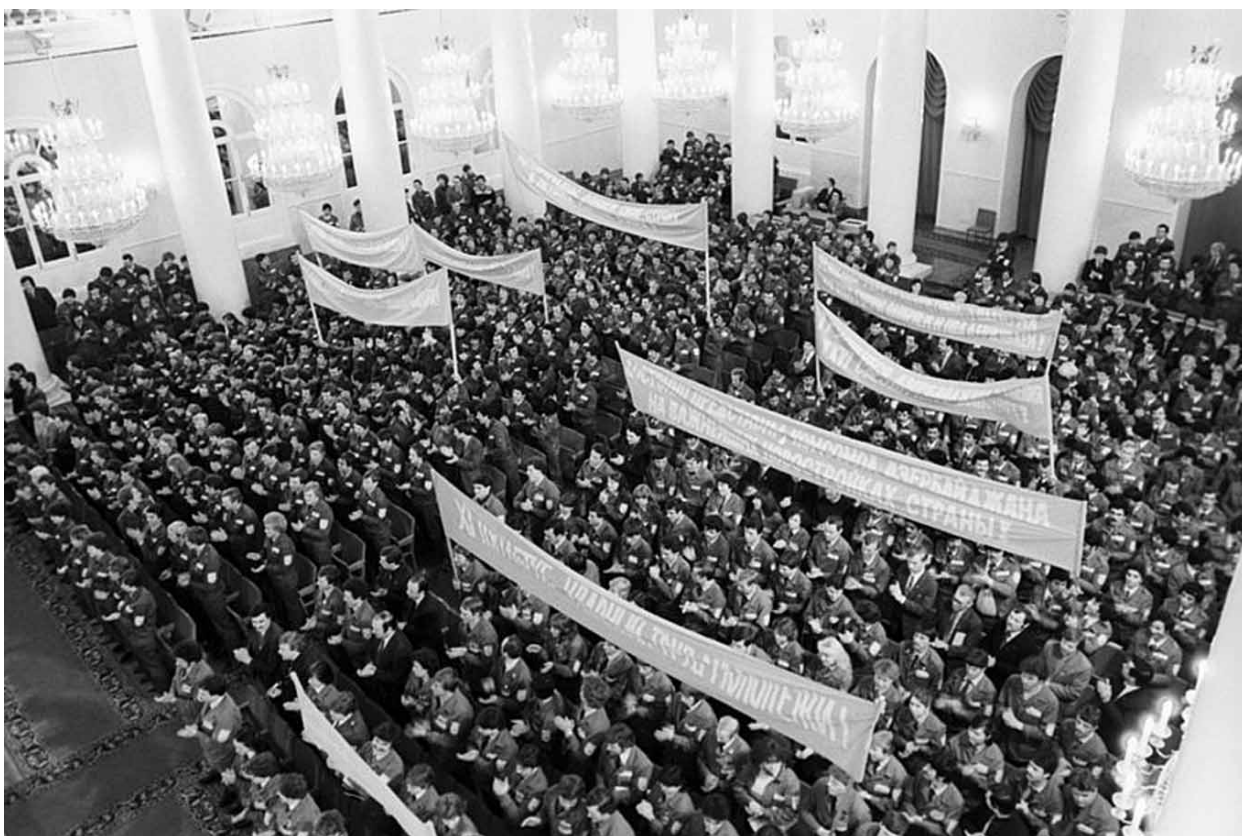
Два дня гроб стоял в Колонном зале. Количество пришедших попрощаться с видным анархистом исчислялось тысячами. Это были и делегации от заводов, общественных и государственных организаций, и самостоятельные граждане, представлявшие в том зале лишь самих себя. В почетном карауле большей частью находились анархисты.

Под конец церемонии произошла неприятная история. Дочь Петра Алексеевича Александра попросила Ленина «освободить хотя бы на день похорон, для участия в них тех товарищей анархистов, которые находятся в данный момент под арестом». В просьбе ей было отказано. Но Александра Петровна была дочерью своего отца и категорически заявила, что «все коммунистические венки будут сняты с гроба, если анархисты не будут выпущены на похороны».

На подобное власти, конечно, пойти не могли, и анархисты были выпущены, что называется, «под честное слово». Все прекрасно понимали, что это самое «честное слово» подкрепляется возможностью очередного витка государственного террора: за каждого сбежавшего будут расстреляны десятки его невиновных соратников. Поэтому все анархисты после похорон вернулись в тюрьмы.

Здесь неоднократно выступал сам Ленин. Вот, например, одна из многочисленных заметок, посвященных одному из многочисленных таких событий, помещенная в «Вечерке»: «Блестящий Колонный зал Дома Союзов переполнен рабочими депутатами. На хорах полно гостей. В зале говорят о предстоящем выступлении тов. Ленина. Все с нетерпением ждут появления вождя русского пролетариата, который впервые после своего выздоровления должен выступить перед представителями рабочих организаций. Появление Владимира Ильича было встречено громом аплодисментов. Весь зал стоя приветствовал вождя мирового пролетариата. Приветствия вылились в форму бурной овации, длившейся несколько минут».

Вот еще одна история про Ленина, описанная публицистом Ильей Шнейдером: «Художественный отдел Моссовета, которым ведала тогда Каменева, поручил мне как режиссеру отдела и организацию, и проведение... ответственного концерта, причем Каменева упрямо на-

стаивала, чтобы объявление исполняемых на концерте номеров производилось на трех языках: русском, французском и немецком. Мы доказывали, что трехкратное повторение в коротких фразах фамилий композиторов и исполнителей, одинаково звучащих на всех этих языках, будет только вызывать смех аудитории, но Каменева настояла на своем, и поэтому порученная мне почетная роль ведущего такого ответственного концерта была для меня отравлена. К тому же я опасался за свой неважный французский прононс. Но на концерте я не мог удерживаться от улыбки при нудном и ненужном повторении одного и того же на трех языках, и аудитория весело отвечала мне оживлением в зале, прекрасно по-

няв, что я выполняю чей-то нелепый приказ.

В зале, несмотря на лето, было холодно. Артисты тоже ежились и кутались в теплое, ожидая в круглом зальце позади эстрады своего выступления. Гельцер, в белой пачке, со страусовым эгретом в прическе, вышла перед *pasdedeux* в зал и стала «разогреваться», опершись рукой о холодную мраморную колонну и энергично отстукивая «маленькие батманы» попеременно то одной, то другой ногой, на которых поверх шелкового розового трико были временно натянуты грубые шерстяные гетры.

Я уже готов был объявить танец, когда внезапно иссяк свет в величественных хрустальных люстрах и все погрузилось в темноту и в мгно-

венно наступившую тишину, в которой снова зазвучало прервавшееся было размеренное постукивание и шарканье гельцеровских «маленьких батманов».

Так же внезапно все залило опять светом, и я увидел, как Гельцер продолжает «разогреваться», опираясь не на колонну, откуда она отошла в темноте, а крепко уцепившись рукой за чье-то плечо...

Я объявил *pasdedeux* и, сбегая по приставленной к эстраде лестнице, заметил сидевшего на ее ступеньках человека, быстро писавшего что-то в записной книжке.

Немного погодя я снова вышел из круглого зальца к эстраде и заметил, что человек этот, повернув голову к танцующим, смотрит на заканчивающееся *adagio*, а потом вни-

мательно следит, как Гельцер проводит в стремительном темпе свою вариацию.

Под гром аплодисментов балерина сбежала с лестницы. Человек, сидевший на ступеньках, повернул вслед Гельцер голову, похлопал в ладоши и улыбнулся.

Я взглянул на его лицо и прирос к паркетному полу: прямо передо мной на расстоянии каких-нибудь двух-трех шагов сидел Ленин!

Я уже не видел ни мужской вариации, ни коды, ни финала, я видел одного только Ленина, который продолжал писать и время от времени взглядывал на сцену.

Мое сердце колотилось, я не мог отвести взгляда от такой знакомой по портретам фигуры Владимира Ильича, его головы, большого лба,

от усов и бородки, удививших меня своим рыжеватым цветом, и не верил своим глазам, не верил, что наяву, так близко вижу Ленина.

Гельцер и Тихомиров сбежали с лесенки, и Ленин снова заулыбался и захолопал в ладоши. Потом он встал и, глядя в свою записную книжку, прошел в дверь, за которой стрекотали пишущие машинки.

Я побежал к Гельцер и Тихомирову и сказал им, кто сидел сейчас на лесенке, улыбался им и аплодировал. Они бросились обратно к эстраде, но Ленин, видимо, надолго остался в машинописном бюро, диктуя, должно быть, свои записи, в которые он углубился, сидя на ступеньках и не слыша временами ни музыки Минкуса, ни оглушительных аплодисментов и криков «браво».

А вот и другое событие. Январь 1924 года. Мимо гроба с телом Ленина проходят люди. Газета «Беднота» охотно публикует диалоги между подобными паломниками: «Встречаю орловского мужика. Здравоваться. Спрашиваю:

— Вы, товарищ Маянцев, давно в Москве?

— Какое, только вчера приехали, вот с ними, — указал он на стоящих четырех мужиков.

— Мы от «мира», целая деревня сделала нам сбор на дорогу. Бабы сносили в сборную избу полотенца, масло, яйца и строго-настрого наказывали посмотреть хоть на умершего Ильича. Да и не только посмотреть, а проводить до могилы.

Уже пятый час стоим, а теперь, кажись, недолго — вон уж дом-то близко».

Кого только не было среди тех, кто пришел попрощаться. Был, кстати, и писатель Михаил Булгаков. В два захода. Его супруга вспоминала: «24 января всю ночь простояли в Дом Союзов, но так и не попали, вернулись зачочневшие домой. Булгаков потом пошел один и попал».

До могилы, куда так стремился проводить вождя товарищ Маянцев, дело не дошло: здесь же было принято решение построить мавзолей. Сюда же доставили и архитектора Щусева, которому выпала честь решать эту нелегкую задачу.

А 7 февраля 1924 года в Колонном зале Дома Союзов состоялся пленум Моссовета, посвященный памяти Ленина.

Пленум постановил:

«1. Оставить Владимира Ильича Ленина навсегда в списках членов Моссовета как депутата трудящихся масс.

2. Номер 1 членского билета, присвоенного Владимиру Ильичу, в дальнейшем не выписывать другим избранным депутатам Совета».

До сравнительно недавних пор все это выполнялось с большой тщательностью.

При советской власти залы бывшего Дворянского собрания все чаще использовались в качестве общественно-политической площадки первого разряда. Это началось еще в 1919 году, когда здание передали

профсоюзам. Сам Ленин выступал тут около пятидесяти раз. Затем трудящиеся массы прощались в этих залах с телом Ильича. Затем — траурный пленум Моссовета. А после события посыпались одно за другим.

Тут, к примеру, в 1934 году прощались с Сергеем Мироновичем Кировым. Его убийство приписывалось «шайке троцкистско-зиновьевских бандитов» — так выражались официальные средства массовой информации. А других тогда не было.

А спустя два года в этих стенах «многомиллионные народы Советского Союза... вынесли свой приговор главарям подлых банд фа-

Глядя на сидевших в зале молодых людей — строителей метро, на их радостные, веселые лица, обращенные только к НЕМУ, ждущие только ЕГО слова, он думал о том, что молодежь за НЕГО, молодежь, выросшая в ЕГО эпоху, — это ЕГО молодежь, им, детям из народа, он дал образование, дал возможность осуществить свой трудовой подвиг, участвовать в великом преобразовании страны. Этот возраст, самый романтический, навсегда будет связан в их памяти с НИМ, их юность будет озарена ЕГО именем, преданность ЕМУ они пронесут до конца своей жизни.

К

началу прошлого столетия Дворянское собрание вконец распоясалось. Об избранности публики уже не приходилось говорить. Сюда пускали каждого желающего. Возникло вдруг «демократическое» сокращение — «Благородка»

шистских агентов — троцкистско-зиновьевским шпионам, вредителям, диверсантам — Зиновьеву, Каменеву, Пятакову, Серебрякову и другим».

В это время здесь властвовал другой уже вождь — несколько иного склада, с несколько иной харизмой. Анатолий Рыбаков писал в романе «Тридцать пятый и другие годы»: «14 мая 1935 года Сталин приехал в Колонный зал Дома Союзов на торжественное заседание, посвященное пуску Московского метрополитена.

Его мысли прервал Булганин: — Слово имеет товарищ Сталин. Сталин подошел к трибуне.

Зал встал... Овация длилась бесконечно...

Сталин поднял руку, призывая к спокойствию, но зал не утихал, все хлопали в такт, это было похоже на удары по громадному барабану, и каждый удар сопровождался громовым скандированием одного слова: «Сталин!», «Сталин!»

Сталин привык к овациям. Но сегодняшние овации были особенны-

ми. Его приветствовали не чиновники, не комсомольские бюрократы, а простые рабочие — бетонщики, проходчики, сварщики, слесари — строители первого в стране метро-

Зал ответил ему радостным смехом и новыми овациями.

— Я имею две поправки, — продолжал Сталин, — партия и правительство наградили за успешное

При советской власти залы бывшего Дворянского собрания все чаще использовались в качестве общественно-политической площадки. Сам Ленин выступал здесь около пятидесяти раз. Затем трудящиеся массы прощались в этих залах с телом Ильича, а после — события посыпались одно за другим...

политена. Это народ, лучшее из народа и будущее народа.

Аплодисменты сотрясали зал, юноши и девушки вскакивали на кресла, кричали: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Великому вождю товарищу Сталину — комсомольское ура!»

Сталин вынул часы, поднял их, показывая залу, что пора угомониться. Ему ответили еще большей овацией.

Сталин показал часы президиуму. Там заулыбались, польщенные тем, что тоже принимают участие в трогательном общении вождя с народом. И, как бы уступая требованию Сталина, так демократически выраженному, члены президиума стали усаживаться на места.

Садись и в зале, но аплодисменты продолжались.

— Товарищи, — Сталин улыбнулся, — подождите авансом рукоплескать, вы же не знаете, что я скажу.

строительство Московского метрополитена одних — орденом Ленина, других — орденом Красной Звезды, третьих — орденом Трудового Красного Знамени, четвертых — грамотой ЦИК. Но вот вопрос: а как быть с остальными, как быть с теми товарищами, которые клали свой труд, свое умение, свои силы наравне с ними? Одни из вас как будто бы рады, а другие недоумевают. Что же делать? Вот вопрос.

Он сделал паузу.

Благоговейная тишина стояла в зале.

— Так вот, — продолжал Сталин, — эту ошибку партии и правительства мы хотим поправить перед всем честным миром.

Опять зал взорвался смехом и аплодисментами.

Сталин вынул из нагрудного кармана френча сложенную вчетверо бумажку, развернул.

— Первая поправка: за успешную работу по строительству Московского метрополитена объявить благодарность ударникам, ударницам и всему коллективу инженеров, техников, рабочих и работниц Метростроя.

И опять гром аплодисментов. Когда зал, наконец, утих, Сталин сказал:

— И вторая поправка: за особые заслуги в деле мобилизации славных комсомольцев и комсомолок на успешное строительство Московского метрополитена наградить орденом Ленина Московскую организацию комсомола.

Снова шквал аплодисментов. На этот раз аплодировал и сам Сталин, воздавал этим честь московскому комсомолу.

И когда он перестал аплодировать, утих и зал.

— Может быть, товарищи, этого мало, но лучшего мы придумать не

сумели. Если что-нибудь еще можно сделать, то вы подскажите.

Жестом руки приветствуя собрание, Сталин направился в президиум.

Овация превзошла все предыдущие. «Ура, любимому Сталину!» И зал загремел: «Ура!», «Ура!», «Ура!» Какая-то девушка вскочила на стул и крикнула: «Товарищу Сталину — комсомольское ура!» И снова понеслось по рядам: «Ура!», «Ура!», «Ура!»

Овация длилась минут десять. В зале продолжали стоять и аплодировать, выкрикивать: «Ура!», «Любимому Сталину — ура!»

Сталин молча стоял в президиуме и смотрел в зал. Нет, это не те, что полтора года назад аплодировали ему на XVII съезде, те аплодировали неискренне, эти совсем другие, это ЕГО люди».

Действовал здесь театр под названием «Рабочий отдых». «Театр своими пятью бригадами концерт-

но-эстрадного характера и двумя бригадами кукольного театра обслуживает преимущественно дома отдыха», — сообщала реклама. В репертуаре же были спектакли: «Инд�льгенция», «Крепи Осоавиахим», «Гармонь», «Бравый солдат Швейк», «Канитель» (по Чехову) и «Неудачный день» (Зощенко). Можно сказать, репертуар перекрывал весь существовавший в то время драматургический диапазон.

Здесь же, в Доме Союзов проходил показательный процесс над так называемыми врачами-вредителями.

В Великую Отечественную именно Дом Союзов был единственной в Москве отапливаемой концертной площадкой. В первую очередь, поэтому здесь состоялась московская премьера знаменитой Седьмой симфонии Д. Шостаковича. Здесь же проходили репетиции. Автор писал: «Объединенный оркестр Большого театра и Всесоюзного радиокомитета закончил работу над моей Седьмой симфонией. Симфония выучена превосходно и исполняется мастерски, с настоящим артистическим воодушевлением... Я прослушал все репетиции, в том числе и генеральную, и я счастлив, что мой авторский замысел на концерте будет так хорошо донесен до слушателя... С большим волнением и радостью я жду тот день, когда в Москве, в столице нашей родины, прозвучит моя Седьмая симфония».

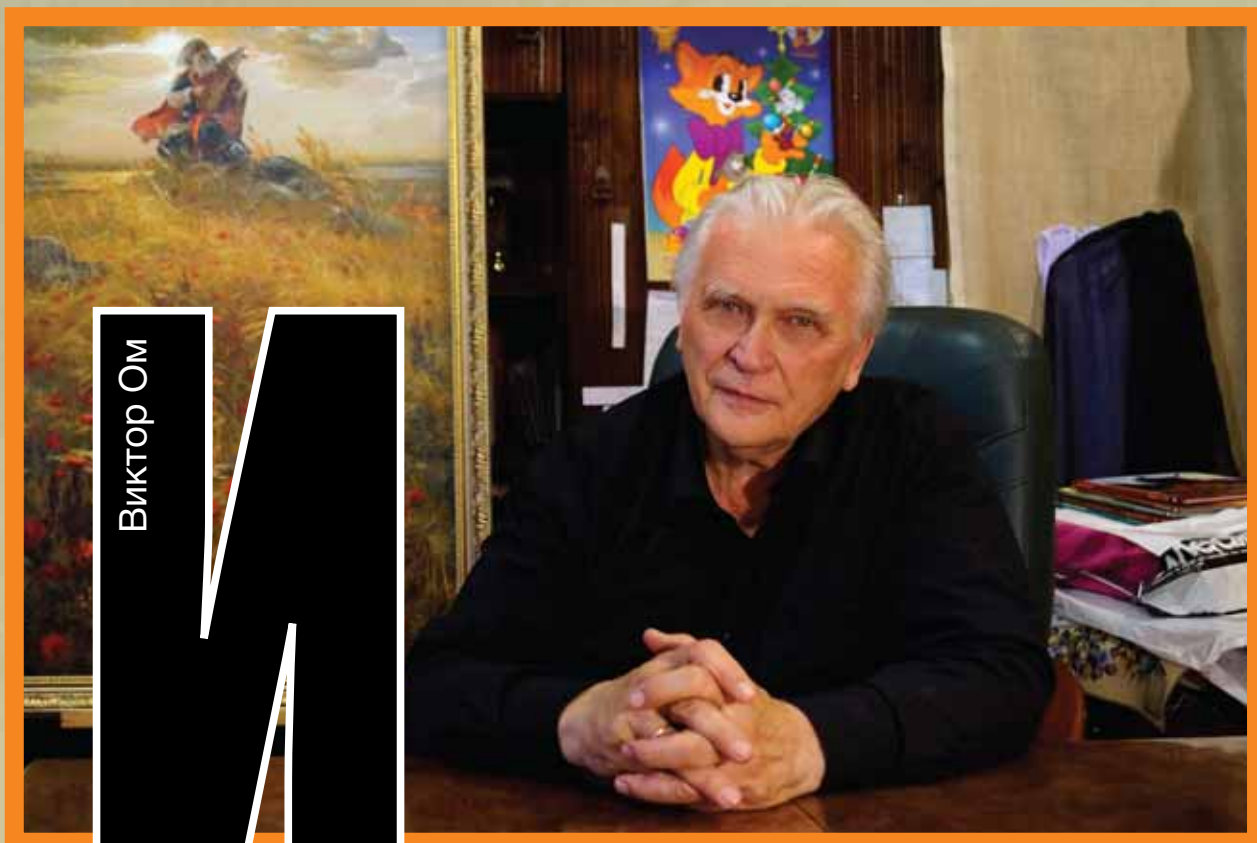
Там же, спустя десятилетие, композитор принял сразу две награды —

звание народного артиста СССР и премию «За укрепление мира между народами». С прочувственной речью выступил И. Эренбург. Он сказал: «Ваша музыка обошла пять частей света, и повсюду она утверждала, что человек может понять другого. Вы приблизили миллионы людей к пониманию других и этим помогли народам отстоять их высшее благо — мир. Вы сделали это, не отрекаясь от сложности человека и от сложности искусства, не приbedняя и не упрощая душевный мир наших современников».

Шостакович же отвечал: «Мне сегодня хочется с глубоким удовлетворением отметить радующие нас успехи сторонников мира во всех станах. Несмотря на огромные трудности, на злобное противодействие алчных и жестоких агрессоров, труженики всех стран и всех народов героически укрепляют великое и благородное дело мира, преграждая тем самым путь губительной, смертоносной войне. Высокая награда обязывает меня бороться за мир и дружбу между народами так, чтобы всегда с честью носить высокое звание сына советского народа, стоящего во главе движения борьбы за мир и дружбу».

Потрясающе непробиваемые штампы советских времен.

Но сегодня советской эпохи в жизни дома как будто и не было. Здесь все так же поют и танцуют, как пели и танцевали во времена гастролей Клары Шуман... □

Виктор Ом

М^наче говоря —

СЧАСТЬЕ!..

...С чего начинается художник? Вопрос равен загадке Вечности!.. Поэтому и писать о художнике трудно.

Я сидел в мастерской Вячеслава Михайловича Назарука, разглядывал его работы и вслушивался в его яркие рассказы о пережитом...

Слава Назарук появился на свет 4 марта 1941 года. Война еще не началась, но в Рейхстаге все уже было готово...

А потом мальчик оказался в эвакуации, и мир познавал на дорогах тыла, напряженного, сосредоточенного лишь на одном — помощи фронту.

«Ледовое побоище»

Но миновало это страшное время, и снова уютный двор на Спартаковской улице и величественный силуэт Елоховского храма над крышами домов.

...Москва... Она была еще военной. Очень неуютной, холодной и голодной...

Но!.. маленький Слава, естественно, не осознавал этого, просто по-детски созерцал свет этого неизвестного пока, изумительно-прекрасного мира... Родная Спартаковская улица казалась ему сказочной декорацией, от которой он не мог оторвать своего любопытного детского взора. Особенно его поражали вечерние краски. Едкий ультрамарин окрашивал притихшие двори-

ки, и такое же синее покрывало замирало над крышами домов и верхушками деревьев, облепленных снежными орнаментами. И так красиво и сказочно горели в этой сумеречной синеве огненно-оранжевые квадратики окон. И такая теперь за ними мирная, долгожданная, а главное — полная надежд жизнь!

Ведь эта страшная война уже кончалась...

Слава подолгу с придыханием смотрел на борьбу холодных и горячих цветов и неосознанно радовался этой неожиданной игре красок, этой феерии, которая так быстро менялась на глазах. Ультрамарин постепенно темнел и превращался в настоящую черноту.

Эти видения завораживали мальчика...

Не знал он тогда, как много в жизни ему придется думать об этой борьбе красок — теплых и холодных, как будут звучать они в самых глубинах его души, заставляя замирать сердце...

Все это придет к нему позже, а вот краски — вязкие и певучие — захватят маленького Славу навсегда...

Вышло так, что не виделись мы целые десятилетия. Встретились — уже седыми... Я приехал к вице-президенту Творческого союза профессиональных художников Людмиле Трофимовне Козловой, там и увидел Славу... Теперь — Вячеслава Михайловича.

Был он, как и всегда, приветлив, улыбчив, а глаза светились добротой. Я-то знал, что это его естественное состояние... Еще в те, советские времена меня поражала его выдержка, благородное спокойствие и человечность. Да-да! Именно человечность. Это слово точно выражает суть личности светлой, доброй, открытой и отзывчивой. В наше «смутное» время он, с его поразительной готовностью поддержать и помочь, кажется инопланетянином, случайно попавшим на нашу планету...

Мы договорились встретиться в его мастерской на улице Вавилова.

Приехал я рано — в девять утра. Такой уж режим у Славы — все расписано.

Только теперь, сидя рядом с ним за огромным столом и попивая чай,

«Боян». Центральная часть триптиха «Слово о полку Игореве»

я, внимательно всматриваясь в лицо Славы, отметил — все же годы тронули сединой и его облик. Но как-то поразительно щадящее, что ли...

«Куликовская битва»

В разговоре я помянул слова писателя Шергина. Он как-то сказал: «Художники живут терпко!» Славе очень понравилось это выражение. Он вздохнул и задумался, со своей неизменной мягкой улыбкой...

В 1965 году Вячеслав окончил Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. А потом была вынужденная пауза на два года — служба в армии.

Вернувшись домой, он поступил на курсы по подготовке художников — постановщиков ЦТ при Госкомитете по ТВ и радиовещанию.

Почти через десять лет вступил в Московский союз художников, а в 1982 году стал членом Союза кинематографистов СССР.

В 1991–1992 годах уехал в США, по приглашению киностудии Дисней-фильм, для обмена профессиональным опытом. Читал лекции по теории рисунка, живописи и композиции.

А начиналось все с художественной школы...

— Художественная школа в то время находилась на Садовой, прямо во дворе Планетария, — рассказывает Вячеслав Михайлович. — Там стоял двухэтажный особнячок. На

первом этаже была «художка», а на втором — музыкальная школа. После окончания учебного года я поехал в пионерский лагерь. А мама взяла мою поделку из пластилина и отнесла показать в художественную школу. Вообще-то, чтобы попасть туда, надо было пройти вступительные экзамены, но меня приняли без них. Видимо, моего «ваяния» им хватило. Так я и стал заниматься лепкой.

Когда встал вопрос о высшем образовании, уж и не помню, почему, я решил поступать во ВГИК. На художественный факультет.

Хорошо сдал специальные предметы. Но — увы! Провалил историю...

Сам удивляюсь — что на меня тогда нашло? Вдруг стал дерзить пе-

дагогу. Экзаменатор спросил: «Когда родился Владимир Ильич Ленин?» А я вместо ответа говорю: «А почему вы не спрашиваете, когда родился мой отец?» Он взвился как смерч и влепил мне «пару»... Я забрал документы и ушел, «солнцем палимый»... Теперь думаю — видимо, просто не судьба была учиться во ВГИКе.

Что оставалось делать? Вернулся в родную «художку». Проучился еще год, а потом поступил на художественно-графический факультет в Педагогический институт им. В.И. Ленина.

И мне повезло... В то время там преподавал маститый советский живописец, лауреат целых пяти Сталинских премий, Василий Прокофье-

«Проводы Перуна»

вич Ефанов, а еще — Аркадий Максимович Кузнецов. Аркадий Максимович был мужчина серьезный и, вообще, внушительной внешности. У него были ну просто немислимо густые и кустистые брови... И вот изпод них он так пронзительно мог посмотреть — будто просвечивал двумя огненными стрелами, и ты сразу понимал — ни соврать, ни шелохнуться... Вся суть твоя понята и оценена! Но при всей внешней строгости это был человек добрейший и нежнейшей души. Он преподавал рисунок и живопись и дал нам очень многое.

Мне просто здорово повезло, что у меня были такие учителя!

На курсах художников-постановщиков преподавали выдающиеся

мастера, просто живые классики — Геннадий Мясников и Михаил Богданов. Они были постановщиками в знаменитой «Войне и мире» Сергея Бондарчука.

Об известном мастере советского мультипликационного кино Дмитрие Наумовиче Бабиченко Слава говорил с особенным подъемом. Припоминал интереснейшие детали общений с ним и рабочих моментов, и вообще... все оттенки разговоров. Мастерски копировал речь своего кумира и даже «актерски» показывал...

— Ну, это был уникальный человек. Представляешь, сам Махно стрелял в него — итог печален, оказался на всю жизнь без глаза... А он

«Пейзаж»

ведь был — ху-дож-ник! И без глаза, представляешь? А как держался, несмотря на то, что у него не было глаза! Искалечил человеку жизнь этот треклятый анархист... Но в профессии, даже с одним глазом, он был ас... Это подтверждает — если ты Паганини, то и на одной струне сыграешь. Дмитрий Наумович оказал на меня, как на человека и, конечно, как на художника, громадное влияние. Фактически он и сделал меня профессионалом в анимационном кино...

И это действительно так. За серию мультфильмов о коте Леопольде Вячеслав Михайлович Назарук был удостоен Государственной премии. Но он это важнейшее событие

в жизни как-то обходит стороной и не акцентирует. Просто констатирует факт, и все...

— Лепка, мультипликация — это все замечательно, а когда же началась серьезная работа в живописи? — не удержавшись, спросил я.

— Все серьезное началось с картины «Куликовская битва», — неторопливо ответил Вячеслав Михайлович. — Только очень уж неожиданно и как будто случайно пришла ко мне эта работа. Меня пригласили в Исторический музей, и я, впечатленный всем увиденным, в разговоре сказал: «А давайте я напишу вам картину». Через несколько дней сделал небольшой эскиз. Принес в музей, показал...

«Затмение»

Справа:
«Крещение»

И мне сразу же предложили подписать договор.

Так и написал свою первую большую работу. Холст внушительных размеров — пять метров двадцать сантиметров на метр восемьдесят...

Меня поразило композиционное решение, где как будто отсутствовал главный герой, или, проще говоря, — композиционный центр. Здесь все рубились — безумно, остервенело, фанатично. Художник понял суть. Смерть одинакова для

всех — и для простого крестьянина, и для князя! Это словно какой-то взгляд на чудовищное действо из поднебесья, точнее — из космоса. И так явственно прочитывается древняя мысль мудреца: «Война — это сор космический!»

Потом были холст «Ледовое побоище», триптих на тему «Слово о полку Игореве», «Проводы Перуна», «Крещение», «Чудо святителя Алексия», «Соколиная охота», «Грезы», «Застава» и другие работы. Уже из самих названий понятна тематическая направ-

ленность художника, его творческое кредо. Все это — песнь о России, о ее великих сынах, о ее народе.

А что касается «Куликовской битвы»... Лично для меня эта картина Вячеслава Михайловича — вершина его творчества. Может, мое мнение субъективно, но так я чувствую и понимаю. Мне кажется, в этой работе удалось слиться двум энергиям: внешне — объективной, то есть технической, профессиональной, и той, невидимой, во сто крат более мощной. И сплав этот дал изумительный результат — потрясающее полотно!

Я смотрел на картину, и вдруг в голове зазвучали давно услышанные строки смоленского поэта Павла Мавренкова. Стихотворение называлось «Куликово поле»:

*Частица малая Державы,
Его обширности дивлюсь —
Простерлось Поле ратной славы
На всю невиданную Русь.*

*Недаром храбрый воевода
Над ним летел на скакуне.
Обречены враги народа
В моей загадочной стране.*

*Враги, уже иные снова
Заполнили Отчий край.
Россия! Вспомни Куликово!
И никогда не забывай!*

«Куликовская битва» — это настоящий творческий подвиг. Николай Рерих в одном из своих эссе писал, да просто требовал от молодого художника:

В искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

А вы избегаете слово «подвиг», ибо для вас оно сопряжено или со схимою или с красным крестом. Повашему, в жизни странно и неуместно заниматься этими понятиями. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно.

Обращаясь к историческим темам прошлого России, Назарук воссоздает не столько эпическое, как иные исторические живописцы, а ищет даже в этом материале батальных картин некие лирические созвучия...

Вот, например, центральная часть триптиха «Слово о полку Игореве», она называется «Боян».

За ним мне привиделся весь мир ушедшей Руси. Руси «очарованной», самоуглубленной, созерцательной. Все бытие ее...

Где-то там, в ее глубинах, жили отроки с неземными глазами, где-то там уходили в монастыри прекрасные русские девушки, бродили кроткие и мудрые старцы, мечтали белыми северными ночами одинокие монахи... А вокруг — все те же просторы лесов, водная гладь рек и речушек, тоненькие свечки белых березок, яркая сочная киноварь рябин — и вообще, сказочная природа столь же мечтательна, как и живущие в ней люди...

Какое-то волнующе светлое, пронизанное лучами степного солнца чувство навеивает пейзаж картины «Боян». Убелен сединами древний сказитель. И чудится, что поет он заветные слова для каждой русской души:

*...всего ты исполнена, земля
Русская,*

*О, правоверная вера
христианская!*

«Ладья, лошади»

А на всем — на обильных травах, на сизо-синем горизонте степном, да и самих небесах — всюду лежит тихое божественное очарование сказания, былины, легенды...старой-старой сказки...

Вячеслав Михайлович Назарук, большой русский художник, продолжает свой живописный сказ о любимой им России!

Вновь в мастерской мастера натянут огромный холст...И вся мятежная душа художника заморожена этой тайной белого молчания. Пока... не лягут первые штрихи угля и первые мазки. Вот она, истинная любовь, и в этой любви его есть русский пейзаж, есть золотые россыпи векового Ярилы-Солнца, есть безоглядная любовь к жене, дочерям и

«7 сказок А.С. Пушкина»

внукам, и все, что связано с искусством, этим чудом, дарованным нам.

Есть вся радость бытия... Иначе говоря — это Счастье!.. □

«Лунная ночь на Днепре»

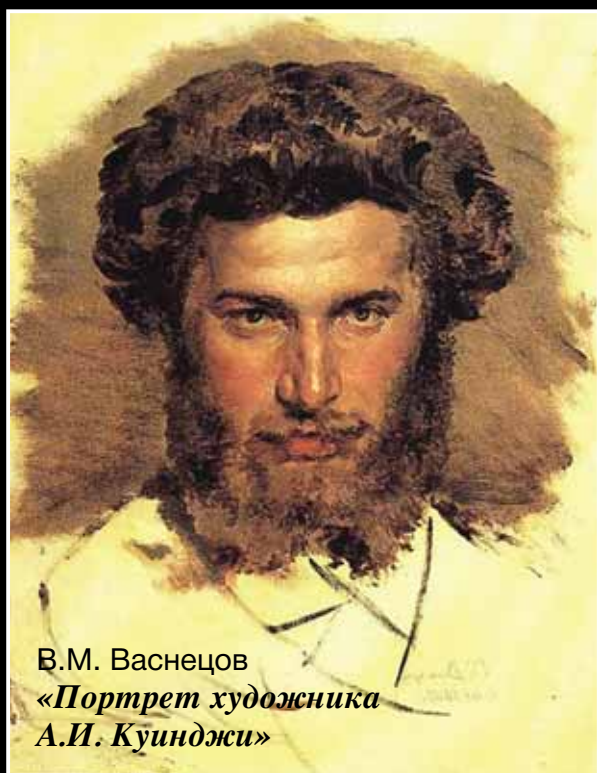

Когда картину, наконец, выставили для публики в зале Общества поощрения художников на Большой Морской, вдоль всей улицы образовалась длиннющая очередь, а вся проезжая часть тут же заполнилась каретами и пролетками. Приходи-

лось ждать часами, чтобы увидеть ее — да, люди стояли в этой безумной очереди, чтобы взглянуть всего лишь на одно полотно! Такого в Петербурге не было со времен брюлловского «Последнего дня Помпеи»! Выставка одной картины и одного

Архипа КУИНДЖИ

Весной 1880 года все в Петербурге только и говорили о новой картине Архипа Куинджи.

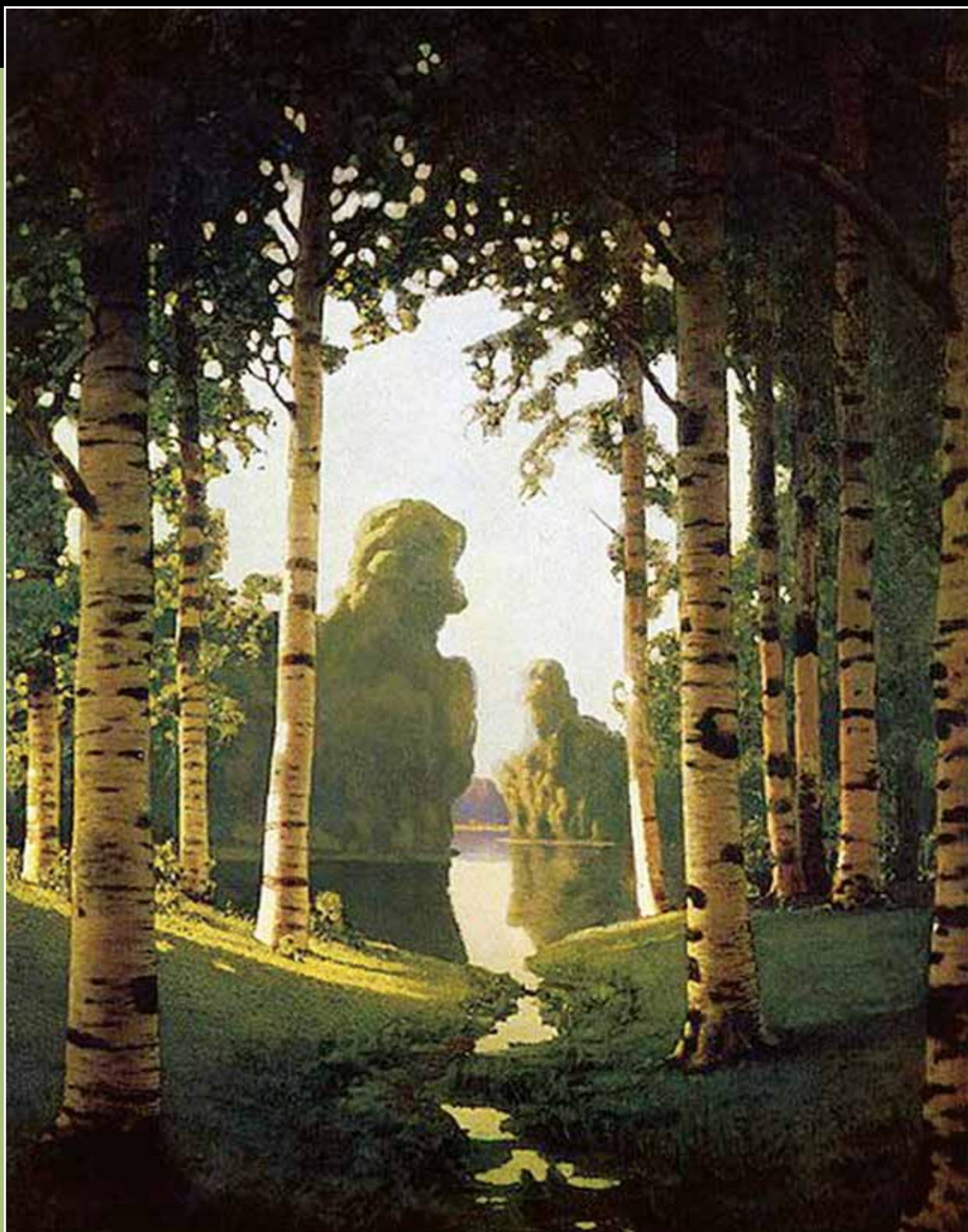
В.М. Васнецов
«*Портрет художника
А.И. Куинджи*»

Любители живописи его уже хорошо знали, но ходили слухи, что это его полотно — действительно нечто необыкновенное. Друзья, да и просто знакомые художника из всех сил старались попасть в его мастерскую и хотя бы одним глазком взглянуть на новое творение мастера. Среди них были И. Тургенев, Я. Полонский, Д. Менделеев, И. Крамской и даже сам великий князь Константин Константинович, который пришел от картины в такой восторг, что тут же купил ее — за весьма немалые деньги! А ведь это был тонкий, умный человек, прекрасно знавший и чувствовавший искусство.

художника! Но полотно Брюллова — огромное, с множеством персонажей, а у Куинджи — совсем небольшое, скромный пейзаж — ну, подумаешь, «Лунная ночь на Днепре»! Но от этой ночи невозможно было оторвать глаз — высокое ночное небо,

луна, будто только сейчас появившаяся в облаках, невероятные дали серебрящегося в лунном свете Днепра, и огоньки в белых украинских мазанках, сулящие тепло и уют...

Куинджи умел выставлять свои картины, а потому его пейзаж висел

в темном помещении, где направленный луч электрического света эффектно выявлял глубину изображенного пространства. «Что это та-

кое? — спрашивал потрясенный до глубины души поэт Яков Полонский. — *Картина или действительность? В золотой раме или в откры-*

Слева:
«Березовая роща»

«Море»

тое окно видели мы этот месяц, эти облака, эту даль, эти дрожащие огни печальных деревень и эти переливы света, это серебристое отражение месяца в струях Днепра, огибающего даль, эту поэтическую, тихую, величавую ночь?» А Крамской писал Репину: «Какую бурю восторгов поднял Куинджи! Вы, вероятно, уже слышали. Этаким молодец — прелесть!» Позже, опасаясь, что краски могут потускнеть, он даже предложил составить протокол, в котором было бы засвидетельствовано, что

«Лунная ночь на Днепре» в 1880 году была «наполнена действительным светом и воздухом, река действительно совершала величественное течение, и небо было настоящее, бездонное и глубокое». Пришедших тогда на Большую Морскую приводила в какой-то священный восторг иллюзия настоящего света луны, и они, как свидетельствовал Репин, стояли перед полотном в «молитвенной тишине», а потом уходили со слезами на глазах: «Так действовали поэтические чары художника на избранных

верующих, и те жили в такие минуты лучшими чувствами души и наслаждались райским блаженством искусства живописи».

Картина возбуждала не только восторги, но и сомнения, споры. Как сумел достичь такого эффекта этот Куинджи? Такой выразительности? Почему его краски словно светятся? Кто-то говорил, что он применяет особые составы — специальную «лунную краску», другие заглядывали за картину, уверенные в том, что там скрыт источник этого удивительного сияния — лампа или

фонарь. Некоторые утверждали, что он написал ее на перламутре. Были и такие, кто просто заявил: да Куинджи связался с нечистой силой! А позже возник и такой слух: мол, Архип Куинджи — вовсе не художник, а ретушер из Мариуполя, и выдает за свои картины, написанные никому неизвестным гением, которого этот злодей Куинджи убил...

Но секрет очень прост — живописное мастерство и любовь к своей земле, к родной природе. Глядя на этот пейзаж, невольно задумываешься о земном существовании и небесном мире и пытаешься найти

Слева: «Солнечные пятна на инее»

«Ночное»

ответы на извечные вопросы о смысле жизни, о красоте и гармонии...

В 1876 году, на Пятой выставке передвижников художник уже показывал наделавшую много шума «Украинскую ночь». Газеты тогда писали, что пейзаж этот совершенно убивает все другие картины, висящие рядом. А в 1878 году ее выставляли на Всемирной выставке в Париже, и французы, тонкие ценители живописи, сразу заметили это полотно. Лунный свет и белые украинские мазанки производили чарующее впечатление. Дюранти, один из наиболее влиятельных критиков того времени, писал: *«Куинджи — бесспорно, самый интересный среди молодых русских живописцев. Оригинальная*

национальность чувствуется у него еще больше, чем у других».

И вот теперь — «Лунная ночь на Днепре».

Невысокий, коренастый, он ходил вразвалочку, тяжеловато, но всегда уверенно. Вьющиеся темные волосы, пышная борода, орлиный нос и живые темные глаза — его облик, весьма колоритный, заставлял вспомнить античные изображения Зевса.

Детство его было нелегким, и сам художник не любил вспоминать эти годы. Он родился, по всей видимости, в 1842 году (точная дата не известна) в семье грека, сапожника Ивана Куинджи (в его метрике значится Еменджи). Куинджи считал себя русским, но предками называл

греков, которые со времен античности населяли Причерноморье, а затем горно-степные районы Крыма. Семья будущего художника жила в предместье Мариуполя Карасевке. В 1845 году неожиданно умер отец, вскоре — мать. Осиротевшие дети жили попеременно в домах брата и сестры Ивана Куинджи. В 10 лет закончились школьные годы Архипа — учился он неважно, зато все время рисовал. Ему пришлось быть мальчиком на побегушках, ретушером, помощником одесского фотографа, но с малых лет он мечтал стать художником. Узнав от хлеботорговца Дуранте, знакомого его работодателя Аморатти, что в Феодосии, совсем недалеко, живет знаменитый художник Айвазовский, Куинджи отправился к нему, но Айвазовского тогда уже в Феодосии не было, зато там жил А.И. Фесслер, слывший лучшим копиистом известного мариниста. По-видимому, именно он преподавал Куинджи первые уроки живописи. Двадцатилетний Куинджи решил поехать в Петербург и поступить в Академию, дважды срезывался на экзаменах — по рисунку, но все же поступил: написал картину «Татарская сакля», отдал ее на академическую выставку и победил — его все-таки приняли. Он вообще не любил проигрывать и всегда шел к поставленной цели, твердо зная, что сумеет преодолеть любые трудности.

В столице Куинджи оказался в самом центре художественной жизни столицы, познакомился и подру-

жился с Репиным, Васнецовым, вождем передвижников Крамским. Его восхищали работы Сурикова, Маковского, Ярошенко, но он чувствовал — нужно искать свой путь... Вскоре в стенах Академии ему стало душно, тесно, и, дойдя до натурального класса, он оставил своих соучеников и профессоров. Репин позже вспоминал: *«Он был с большими недочетами в образовании, односторонен, резок и варварски не признавал никаких традиций, что называется, ломил вовсю, и даже оскорблял иногда традиционные святыни художественного культа, считая все это устарелым»*.

Куинджи ушел из Академии, зато принес на выставку передвижников картину «Забытая деревня», которую Третьяков — сам Третьяков! — тут же приобрел для своей галереи. У молодого художника было то, что не так часто встречается, — удивительное чувство цвета, оттенков и тонов. Эта его особенность и позволила творить волшебство света и цвета на полотнах.

В 1875 году он женился — на купеческой дочери гречанке Вере Кетчерджи-Шаповаловой, ставшей ему близким и верным другом.

В 1880 году, в марте Куинджи вышел из Товарищества передвижников. Поводом послужила анонимная статья, появившаяся в газете «Молва». Там было сказано, что Куинджи «перезеленяет» свои картины. Выяснилось, что ее автор — М. Клодт, конкурент и злостный завистник

Куинджи. Обидевшись, художник потребовал исключения Клодта из Товарищества, но большинство членов его не поддержали. И тогда из рядов передвижников вышел сам Куинджи. Конечно, эпизод с Клодтом был лишь поводом, главная причина заключалась в том, что романтик Куинджи уже ушел далеко за рамки — идеологические и творческие — движения передвижников, у него всегда был свой путь в искусстве. Творческую свободу он ценил намного больше любых корпоративных интересов.

Куинджи был очень своеобразным человеком, но удивительно добрым ко всему живому. Он обожал птиц — каждый день в полдень выходил на улицу с мешком корма и кормил слетавшихся к нему со всех сторон пернатых. А в его квартире была маленькая комната, «птичий лазарет», где жили больные птицы. Он их выхаживал, а потом отпускал на волю.

И, конечно же, прежде всего, любил людей — талантливых, ярких, всегда старался им помочь. Архип Иванович считал, рассказывает в своих воспоминаниях художник-передвижник Я. Минченков, что вся беда капиталистического общества в неправильном распределении средств. Борьба со злом можно только деньгами, а потому нужно накопить их как можно больше, а потом распределять разумно — только так и должно лечить социальные язвы. И Куинджи решил разбогатеть. Успех его картин давал все возможности

для этого. Первая его финансовая операция была с недвижимостью. Он нашел дом, который ему понравился, купил, заняв деньги, а потом привел этот дом в порядок и продал в три раза дороже.

И картины он продавал и перепродавал. Сбирал, копил деньги, себе и жене оставляя ничтожные суммы — на квартиру и мастерскую, и на остальные расходы по 50 копеек в день. *«Этоэто что же такое? Если я богат, то мне все возможно: и есть, и пить, и учиться, а вот если денег нет, то значит — будь голоден, болей, и учиться нельзя, как было со мной. Но я добился своего, а другие погибают. Это же надо исправить, это вот так, чтобы денег было много, и дать их тем, кто нуждается, кто болен, кто учиться хочет».* Собрав немалый капитал, он стал тратить средства, и немалые, на помощь бедным, но способным студентам Академии. Посылал их за границу, отправлял больных на курорты лечиться. Когда у него хватило денег на дом в Крыму, он отправился туда и купил громадный участок земли, а сам поселился с женой практически в шалаше. Позже построил там большой дом, где жили и работали его ученики. А еще он внес в Академию 100 000 рублей, чтобы проценты с этих денег шли на премии за студенческие работы, причем сам в жюри не участвовал. Студенты (а среди его учеников были Рерих, Богаевский, Рылов и многие другие замечательные художники) его обожали. Недаром родилась та-

кая шутивная песенка: «Как Куинджи, наш Архип, он за нас совсем охрип». Он был не только их профессором, но Учителем жизни. Правда, преподавал в стенах Академии Куинджи недолго (с 1894 по 1897) — он всегда поддерживал студенческие протесты, а потому после одного такого выступления его даже заключили на два дня под домашний арест и выгнали из профессоров. Но членом Академии он оставался, и

ученики от него никуда не ушли. Президент Академии, великий князь Владимир, приветствуя членов Академии, всегда подавал им руку, а опального Куинджи обходил. А когда ученики решили создать Общество его имени, он передал им в собственность все свои картины и деньги, а также участок земли в Крыму.

В 1882 году, когда, как пишет Минченков, *«слава Архипа Ивановича поднялась до зенита, когда*

«Забытая деревня»

ему все аплодировали, как большому артисту, он вышел на сцену, раскланялся перед публикой и скрылся за занавесом, чтобы больше никогда не выступать. Куинджи как художника не стало, он перестал выставлять свои работы». С тех пор он не только не устроил ни одной выставки — он не показал ни одной новой своей работы даже друзьям. «У меня спрашивают, — говорил Куинджи, — почему это я

бросил выставляться. Ну, так вот это так: художнику надо выступать на выставках, пока у него как у певца голос есть. А как только голос спадет — надо уходить, не показываться, чтоб не осмеяли. Вот я стал Архипом Ивановичем, всем известным, ну, это хорошо, а потом увидел, что больше так не сумею сделать, что голос стал, как будто, спадать. Ну, вот скажут: был Куинджи, а да не стало Куинджи! Я же

Архип Куинджи с учениками

не хочу так, а чтобы навсегда остался один Куинджи».

Он продолжал работать — в своей мастерской, вдали от людей и суеты, экспериментировал с красками, светом, искал новые композиционные решения. Ужасно боялся повторов, но при этом говорил: «Я всегда буду писать. Ведь я же художник, без этого нельзя. Я могу думать только с кистью в руке, и куда же я дену то, что стоит передо мной в воображении? Куда я от него уйду? Оно же мне не даст жить и спать, пока я не изложу его на холсте». Однако он так и не осмелился показать результаты своих поисков публике. В его мастерскую разрешалось заходить — да и то очень редко — лишь самым близким дру-

зьям. Выставка его работ будет только посмертной — таково было его последнее слово. Поразительная требовательность к себе! Куинджи ведь был победителем, и проигрывать, даже в своих глазах, не хотел. Оценить его работы, сделанные за почти тридцать лет, удалось только после его ухода. Там было много интересных, ярких работ, но, однако, некоторые критики посчитали, что художник был прав — и действительно, ничего лучшего, чем его картины 1870-х — начала 1880-х лет, он уже не создал.

В последние годы Архип Иванович тяжело болел. Барахлило его большое доброе сердце. «Посмотрите, — говорил он навещавшим его друзьям и ученикам и показы-

вал на свои руки, — *какие мускулы, какая грудь, я еще богатырь, а нет сердца. Плохо*». Боли его очень мучили, и он жаловался на жизнь. «*Зачем? Я бы еще мог... я бы еще сделал, еще надо много! Тяжко мне, принесите яду*».

Куинджи умер 11 июля 1910 года. Перед смертью, рассказывает Минченков, он вскочил, выбежал в переднюю и упал, чтобы не подняться больше. Все свое состояние, деньги и участок с домом в Крыму художник завещал Обществу поощрения художников (именовавшемуся позже Куинджиевским) — для оказания им всяческой помощи. Жене оставлена была лишь небольшая пенсия — 600 рублей в год. Похоронили замечательного русского живописца на Смоленском кладбище. Провожали его в последний путь друзья, ученики, студенты и совсем никому неизвестные люди — те, которым он когда-либо протянул свою большую, сильную, добрую руку помощи. Их было много... А над домом, писал Минченков, «кружились осиротевшие птицы»...

«Лунная ночь на Днепре» сегодня хранится Русском музее (авторская копия — в Третьяковской галерее). После той знаменитой выставки одной картины великий князь Константин не желал расставаться с этим полотном ни на миг. Он взял его с собой, даже отправившись в

кругосветное путешествие. Тургенев, живший в то время в Париже, когда узнал об этом, пришел в ярость. Он писал Григоровичу: «*Нет никакого сомнения, что картина... вернется совершенно погубленной, благодаря соленым испарениям воздуха и пр.*» Он даже добился приема у великого князя, когда его корабль стоял в Шербуре, порту на Ла-Манше, и попытался уговорить оставить на время плавания картину в Париже, в галерее Зедельмейера, но князь был непреклонен.

Морской воздух, пропитанный солью, конечно же, повлиял на красочный слой полотна. Пейзаж потемнел, но и сейчас он не оставляет никого равнодушным. Ведь удивительный секрет Куинджи — не только в его фантастическом владении красками, в иллюзии истинного света, которую он создавал так точно и вдохновенно. «*Сами по себе луна или солнце — не предмет для живописи. Но, глядя на такие картины (имеются в виду картины Куинджи), я могу сделаться лучше, добрее, здоровее*». Наверное, именно в этом и заключается разгадка «Лунной ночи на Днепре» и других полотен замечательного русского художника Архипа Куинджи — они, неся в себе удивительное обаяние этой мощной личности, непонятным, мистическим образом делают нас лучше и добрее, врачуют наши души... □

Евгения Гордиенко

Я тревожно уйду по метели...

До классических — или роковых — тридцати семи он не дожил. Его жизнь оборвалась, когда ему едва исполнилось тридцать пять. Однако наследие его столь велико, что, как бы кощунственно это ни звучало, на наш век его хватит — и стихотворного, и песенного.

Он родился в сложное, страшное, предвоенное время, время репрессий — в 1936 году. В семье он был пятым ребенком, после него родились еще двое детей.

Незадолго до войны Рубцовы переехали в Вологду, и этот город навсегда останется для Николая родным, несмотря на все те несчастья, что ему пришлось тут пережить. В 1942 году умирает мать, а за ней — ее младшая семимесячная

дочь. Еще одну сестру Коля уже потерял — она умерла в первый год войны. Смерть матери потрясла его. На ее похоронах он нес «аленький цветок», что тайно выращивал для нее в саду:

*Кстати его, некстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.*

Сразу же после похорон отец вернулся на фронт. Чтобы хоть кто-

то присматривал за детьми, он «выписал» в Вологду свою сестру Софью Андриановну. Та приехала, но заботиться обо всех детях ей было не под силу, и она решила вернуться домой, забрав с собой лишь старшую из сестер — Галину, а младших «распределили» так: Альберт был отдан в ФЗУ, а Николай и Борис — в Красковский дошкольный детдом.

Только что у Коли была большая и любящая семья, а теперь — ничего. Со многими из тех, с кем он познакомился в детдоме, он сохранит теплые отношения, а на одной из девочек — Генриетте Меньшиковой — даже женится, но всю жизнь будет пытаться так или иначе воссоединиться со своей семьей. Даже с отцом, который после войны обзавелся новой женой и детьми. Коля не простил его и во всех анкетах писал, что отец погиб на фронте. Примирение состоится гораздо позже, когда отец уже будет неизлечимо болен, да и то — отношения все равно будут довольно прохладными.

В детдоме Коля Рубцов считался одним из лучших учеников и даже носил прозвище «Любимчик», так как многие воспитатели к нему очень хорошо относились.

Может, он пытался быть таким примерным, надеясь тем самым «заслужить» воссоединение со своей семьей?

Семилетку Рубцов закончил в 1950 году. Ему необходимо было определиться, что же делать со своей жизнью дальше, куда идти.

Его тянуло к морю, и он попытался поступить в Рижское мореходное училище, однако туда его не приняли из-за возраста: ему было только четырнадцать, а в «мореходку» принимали с пятнадцати. Он выбрал лесотехнический техникум, из которого ушел через пару лет, чтобы отправиться, по его собственному выражению, «странствовать».

Но море не отпускало его. Вторично он попробовал поступить в «мореходку» в Архангельске. И снова неудача. Тогда он решил приблизиться к морю другим способом — устроился на работу угольщиком. Сохранилось прошение, которое написал юный Рубцов:

«Начальнику тралфлота т. Каркавцеву И. Г. от Рубцова Н. М. Заявление. Прошу Вас устроить меня на работу на тральщике в качестве угольщика. Просьбу прошу удовлетворить. К заявлению прилагаю: 1. Карточку медосмотра. 2. Две автобиографии. Н. Рубцов. 12.09.52 г.»

Приложенная автобиография как нельзя лучше отражала многие судьбы того времени: «Автобиография. Я, Рубцов Н. М., родился в 1936 году в Архангельской области в с. Емецк. В 1940 г. переехал вместе с семьей в Вологду, где нас и застала война. Отец ушел на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать, и я был направлен в Никольский д/д Тотемского района Вологодской области, где окончил 7 классов Никольской НСШ в 1950 г. В том же 1950 году я поступил в То-

Мать — Александра Михайловна Рубцова

Отец — Михаил Андрианович Рубцов

темский лесотехнический техникум, где кончил 2 курса, но больше не стал учиться и ушел. Подал заявление в Архангельскую мореходную школу, но не прошел по конкурсу. В настоящий момент подаю заявление в Тралфлот. Н. Рубцов 12.09.52 г.»

Отца Николай в этом заявлении отправил на фронт раньше срока и оставил убитым, хотя уже знал, что тот жив.

На работу его приняли, но и тут Николай продержался недолго — меньше года. Он снова решил учиться — на этот раз в горно-техническом техникуме города Кировска, что за

Полярным кругом. Что потянуло его туда — загадка. Однако очевидно, что он искал и все никак не мог найти свое место в жизни, вот и пробовал все то, что подбрасывала ему судьба.

Он очень много читал, причем не самых простых и легких авторов — Канта, Платона, Аристотеля. Постоянно, по воспоминаниям однокурсников, участвовал в самодеятельности. Наверняка писал и стихи, но серьезным увлечением это тогда еще не было.

В 1955 году море, наконец, находит Рубцова. Его призвали в армию,

Детдом, в котором с 1943 по 1950 год жил Николай Рубцов

Николай Рубцов, 1953 год

и он попал именно на флот. Его боевой корабль базировался в Североморске, и там он посещал литературное объединение при флотской газете «На страже Заполярья», даже начал печататься.

*Влекли меня матросские дороги
С их штормовой романтикой.*

*И вот
Районный военком, седой
и строгий,
Мне коротко сказал: «Пойдешь
на флот!»*

Рубцов все чаще задумывался о том, куда же двигаться дальше по окончании службы. «Ни черта не могу придумать! Неужели всю жизнь

придется делать то, что подскажет обстановка? Но ведь только дохлая рыба (так гласит народная мудрость) плывет по течению!» И всю оставшуюся жизнь Николай пытался изменить это свое «течение».

Но быть профессиональным поэтом он пока не мог — не было соответствующего образования. Поэтому Рубцов после службы в армии переехал в Ленинград и устроился работать на Кировский завод — кочегаром. Зарплату по тем временам он получал приличную — около 700 рублей. В письмах своему другу Валентину Сафонову Николай писал: *«...хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода. Вообще, живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя...»*

Там, в Ленинграде, он встретил свою однокашницу по детдому — Генриетту Меньшикову, они стали встречаться, но сделать ей предложение Рубцов пока не решался.

Тогда же он узнал о том, что умер давно и тяжело болевший отец — рак желудка. Они так и не примирились. А через некоторое время Генриетта сообщила Рубцову, что ждет ребенка. Во всем этом он увидел «знак судьбы» и, наконец, предложил Генриетте выйти за него замуж. Возможно, он все еще пытался обрести семью, которой лишился в шестилетнем возрасте.

Он продолжал писать стихи и в 1962 году, решив все же изменить

свою судьбу, сдал экстерном экзамены за 10 классов и поступил в Литературный институт.

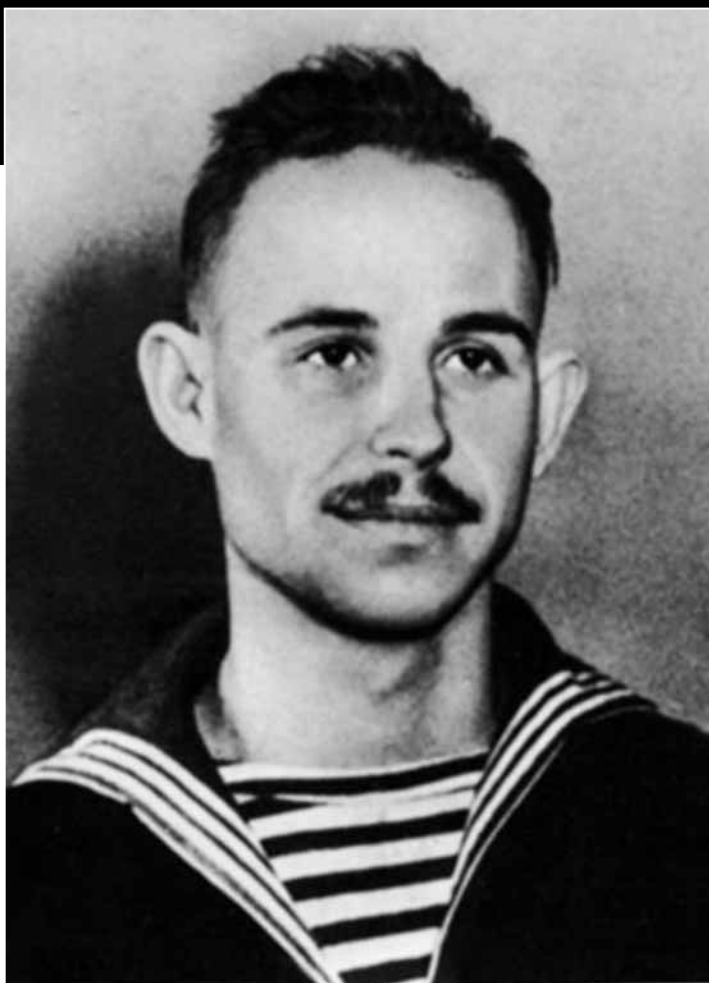
Сохранилось несколько рецензий на работы, которые он прислал для поступления: «Весьма квалифицированные стихи. Рубцов пишет уверенно, размашисто. Черты его индивидуальности не слишком выпукло проявляются — мешает... умение писать стихи, «набитая» рука. Способности есть — это несомненно. Я — за», — это отзыв Евгения Долматовского.

Положительно оценил поэта и Николай Анциферов: *«Стихи Н. Рубцова сделаны добротной, почти профессионально. Приятно отметить, что автор упорно ищет свою дорогу».*

Однако беспокойный нрав не давал Николаю спокойно учиться. Несмотря на несомненный талант и упорство, на втором курсе встал вопрос об отчислении студента Рубцова за провинности, хоть и довольно обыкновенные, но накопившиеся в таком количестве, что выносить такое поведение дальше стало невозможно. В чем же его обвиняли?

Как обычно — в пьянстве, в разгульном образе жизни, в драчливости. Хотя многие поступки Рубцова были перевернуты с ног на голову, это не помешало отчислить его из института. Правда, вскоре его восстановили, но лишь на заочном отделении.

Поскольку жил Николай у жены, в Никольском, ему нужно было как-

*В годы службы на флоте
Вспоминая вологодские
частушки...*

то зарабатывать. Односельчане его недолюбливали, считая тунеядцем.

*Ему-то, люди, что здесь надо?
Еще утащит чье добро!
Шумели все, как в бурю стадо...
И я бросал свое перо.*

Сам Рубцов расстраивался: «Я же не виноват, что меня мать родила поэтом. Был бы я скотником на деревне — мне б цены не было».

Периодически приходили гонорары за напечатанные стихи, но надолго их, естественно, не хватало.

Он часто одалживал деньги, но делал это по-своему: приходил к кому-то в гости, тихо садился у сто-

ла и писал записку: «Одолжи мне 3 рубля. Верну тогда-то. Н. Рубцов». И всегда возвращал.

Критики были благосклонны к Рубцову. «Для меня такое имя — поэт Николай Рубцов, — отзывалась о нем Ольга Гладышева, — словно будит в душе что-то знакомое, что ты знал в детстве, а потом забыл, занесло жизнью, как песком... Ты, может

быть, никогда не был в тех местах, о которых пишет Рубцов, но ты их знаешь, ты ими пронизан, пронзен в сердце — ведь ты русский!»

А Николай Аладьин писал так: «Несмотря на короткую жизненную биографию, Рубцова как-то не с руки называть молодым, ведь первая

книга явила поэта зрелого и определившегося». Он словно чувствовал, что поэту Рубцову отмерена совсем недолгая жизнь.

Окончил Рубцов Литературный институт только в 1969 году. И в это же время он обрел постоянное жилье в родной Вологде: сначала место в общежитии, затем комната в коммуналке и, наконец, отдельная квартира.

Он также нашел постоянную работу: в газете «Вологодский комсомолец» ему предложили должность

Все вроде бы в жизни налаживалось, все становилось спокойнее, основательнее и правильнее. Стали издаваться сборники, появились гонорары. Но... Он не был счастлив.

В последний свой приезд в Москву в ноябре 1970 года Рубцов не хотел возвращаться домой, в Вологду. Он попросил свою давнюю знакомую, поэтессу Ларису Васильеву, приютить его. *«Мне плохо жить. Возьми меня в свою семью, к ребен-*

литературного консультанта. В его обязанности входило писать рецензии на работы начинающих авторов и отвечать на письма читателей.

ку и мужу. Я буду тихий. Попишем вместе. Ты в одном углу, я в другом». Позже она вспоминала: «Я ответила как-то неуверенно, и он свернул раз-

*Жена Николая Рубцова —
Генриетта Меньшикова*

Дочь Лена

говор. А я по сей день чувствую себя виноватой...»

Николай словно чувствовал, что его жизнь оборвется совсем скоро, и при самых трагичных обстоятельствах.

За год до этого, осенью 1969 года, Рубцов познакомился с женщиной (с женой он к тому времени уже развелся, хоть и продолжал опекать дочь Лену), которой суждено было сыграть трагическую роль в его судьбе. Ее звали Людмила Дербина, она сама пришла в Союз писателей

и попросила адрес Рубцова. Прочитав его сборник «Звезда полей», очень захотела познакомиться с его автором.

Ее описывали так: «*Это была крупная, видная женщина с рыжими волосами, светло-зелеными глазами, умевшая производить впечатление на мужчин*». У нее была дочь от первого брака, вместе с которой Людмила поселилась в пригороде Вологды. Она легко вошла в круг, к которому принадлежал Рубцов, сама писала (и даже довольно успешно) стихи.

Они стали встречаться. Рубцов постоянно ревновал ее, она же оказывала его презрением за это. Они ссорились и мирились, расставались и вновь сходились.

В начале января 1971 года решили все-таки пожениться и подали заявление в ЗАГС. Регистрацию назначили на 19 февраля.

18 января они встретили в городе знакомых. Мужчины отправились выпивать, а Дербина пошла по своим делам, но позже присоединилась к ним. Рубцов стал ревновать

Людмилу к некоему журналисту Задумкину, а когда они вернулись домой, скандал набрал оборо-

Людмила Дербина

ты. Николай бушевал, Людмила, по обыкновению, презрительно молчала. Завязалась драка. О дальнейшем известно только со слов Дербиной: «Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток... Надо бежать! Но я не одета! Одно мгновение — и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул обратно в комнату... Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал... Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее сво-

ей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала тереть его горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня.

Вдруг, неизвестно отчего, рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте...»

Она сама выбежала на улицу и обратилась к милиционеру: «Я убила своего мужа!» Ей посоветовали пойти и проспать. Она настаивала. И тогда ее все же арестовали ...

Людмилу Дербину судили и приговорили к восьми годам лишения

свободы. Она отсидела треть срока и была освобождена по амнистии.

В 90-е года она давала много интервью и опубликовала воспоминания «Все вещало нам грозную драму». В 2005-м году в Петербурге погиб внук Рубцова, тоже Николай Рубцов. Обстоятельства этой гибели до сих пор остаются туманными...

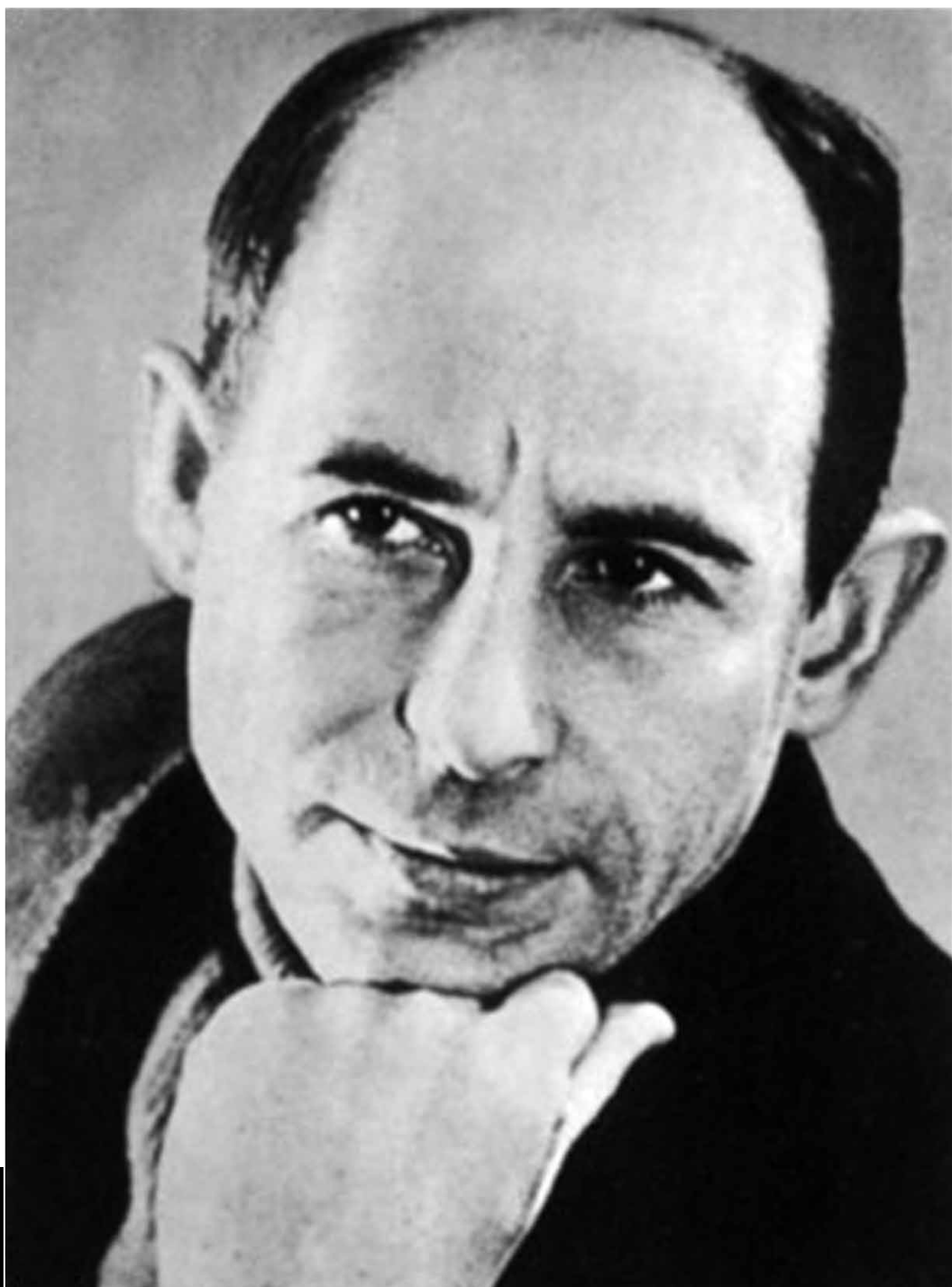
...Сегодня Николай Рубцов — один из самых издаваемых в России. Можно смело сказать, что имя его не забыто, только лишь благодаря композитору Александру Морозову. Он заново «открыл» нам поэта Рубцова, написав на его строки множество прекрасных песен. Вслед за ним «эстафетную палочку» подхватили другие композиторы, и песни на стихи Рубцова продолжают звучать в исполнении самых популярных артистов. К счастью, сохранилось и несколько редких записей, где Николай Рубцов сам поет песни на свои стихи...

Николай Рубцов

Березы

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

*Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых
 дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.*

*На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и дождем шумел,
 как улей,
Вот такой же желтый листопад...*

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил
и рос.

Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

1957

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови!—
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

1966

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома.

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного
чувства.

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота...

1966

По мокрым скверам
проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках
дремучих сосен

Играет буря!
В обнимку с ветром
иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей
свою пещеру —

В ней тихо очень.
Горит пустынный
 электропламень,
На прежнем месте,
Как драгоценный какой-то
 камень,
Сверкает перстень,—
И мысль, летая,
 кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится
 в мое жилище?

Покоя нету!
Ах, эта злая старуха — осень,
Лицо нахмуря,
Ко мне стучится,
 и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури,
 от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу...

1964

Расплата

Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом
 светом
Столько выпалил клятвенных
 слов,
Что мрачнею, как вспомню
 об этом.

Неприкаянный, мрачный,
 ночной,
Я тревожно уйду по метели...

1970 □

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь,
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

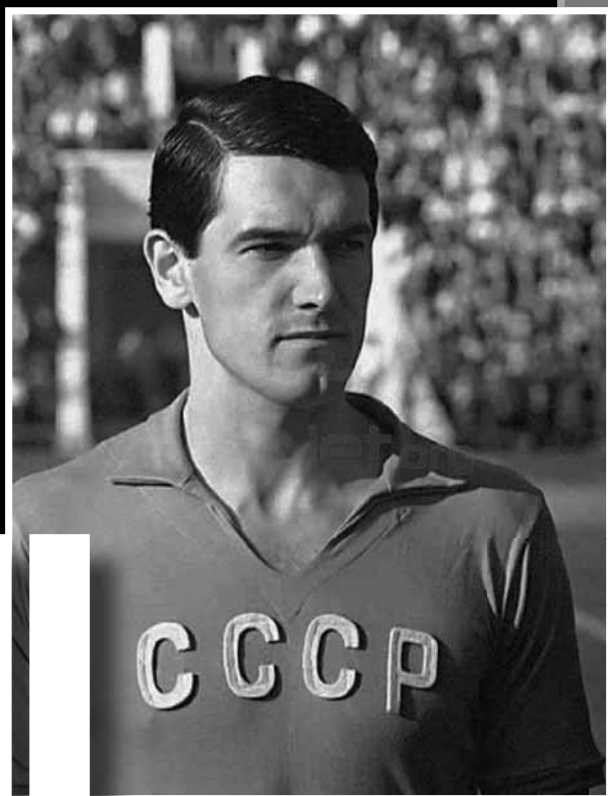
Побледнеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

И опять по дороге лесной
Там, где свадьбы, бывало,
 летели,

Памятник Николаю
Рубцову в Тотьме

Алексей Стасов

Человек своего

Он входил в десятку лучших футболистов Европы. Не раз включался в символическую сборную мира. Его фотографии не сходили с обложек журналов и газетных полос. Он стал символом советского футбола 60-х... Игрок под номером 5 по имени Валерий Воронин.

В 17 лет он попадет в самую «звездную» советскую команду того времени, в 21 станет обладателем Кубка СССР, в 23 — чемпионом страны, в 25 — лучшим игроком национального первенства, в 27 — бронзовым призером чемпионата мира...

В 40 лет, опустившийся и нищий, будет выпрашивать на опохмелку, козыряя своей давней дружбой с Высоцким. Красавец, весельчак, любимец женщин и болельщиков, он в самом прямом смысле лишится своего лица. А вместе с ним — и всего, что у него было совсем недавно.

Его жизнь закончится трагедией...

Во второй половине 50-х годов в писательском дачном поселке Переделкино «жить стало веселей». Здесь то и дело появлялись и даже селились «звезды» новой эры, именуемой «оттепелью»: Евтушенко и Вознесенский, Ахмадулина и Пастернак. Эти юные, свободолюбивые гении частенько приходили на крылечко небольшого магазинчика, стоявшего в писательском поселке. Здесь можно было купить не только выпивку, но и весьма недурную закуску.

Заведующим продуктовым магазином в Переделкино был Иван Воронин, радушный и общительный одессит. Писатели и поэты ценили

При каждом удобном случае Воронин-старший торопился представить сына то одному, то другому поэту. Те снисходительно пожимали руку стройному, спортивному парню и тут же забывали о нем. Воронина-младшего это крепко обижало, било по юношескому самолюбию. Он жаждал, во что бы то ни стало, оказаться на одной ступени с ними.

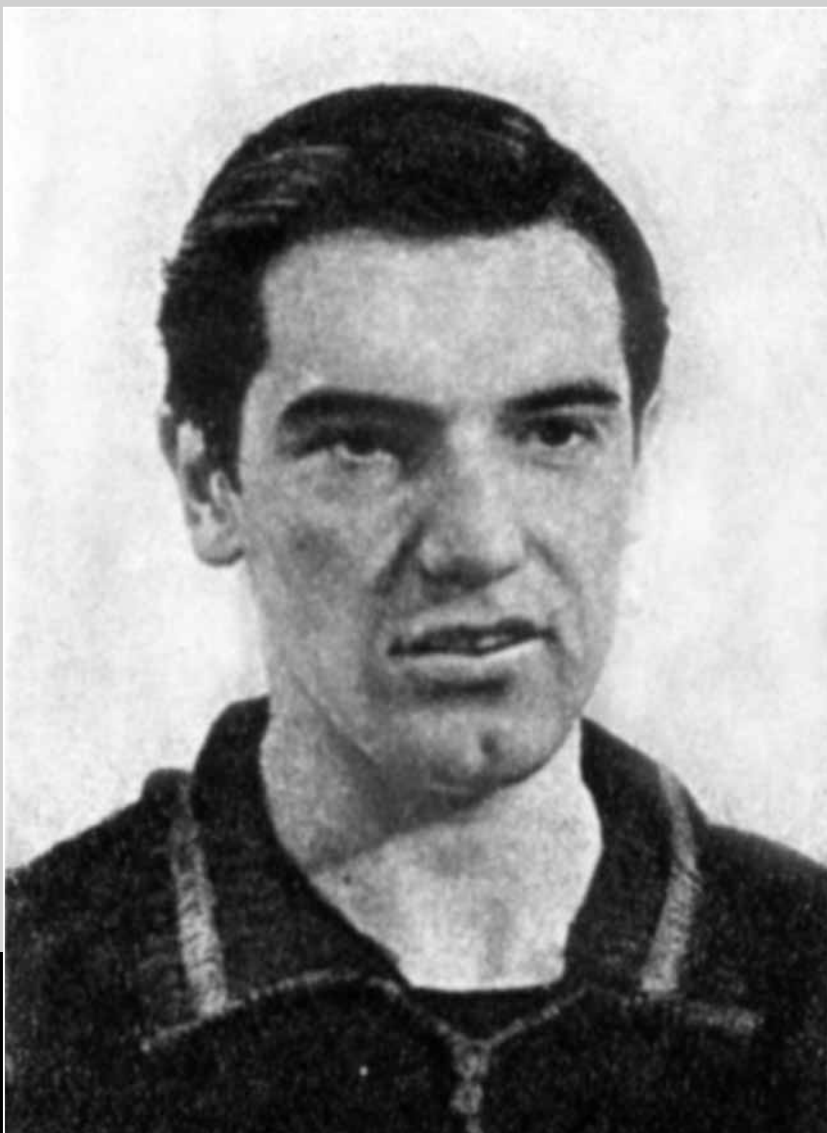
Что ж! Мечты иногда сбываются, даже самые невероятные. Придет время, и тот же Евгений Евтушенко с радостью выставит в ресторане Дома актера дюжину бутылок шам-

ВРЕМЕНИ

завмага: он мог в случае нужды отпустить желаемый товар в кредит и не торопился с возвратом долга. А это в то время очень много значило для талантливых, но бедных юношей.

В свою очередь, и завмаг Воронин весьма дорожил дружбой с модными поэтами: он мечтал, чтоб его сын, шестнадцатилетний Валерий, приобщился к этой новой элите. Отец буквально толкал его в мир знаменитых, а, стало быть, по убеждению завмага, счастливых людей.

панского, чтобы достойно выглядеть перед этим пареньком. Потому что сын завмага станет прославленным футболистом советской эпохи.

Мальчик Валера был нацелен прожить яркую, красивую жизнь. Он был уверен, что создан для славы: внешность киногероя и аристократические манеры привлекали к нему сонмища поклонниц. К тому же он с малых лет, как тогда говорили, «питался сервелатом в шоко-

ладе», а посему слегка снисходительно относился к нищим переделкинским гениям.

— У него были длинные тонкие пальцы, одухотворенное лицо, сам — стройный, накачанный. Мне даже жалко было тогда, что такой материал попал в футбол, а не куда-нибудь ... Ну, в балет или в кино, — вспоминает двукратная чемпионка по гимнастике Лидия Иванова.

1956-й станет очередным переломным годом в истории страны.

Будет развенчан культ Сталина, в СССР начнется «оттепель». А с ней, откуда ни возмись, явит себя новое поколение молодежи: талантливой, раскованной, не признающей тесные рамки советского образа жизни. Стиляги, мажоры и, бог знает, кто еще, стали законодателями молодежной моды той восторженной поры. «Время мчит нас вперед, Старый Год уже не властен», — пела 20-летняя Людмила Гурченко в культовом фильме «Карнавальная ночь».

Этот же год станет главным в судьбе Воронина...

Отец вовремя осознал, что поэта из Валерия не выйдет. Воронин-старший был реалистом и, выслушав нелестные отзывы знакомых поэтов о стихах своего сына, сра-

зу же смирился с приговором: на этом поприще Валерию не прославиться.

Но... Сын увлекался футболом! Годится? Годится! Пожалуй, это даже еще лучше: футбол нужен при любой власти, при любых поворотах внешней и внутренней политики. И еще одно немаловажное обстоятельство: спортсменов выпускали за границу... И обеспечены житейскими благами они были не хуже, а, пожалуй, и лучше всяких там «лириков» в придачу с «физиками».

В то время футбол в СССР уже стал самым популярным видом спорта, истинно народным. Футболистов знали в лицо, брали у них автографы, с ними мечтали познакомиться. Водить дружбу с известными футболи-

стами почитали за честь великие артисты, писатели и режиссеры.

В переломном 1956 году переломный завмаг встретился со своим армейским другом и попросил его об услуге... Этим другом был не кто иной, как старший тренер московского «Торпедо» Константин Бесков. Воронин-старший уговорил его взять Валерия к себе в команду. Для начала — в дубль.

Так Валерий Воронин сразу же попал в звездный коллектив. Ему

Валерий Воронин и Пеле

повезло: в «Торпедо» на первых ролях были два молодых, ярчайших футболиста: олимпийские чемпионы Мельбурна-56 Эдуард Стрельцов и Валентин Иванов. Они создали в команде приятельскую, товарищескую атмосферу, почти идеальную для роста новичков. И в то же время сплоченность команды была вызвана не только дружной игрой и совместными тренировками, но и коллективными нарушениями спортивного режима. «Торпедо» тех лет считалось самой пьющей командой высшей лиги. Многие по сей день

утверждают, что трагическая судьба некоторых торпедовцев, и в том числе Валерия Воронина, была изначально предопределена вседозволенностью, укоренившейся в то время в команде.

Накануне чемпионата мира 1958 года грянул скандал: арестовали гениального торпедовца Эдуарда Стрельцова. Он был обвинен в изнасиловании и осужден на семь лет. Вакансия «суперзвезды» в «Торпедо» и во всем советском футболе освободилась.

Как сложится судьба торпедовской команды без Стрельцова? Этот

Воронин на тренировке

мучительный вопрос занимал умы миллионов болельщиков. И команда не подвела их надежды. В 1960-м году «Торпедо» блестяще выигрывает кубок и чемпионат СССР. Тогда же Валерий Воронин закрепляется в основном составе клуба и дебютирует в сборной страны. Так началось его восхождение на футбольный Олимп.

С наступлением хрущевской «оттепели» стране срочно потребовались новые кумиры. Прежний тип

советских героев — хмурые, одержимые сталевары и хлеборобы — уже не годился для нового поколения «строителей коммунизма».

И весной 1961 года таким героем становится Юрий Гагарин. Его портреты не сходят с обложек всех журналов мира. Гагаринская улыбка делает для международного имиджа СССР больше, чем все выступления политиков.

Вслед за Гагариным выстроилась целая цепочка новых кумиров. Муслим Магомаев, мгновенно пленивший миллионы любителей эстрадной музыки... Алексей Баталов, признанный лучшим актером СССР за

роль в фильме «Девять дней одного года»... Красавец Валерий Брумель, побивший американский рекорд прыжков в высоту, и красавец Валерий Воронин, ставший в Европе «лицом» советского футбола. Он появился в нужное время в нужном месте, и система просто была обязана прославить его.

Она его и прославила.

К 1962 году «Торпедо» становится парадным, представительским фасадом советского футбола, и во многом игра команды впечатляла зрителей благодаря артистизму полузащитника Воронина.

Тем не менее, 62-й остался в истории советского футбола довольно-таки мрачной страницей. Памятный старшему поколению болельщиков злосчастный матч с чилийцами в четвертьфинале мирового первенства закончился нашим проигрышем со счетом 2:1, и команда отбыла на родину без медалей. А они были так близки... Журналисты и спортивные чиновники поспешили обвинить в поражении Льва Яшина, пропустившего два действительно нелепых гола, и великий вратарь едва не ушел тогда из большого футбола. Яшина просто вынуждали, подталкивали уйти. Должен же кто-то ответить за неудачу команды, взять вину на себя!

Вину взял на себя Воронин, вступился за друга. «Если уж кого наказывать, то меня», — заявил полузащитник. Демарш Валерия сработал. Наказывать «лицо советского фут-

бола», конечно же, не стали, а его голос в защиту кого бы то ни было значил тогда очень много. Яшина оставили в сборной. А уже в следующем, 1963 году, Лев Яшин будет признан лучшим футболистом Европы, ему вручат «Золотую бутсу». И он не забудет о своем долге перед Ворониным — сполна рассчитается с Валерием шесть лет спустя.

В том же 1962-м внезапно скончался неунывающий завмаг Воронин-старший. Смерть самого главного человека в своей жизни Валерий переживал тяжело. Он понимал, что практически всем обязан отцу: его связям, его неустанным заботам о том, чтоб сын был счастлив. Оказавшись без наставника, советчика и просто — самого родного существа на свете, Воронин остро ощутил одиночество и неприкаянность. Но тогда он еще был силен духом и мог взять жизнь за узду. Жениться? Что ж...

— На тот момент, когда Валера встретился со своей Валею, Валею Птицыной, очень красивой девчонкой, она уже окончила балетное училище и танцевала в ансамбле «Березка». И вот тут я почувствовала, что Валерка зацепился... — рассказывает Лидия Иванова.

Свадьбу сыграли сразу, как прошла годовщина смерти отца. И для Воронина началась радужная семейная жизнь. Вскоре родился сын Михаил, потом — дочь Катя.

Воронин очень нравился теще и особенно — тестю, известному в

тогдашней Москве театральному деятелю. Сперва молодожены жили в элитном кооперативном доме на Садово-Каретной вместе с родителями Валентины, а потом Валерию дали отличную трехкомнатную квартиру от ЗИЛа.

Тесть очень быстро стал для Валерия вторым отцом. Он удивительным образом походил на покойного завмага своей прагматичной и в то же время романтической жизненной

философией. Так же, как и Воронин-старший, настойчиво знакомил зятя с известными артистами, писателями, журналистами и режиссерами, внушая ему, что без славы человек — ничто. А слава достигается не только и не столько трудом, сколько нужными связями. Надо раскручивать себя, Валерия Воронина. Как? Через прессу! Восторженная пресса — вот что главное для «публичного» человека.

И Воронин постепенно превращается в этакого завсегдадата спортивного отделов всевозможных редакций, АПН, радио и телевидения. Он тесно сдружился с Мартыном Мержановым — главным редактором еженедельника «Футбол». В 1964-м году Мержанов провел первое всесоюзное голосование среди читателей советского спортивного еженедельника. В итоге... больше всего очков набрал капитан торпедовцев Валентин Иванов. Не таких результатов ожидал Мартын Мержанов, ведь Валерий Воронин активно раскручивался на страницах его журнала уже много-много меся-

этот «успех» Воронина. В сознании миллионов советских поклонников футбола Валерий Воронин прочно закрепился в статусе лучшего игрока СССР. И только в 1967-м, когда Мержанов вышел на пенсию, победителем по итогам опроса стал вышедший из тюрьмы и головокружительно, фантастически заигравший на футбольных полях Эдуард Стрельцов.

Валерий Воронин был очень компанейским человеком, душой любой компании, и всегда нес с собой настоящий праздник. Его любили все, не только журналисты. За

цев! И он волевым порядком вывел на первое место Валерия, а в следующем году продублировал

благородство, щедрость. За бесшабашность. Ну и, конечно же, за красивую игру.

Как и многие другие известные спортсмены, он стал завсегдатаем ресторана Дома актера, или, как его называли — ВТО. Захаживал и в валютный бар «Националя» — прокутить остатки денег после заграничной поездки.

Особым шиком среди «звезд» считалось поиздеваться над сотрудниками КГБ. Когда в 1964 году в Париже сборная СССР поднялась на вторую ступеньку пьедестала Кубка Европы, чествование призеров проходило в ресторане на Эйфелевой башне. Пили шампанское из серебряных ведерок, ели устрицы. Был здесь и легендарный Сантьяго Бернабеу, президент мадридского «Реала». Бернабеу в шутку стал предлагать советским футболистам заключить с ним контракт. Воронин, увидев, как побледнел сопровождавший команду кагэбэшник, обнял Бернабеу и громко сказал: «О'кей, я согласен, давайте отойдем в сторонку и обсудим условия». Кагэбэшника чуть не хватил инфаркт...

А однажды в валютном баре «Националя» к Воронину подошел сотрудник КГБ и поинтересовался происхождением франков в карманах молодого человека. Валерий сделал вид, что испугался и бросился бежать... Бегал он хорошо, и несчастный службист настиг его только возле Центрального телеграфа, где Воронин стоял руки в боки, поджидая запыхавшегося агента. Узнав, кто перед ним, чекист спросил: «Зачем же вы, Валерий Иванович, от

меня убегали?» Тот в ответ рассмеялся: «Захотелось проверить уровень физподготовки наших доблестных сотрудников КГБ»...

На чемпионате Европы 1964 года Воронин был избран в символическую сборную континента. Что дальше? А дальше им всецело завладела одна идея: помериться силами с королем мирового футбола Пеле, доказать всему миру, что он, Воронин, играет не хуже великой «черной жемчужины».

Товарищеский матч СССР — Бразилия состоялся в Лужниках в начале июля 1965 года. Накануне матча с советской командой Пеле сделал заявление: «Бразилия забьет столько, сколько захочет, а русские — сколько смогут».

Несмотря на то, что бразильцы в то время представлялись советским любителям футбола какими-то небожителями, полубогами, а Пеле вообще был идиолом, Воронин не замедлил отреагировать на его высказывание: «Игра будет неинтересной. Пеле там не будет. Я выключу его из игры».

Между тем, тренер сборной Николай Петрович Морозов такой сверхзадачи перед Ворониным не выдвигал. Опекать Пеле он первоначально поручил другому полузащитнику, Георгию Сичинаве из «Динамо» (Тбилиси), а Валерию сказал: прикрывай, кого сможешь. В общем, играй, как получится. По ситуации. Но Воронин принял свое решение:

его объектом может быть только один форвард — Пеле. Сам того не понимая, он по собственной инициативе развенчал не Пеле, а самого себя, потому что буквально «приклеился» к великому бразильцу, и зрители невольно их сравнивали.

Сравнение оказалось не в пользу Воронина.

— Он очень переживал, — вспоминал позже сын футболиста Михаил Воронин. — Ведь как готовился! Смотрел какие-то кинозаписи, читал... А через годы сказал мне: Миш, ну, вот я готовился, готовился... А он вышел — и все...

В тот день на поле царил один футболист: Пеле. Он забил два мяча, и в итоге Бразилия выиграла 3:0. А «выключенным» оказался Воронин. Понуро шел с поля знаменитый советский хавбек, он даже не сразу понял, чего хочет от него подбежавший Пеле. А Пеле, по бразильской традиции, совал Валерию свою майку, предлагал обменяться...

Обменялись.

Но об этом Воронин расскажет сыну. Потом. А тогда, ночью, в пресс-баре Московского кинофестиваля, он будет оправдываться тем, что Пеле слишком широко расставляет руки, к нему не подступишься. Вот и все его преимущество. Вот увидите, в следующем году, в Англии, Пеле вообще не сможет нам забить», — уверенно говорил Валерий.

И вот — чемпионат мира 1966 года в Англии. Жеребьевка распорядилась так, что чисто теоретически

встретиться с бразильцами сборная СССР могла только на завершающей стадии, уже в борьбе за медали. Если, конечно, дойдет... Воронин очень надеялся на это. И вдруг, после групповых матчей — словно гром среди ясного неба: Пеле отказывается играть дальше! Пеле обижен на португальцев, сыгравших против «черной жемчужины» чересчур грубо, и уезжает домой.

Обиделся и Воронин — на судьбу, которая развела его с Пеле навсегда. А судьба, между тем, вновь оказалась благосклонна к своему баловню. Молодая королева Великобритании Елизавета II, совершенно очарованная внешностью Воронина, лично вручила советскому парню специальную награду, драгоценный сервиз — приз «Самому обаятельному игроку чемпионата».

Воронин вернулся в СССР в зените славы: он только что завоевал бронзовую медаль чемпионата мира, был включен в символическую сборную планеты. Дальше, как говорится, некуда... Претендовать на золотые награды мирового первенства советская сборная — даже в то великое для нее время — вряд ли могла. Пеле выдал шутку, актуальную и по сей день. Его спросил кто-то из московских журналистов: «Когда, как вы думаете, команда СССР станет чемпионом мира по футболу?» Футболист №1, не задумываясь, ответил: «Когда сборная Бразилии станет чемпионом мира по хоккею».

*Валерий Воронин с женой Валентиной Птицыной
и сыном Михаилом*

11 мая 1968 года сборной СССР предстоял решающий матч в Лужниках. Поражение в Будапеште поставило перед советскими футболистами тяжелейшую задачу: только в случае победы над венграми с перевесом в три мяча можно продолжить борьбу на чемпионате Европы...

А накануне матча со сборов в Вишняхках пропал игрок сборной Валерий Воронин. Выяснилось, что он пьянствовал с истопником на чердаке. Андрей Петрович Старостин, бывший тогда начальником команды, вступился за Воронина. Предложил дать ему шанс исправиться на поле. Мол, не впервой... И Старостин оказался прав — Воронин сыграл блестяще, помог команде, разгромившей венгров со счетом 3:0... И все же чаша терпения в руках у Судьбы близилась к переполнению...

На чеки, полученные за игру на чемпионате мира в Англии, Воронин

купил черную «Волгу» — ГАЗ-21 в экспортном варианте. Но за рулем пить нельзя, и Воронин как бы в шутку потребовал от руководства команды предоставить ему водителя. Мол, у Бобби Чарльтона за рулем сидит негр, а он, Воронин, чем хуже? С тех пор товарищи по команде шутили: «Валерка зажил по-черному: черная икра, черная «Волга», теперь будет черный водитель».

1968-й станет для Воронина роковым. И не только для него. В том же году во время тренировочного полета погибнет Юрий Гагарин. А последние следы «оттепели» сотрут советские танки на улицах Праги.

Но пока все в его жизни, казалось, шло своим чередом. Сборная готовилась к отборочным матчам чемпионата мира 1970 года. Часть тренировок проходила в Вишняхках, на территории Центральной комсомольской школы.

Для старшего тренера сборной Михаила Якушина сборы превратились в кошмар. Валерий стал настоящим чемпионом по загулам, и нервы Якушина не выдержали: он отчислил Воронина из сборной. Как скажет потом тренер, это он сделал в педагогических целях, для острастки. Кому? Воронину или всей команде?..

Во всяком случае, Якушин вроде бы собирался спустя какое-то время вернуть Воронина в команду.

Но было поздно.

Свое отчисление из сборной Валерий, как уверены многие из тех, кто его знал, отметил обильной тризной. А ранним утром мчался на экспортной «Волге» по Новорязанскому шоссе... Куда? Зачем? Впрочем, скорее — не куда, а откуда: машина шла по направлению из области в столицу. Авария произошла где-то под Раменским.

Движения почти не было, лишь одинокий автокран шел навстречу. Удар был такой силы, что рулевая колонка «Волги» пробила крышу. А Валерию Воронину снесло чуть не половину лица вместе с подбородком. В состоянии клинической смерти футболиста доставили в районную больницу. Врачи провели сложнейшую многочасовую операцию...

Жизнь пациенту спасли. Но Валерий лишился своего лица. А без него перестал быть Ворониным.

Юрий Севидов, нападающий «Спартака» в 60-е годы, вспоминал незадолго до своей кончины:

— Он очень переживал, потому что считал свою внешность голливудской... Эта авария сыграла убийственную роль в его футбольной судьбе. Во всей его судьбе.

Через полгода после автокатастрофы Воронин все-таки вышел на поле. Снова, как и в юности, за торпедовский дубль — в матче против «Пахтакора». Тогда, в 56-м, Валерия поддерживал капитан команды Валентин Иванов, а теперь, в 68-м, Иванов уже был тренером «Торпедо». И снова делал для Воронина все, что мог.

Изуродованный, с нарушенной координацией движений и постоянными головными болями, Воронин все-таки забил гол «Пахтакору». Это стоило ему такого напряжения сил, что после матча с ташкентцами он не выходил на поле еще полгода. А в мае 69-го московские трибуны вздрогнули от рева болельщиков: фамилию Воронина назвали в основном составе «Торпедо» перед началом матча с динамовцами.

На поле Воронин выходил бок о бок с динамовским вратарем Львом Яшиным. Яшин сказал вполголоса: «Валера, один я от тебя пропущу. А больше не могу». И позволил забить Воронину со штрафного. Так всемирно известный вратарь отдал свой давний «чилийский» долг товарищу по сборной.

Это был последний гол бывшей футбольной звезды. На московском стадионе специально для Валерия Воронина разыграли спектакль

в жанре «драма». Драма состояла в том, что чувство «звезды» у 30-летнего полузащитника осталось, а играть как «звезда» он уже не мог. По инерции его еще включили в состав «Торпедо» на 1970 год, но на поле он больше не вышел.

Валерий официально развелся с Валентиной Птицыной, с которой не жил уже довольно долгое время. Поселился в убогой коммуналке. Второй его женой стала работница ЗИЛа по имени Марья Трофи-

мовна. Ухаживая за беспомощным, похмельным мужем, добрая женщина в шутку грозилась: «Смотри, брошу я тебя, и как ты будешь?» — «Подберу-ут», — с оттенком былой самоуверенности отшучивался Валерий.

Однажды его действительно подберут. Уже мертвого...

На Валерии поставили крест почти все прежние друзья и знакомые. Не отвечали на телефонные звонки, не здоровались. Люди, имеющие сколько-нибудь заметное общественное положение, всерьез его опасались, вернее, того, что неадекватное поведение бывшего кумира миллионов может скомпрометировать любого добропорядочного гражданина, окажись он рядом с ним...

Одна лишь Лидия Иванова неизменно откликалась на просьбы давнего друга ее семьи: давала очередную «трешку» или «пятерку»... Валерий все больше слабел и мог приехать за деньгами только на такси, и двукратная олимпийская чемпионка платила водителю за оба конца...

Прежняя жизнь уже казалась сном. А теперешняя?..

Не иначе, как в сонном мареве, в сомнамбулическом состоянии Воронин вошел майским вечером 1984 года в пивную на Автозаводской улице, 17. Взял чью-то кружку с пивом, стал пить... У него вырвали кружку из рук, ударили ею по голове и вышвырнули на улицу.

Кто убил Валерия Воронина, нанеся ему смертельный удар ребристой стеклянной кружкой, следствие не установило. Да, по сути, и не дознавались особо. Не было следствия.

Страна переживала последний год «застоя». Застолья...

Утром Воронина нашел дворник, вызвал «скорую». Было уже поздно. Каким-то образом о смерти футболиста мгновенно узнала вся футбольная и околофутбольная Москва, хотя, разумеется, в СМИ о кончине Воронина никаких упоминаний не было. Хоронили выдающегося полузащитника на Даниловском кладбище, собрались тысячи людей. Что чувствовали возле отверстой могилы его бывшие друзья и подруги? Жалость? Скорбь? Облегчение?

Пройдет совсем немного времени, и на могиле Валерия Воронина будет появляться только один человек — его сын Михаил.

Почему именно так сложилась судьба человека, прославлявшего свою Родину на футбольных полях мира? И могла ли она быть иной в других обстоятельствах, в другой стране?

Как знать... Допился до полного отказа внутренних органов гениальный футболист 60-х Джордж Бест, суперзвезда «Манчестер Юнайтед» и всего английского и ирландского футбола. Перед смертью «великий Джорджи» невесело пошутил: «В 1968-м я наконец-то бросил пить.

Это были самые ужасные 20 минут в моей жизни». Спился и умер в нищете от цирроза печени великий бразилец Гарринча, против которого Воронин играл в «Лужниках» в июле 1965-го...

Но время все расставляет по своим местам. Почти все. Именем Джорджа Беста назван аэропорт Белфаста. Именем Гарринчи — стадион в столице Бразилии, памятник ему высится на «Ботафого».

А память о Воронине... Что ж, с высоты сегодняшнего дня бесспорно одно: Валерий Воронин навсегда вписал свое имя в историю отечественного футбола. В историю своей эпохи, своего времени. □

Александр Аннин

ИГРА на чужом поле

ПРОЛОГ

— Заключение Пищик! Подъем!

Гена заворочался в своей койке, разлепил веки. Сквозь зарешеченное окно небольшой комнатки в административном корпусе исправительно-трудовой колонии пробивалось сентябрьское утро. Часов восемь, наверное... Этой ночью Гена опять никак не мог уснуть, задремал только с рассветом, и теперь в затылке тянула тупая тяжесть.

— Заключение Пищик!

В деревянную дверь забухал увесистый кулак.

Вот сволочь!.. Новенький охранник с каким-то садистским наслаждением именовал его «заключенным», в отличие от всей прочей администрации лагеря, давно уже звавшей Гену по имени. А этот никогда не забывает лишний раз напомнить Пищику, что хоть и живет он не в вонючем бараке, а в отдельной, цивильной комнате, ест чуть ли не с руки начальника колонии, разгуливает в джинсах и спортивной блузке, а все равно — зэк, и за

Журнальный вариант

ИГРА

на чужом поле

всю жизнь не вытравить этого унижительного клейма, этой позорной отметины...

— Пошел вон! — крикнул Гена и натянул на голову тонкое шерстяное одеяло.

— Ах, так? Щас, гнида, вскочишь как миленький...

Дверь неожиданно открылась, и вошел заместитель начальника по режиму, плотный сорокалетний мужчина в тренировочном костюме и со свистком на груди. Сев на кровать рядом с Пищиком, он тихо спросил:

— Что, брат, тошно?

— Да нет, гражданин начальник, все в порядке, вот только не выспался...

— А вот это напрасно! Ты же знаешь, сегодня финальная игра против хабаровцев, мы просто обязаны победить. И ты, Гена, наша главная надежда и опора, е-мое! Давай, дуй умыться, — похлопал его по плечу главный тренер лагерной команды. — Тренировка уже началась, через четыре часа матч. И помни: если наша колония станет первым чемпионом России, похлопочем о твоём досрочном освобождении.

— Есть, гражданин начальник.

— Перестань, Гена! Я же сказал, называй меня Игорем Михалычем...

В этом году по распоряжению ГУИНа (Главного управления исполнения наказаний) впервые проводился чемпионат по футболу между командами сотрудников российских колоний. Это было чисто политическое решение: таким образом российская исправительная система хоть в чем-то приходила в соответствие с европейскими стандартами. Правда, в Европе мяч гоняли сами заключенные, но в российских лагерях это было бы, извините, слишком.

Гена Пищик, бывший опорный полузащитник московского клуба «Дружба», бывший кандидат в сборную России по футболу, выступал под именем надзирателя Виктора Трухно. Сам Трухно,

оплывший жиром гигант, не смог бы даже подтянуться на турнике, не то что с толком пробить по воротам.

Гена быстренько сделал несколько отжиманий и поплелся в умывальню. Конечно, они выиграют сегодня, раз победа в чемпионате способна приблизить его освобождение.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так, для начала — затаить дыхание, прислушаться к себе. Похоже, все в порядке, никаких признаков мандража, ни намек. Да и с чего бы ему взяться, мандражу-то? Задача предстоит не ахти какая сложная. Прямо сказать, детская задача. Для такого поднаторелого бойца, как Станок, дельце аж до обидного плевое.

Он неслышно прикрыл дверцу «Нивы», сделал несколько шагов в осеннюю ночную прохладу. Вот и ограда из проволочной сетки рабица. Станок, несмотря на свой стокилограммовый вес, легко перемахнул через нее, опершись руками о каркас из металлического уголка, и снова прислушался к прохладной тишине. Вытащил из подплечной кобуры свой любимый ППС — пистолет-пулемет Стечкина — четкими движениями прикрутил к нему узкую трубку глушителя, расставил чуть согнутые в коленях ноги, двумя руками поднял оружие на уровень глаз, сдвинул предохранитель.

Уже за два дня до сегодняшнего визита Станок начал внимательно наблюдать за лодочной станцией «Русалочка», что расположилась на северо-западной окраине столицы. Затаившись в перелеске и нацелив на игрушечные строения базы отдыха тридцатикратный бинокль, он быстро выяснил, что охраняется станция довольно надежно. Он снова прислушался. Вроде все спокойно. Ладно, пора заканчивать дело.

Босс поручил ему взорвать добротный причал лодочной станции. И строго-настрого приказал не трогать владельцев базы. Пока не трогать. Видимо, еще надеялся договориться по-хорошему. Ерунда какая! Война есть война, и побеждает в ней тот, кто стреляет первым.

Станок подошел к кромке берега и ступил в ледяную воду. Затем бережно достал из-за пазухи сверток — это была круглая магнитная мина. Недешевая штучка. Во всяком случае, обошлась боссу куда дороже, чем стоит причал. Вот уж действительно — игра не стоит свеч. Не умеет Антон Евгеньевич считать денежки. Но, как говорится, хозяин — барин.

Решительно выбравшись на берег, он отер босые ноги о пожухлую траву, быстро обулся и направился к поблескивающему в темноте лодочному

ангару из рифленого железа. Недолго повозившись с запором, вошел внутрь и включил фонарик. Синий луч заплясал по стенам. Кругом моторки, весла, две спортивные яхты. А вот и горючее.

Станок подхватил две тяжеленные канистры и вернулся к причалу. Обильно полил настил, зашвырнул канистры далеко в воду. Чиркнул зажигалкой...

Он не видел, да и не мог видеть своим невооруженным взглядом, что все то время, пока он колдовал у причала, за ним неотступно следил объектив инфракрасной видеокамеры, способной четко фиксировать картинку даже в полнейшей темноте.

Забираясь на водительское сиденье «Нивы», Станок оглянулся назад. Со стороны коттеджа слышались хлопки дверей, бухнули два ружейных выстрела. Он ухмыльнулся и погнал в сторону Путилковского шоссе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Президент и главный тренер футбольного клуба «Дружба» Антон Званцев приказал водителю «джипа» тормознуть возле приземистого, но весьма импозантного строения с вывеской «Бар. Бильярд». Кивнул своим телохранителям Станку и Фонтану, чтоб они оставались в машине, а сам вылез на аккуратно постриженный газон.

Да, место здесь действительно замечательное. И где были раньше его глаза? Всего каких-то восемь-девять месяцев назад он мог приобрести этот прибрежный участок за символические деньги — связи Антона Евгеньевича в московской мэрии и городской думе были всем известны. Тогда, минувшей зимой, на этом месте располагались ветхие строения убогой муниципальной лодочной станции. Но Званцев все

откладывал покупку «на потом» и вот дождался... Скупой платит дважды, а медлительный — трижды.

К новым хозяевам «Русалочки», сумевшим вовремя подсуетиться и отхватить лакомый кусок, на кривой козе не подъедешь. Альберт Жучинский и Рубен Ходжанян в конце минувшего года за какие-то считанные дни оформили свои права на владение лодочной станцией, так что Званцев не успел не только вмешаться, но даже глазом моргнуть. Он просто был поставлен перед фактом.

Ничего не скажешь, хваткие мужики эти Жучинский и Ходжанян. Похоже, и с деньгами у них все в порядке. За какие-то полгода вместо утлых строений муниципальной базы отдыха на берегу водохранилища появился стильный коттедж с черепичной крышей. Возле кромки воды — русская банька и сауна, поодаль, метрах в тридцати — просторный лодочный ангар, а на пригорке — бар с бильярдной. Званцев слышал, что Жучинский планирует построить здесь и небольшой, но весьма дорогой мотель.

Ну а какое, собственно говоря, дело главному тренеру футбольного клуба до чьего-то процветания? Да самое что ни есть непосредственное, потому что спортивная база неоднократного чемпиона страны, клуба высшей лиги «Дружба» раскинулась по соседству с «Русалочкой». Уж сколько раз за последние годы второй тренер «Дружбы» Павел Семибратов говорил Званцеву, что надо поторопиться с приобретением лодочной станции, округлить, так сказать, владения. Но Антону Евгеньевичу было неприятно внимать его советам — отношения между тренерами так и не сложились.

А вот и сам Альберт Васильевич Жучинский, этакий колобок с масляными глазками, стоит на пороге бара и радушно приветствует господина Званцева. Лукавит, сволочь, ведь наверняка понимает, кто устроил ночной пожар... И Званцев с удовлетворением посмотрел на обуглившиеся сваи, торчащие из воды.

— Почтение дорогому гостю, — промолвил Жучинский, приглашая Антона Евгеньевича в полусумрак бара. — Может, для начала партию на бильярде, а?

— Не любитель я шары-то гонять, Альберт Васильевич, — дружелюбно отозвался тренер, присаживаясь за столик, где уже восседал младший совладелец «Русалочки» Рубен Ходжанян. — Господа, я слышал, что минувшей ночью у вас случились серьезные неприятности?

Сорокапятилетний Ходжанян, стройный армянин с трехдневной щетиной, сощурил свои ледяные глаза, а Жучинский снисходительно рассмеялся:

— Вы не поверите, Антон Евгеньевич, но если бы я узнал, кто сжег причал, то выдал бы ему премию. Дело в том, что я сам собирался со дня на

день ликвидировать эту насквозь прогнившую древность. Собираюсь построить нечто вроде железного пирса, чтоб удобно было парковать водные велосипеды, моторки, яхты... Вы случайно не знаете, кому я обязан столь существенной помощью в осуществлении моей задумки? Нет? Жаль, жаль...

«Издевается, гнида, — со злостью подумал Званцев. — Причал был очень даже ничего, а строительство нового пирса влетит в копеечку...» Вслух же сказал:

— Господа, давайте все-таки к делу. К серьезному делу, я имею в виду. Насколько я понимаю, вас не устраивает предложенная мной сумма? Ну что ж, это ведь предмет для дискуссии, я готов рассмотреть ваши запросы.

— Вам, похоже, лавры Петра Первого покоя не дают, — чуть насмешливо заметил Ходжанян. — Мечтаете, как он, прорубить окно к водичке? Ведь, насколько мне известно, территория вашей спортивной базы не имеет выхода к водохранилищу. Наша станция скоро превратится в самый престижный яхт-клуб столицы, причем база отдыха будет круглогодичной. И продавать «Русалочку» сейчас, когда мы вбухали в развитие огромные средства, у нас нет никакого желания.

— Вижу, что вы серьезно вложились, — кивнул тренер. — Но, сами понимаете, оккупаться эти затраты будут долгие годы. И потому у меня есть еще одно, так сказать, компромиссное предложение. Вы ведь мотель собираетесь строить, верно? Я могу стать долевым участником строительства, то есть вашим полноправным компаньоном. Готов инвестировать значительные суммы. Предложение серьезное, господа.

— Мы подумаем, — глумливо ответил Жучинский.

— Думайте, хорошенько думайте, — сквозь зубы процедил Званцев. — А то, как бы вам не

пришлось заново отстраивать не только причал, но и кое-что еще. — И вышел, хлопнув дверью.

Когда «джип» выехал с территории «Русалочки», Станок брякнул:

— Хозяин, «мочить» их надо, и дело с концом.

— Тебе бы только «мочить», маргинал бритый! — дал волю своему раздражению Антон Евгеньевич. — Хотя, может, и придется. Но «мочить» тоже надо с умом, если уж без этого никак не обойтись...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Он не отвяжется, — пробурчал Ходжанян, глядя вслед удаляющемуся «джипу». — Надо что-то предпринимать, Альберт. Может все-таки...

— «Русалочку» продавать нельзя, — твердо заявил Жучинский. — Какой смысл? Чтоб потом снова искать объект для вложения денег? Тут мы уже пустили корни, все на мази. И уверяю тебя, перспективы очень даже неплохие.

— Знаю, — с досадой бросил Рубен Григорьевич.

Он достал из нагрудного кармана видеокассету и аккуратно положил его перед старшим компаньоном:

— На, посмотри на досуге.

— Что это? — поморщился Жучинский.

— Видишь ли, я был готов к тому, что рано или поздно у нас будут такого рода неприятности, и запасся инфракрасной видеокамерой. Здесь, на пленке, четко видно, как причал сжигает один из подручных нашего дорогого тренера. Разумеется, улика не бог весть какая, но все-таки кое-что... Авось пригодится.

— Ну, что за страна такая! Все только и высматривают, как бы залезть на чужую грядку, причем уже окученную... Почему нельзя спокойно заниматься своим делом, черт возьми? всю жизнь мотаешься с места на место, и нигде нет покоя...

Жучинский закурил. Поневоле вспомнились былые времена, когда он работал заместителем генерального директора секретного НИИ Минобороны. Генеральный, академик Анатолий Ардашкин, взял Жучинского заведовать оргвопросами. Да, было времечко! Институт обильно финансировался из государственной казны, и Альберт Васильевич без труда сколотил себе весьма приличное состояние. Как и академик Ардашкин, между прочим.

Занимались в институте чем угодно, только не тем, что предусматривалось программой. А планировалось, ни много ни мало, создание пресловутого психотропного оружия.

Лафа кончилась в 1991 году, а поводом для разгона НИИ послужил самый тривиальный казус. Члены комиссии Минобороны, три генерала и два маршала, во время традиционной попойки выразили желание пригласить покладистых девушек. В институте к такому повороту были не готовы, и завхозу Рубену Ходжаняну пришлось в срочном порядке выписывать первых подвернувшихся провинциальных «гейш» из райцентра. А на следующий день, несмотря на все предупреждения, девчонки распустили языки, по городу поползли ненужные слухи...

Академик Ардашкин поручил Ходжаняну «закрыть» вопрос, и Рубен воспринял слова директора с предельной твердолобостью. Буквально через день в лесу были обнаружены трупы двух «юных натуралисток», принимавших участие в генеральской оргии. Началось следствие, история привлекла совершенно ненужное внимание к институту со стороны нового, перестроечного руководства партии и правительства. От Ардашкина быстренько отrekliсь все недавние покровители — министр обороны, председатель КГБ... В результате НИИ расформировали, а осенью 1991 года стало известно, что академик Ардашкин застрелился.

После внезапного ухода из жизни своего благодетеля Альберт Жучинский оказался полностью отрезанным от своей доли: ведь все финансовые потоки контролировал непосредственно Ардашкин, причем академик и Альберт Васильевич тщательно конспирировали свое участие в делах игорного клуба «Монреаль», так что денежки для Жучинского безвозвратно потеряны. А директор «Монреалья», толстяк Егоршин, привлеченный как подставное лицо, по иронии судьбы стал фактическим владельцем доходного клуба.

Альберт Васильевич разыскал старого друга Ходжаняна. «Железный армянин» помог ему сно-

ва встать на ноги, они наладили совместный бизнес. В конце 90-х Ходжанян и Жучинский возглавили политсовет новой радикальной партии «Сила Руси». Все шло к получению думских портфелей, но... Судьба нанесла свой очередной удар: непосредственно перед выборами вышли в свет мемуары бывшего следователя прокуратуры, который в 1991 году вел дело о кроваво-сексуальных преступлениях в секретном НИИ Минобороны. В книге были названы и фамилии Жучинского с Ходжаняном — как главных подозреваемых в расстреле девушек, развлекавших членов военной комиссии. Автора книги убрали на его даче, но было уже поздно. В результате убийственных разоблачений партия «Сила Руси» потерпела тяжкое поражение на выборах в Госдуму...

Ходжанян уехал в Ереван зализывать раны, а заодно попытался вступить в политические игры у себя на родине. После того, как его машину дважды обстреляли, Рубен Григорьевич почел за благо вернуться в первопрестольную.

Теперь уже Альберт Жучинский протянул руку помощи своему другу, взял его к себе младшим компаньоном. К тому времени Альберт Васильевич уже приобрел «Русалочку» и развернул здесь реконструкцию. И вот — их опять гонят с насиженного места! На этот раз — могущественный главный тренер футбольного клуба «Дружба», о связях которого с российской и международной мафией давно поговаривают в спортивных и околоспортивных кругах...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Комар, если хочешь, могу одолжить тебе удочки. Погнали, брат, на водохранилище.

Подполковник Максим Бурцев уже предвкушал предстоящую рыбалку.

Такое странное начало рабочего дня не слишком-то удивило Комара — так в МУРе прозвали юного, долговязого и русоголового оперативника Алексея Каморина. За два с половиной года службы в отделе убийств он привык к тому, что от подполковника можно ожидать всяких неожиданностей.

Что же касается удочек, то они у Максима Юрьевича всегда были под рукой. А точнее — в объемистом шкафу в их общем кабинете на Петровке, 38. Здесь, в коричневом несгораемом сейфе двухметровой высоты, хранился набор постельных принадлежностей, несколько бильярдных киев, шахматы... и — добротная рыбацкая амуниция: подсачники, садки, спиннинги, болотные сапоги, комбинезон и прочее снаряжение.

Бурцев частенько оставался ночевать в своем кабинете, с тех пор как много лет назад его жена сбежала с каким-то новым русским. Подполковника никто не встречал у домашнего очага, и для него понятие «ненормированный рабочий день» давным-давно стало нормой в абсолютном смысле слова.

Куда тяжелей приходилось старшему лейтенанту Каморину. Сразу после наступления семи часов вечера он начинал тоскливо поглядывать на часы, ведь в восемь заканчивала работу его юная жена Ирина. Обычно Комар встречал ее возле парикмахерского салона на Большой Дмитровке, где она работала.

Бурцев годился Алексею в отцы, но, тем не менее, они общались между собой на «ты» — этим подполковник демонстрировал свое расположение к простодушному детдомовскому парню.

Так сложилось, что хотя Комар формально и не был подчиненным Бурава, но за два с половиной года их привыкли воспринимать как тандем, как наставника и ученика. И Алексею льстило такое отношение. Еще бы! Мало кому выпадает честь быть напарником легендарного Бурава.

Однако сегодня, похоже, Комар не мог составить компанию подполковнику:

— Извини, Максим, я ведь не большой любитель рыбалки. Так что поезжай один. Ты, видно, отгул взял, а у меня полно бумажной работы.

— Чудак ты, брат! Какой еще отгул? Ты когда-нибудь слышал, чтобы кому-нибудь из нашего отдела отгул давали? Не считая похорон близких родственников? Просто надо уметь совмещать служебный долг с легкой расслабухой.

— Всегда готов! — оторвавшись от бумаг, вздохнул Алексей.

— Вот и славненько, что готов. Мы с тобой сейчас рванем на северо-западное водохранилище. Ночью там убили хозяина лодочной стан-

ции, некоего Жучинского Альберта Васильевича. Кстати, он мой старый знакомый. Я занимался им еще в девяносто первом, когда расследовал серийные убийства московских и подмосковных проституток. Правда, ему тогда удалось вывернуться...

— Я все-таки не понял, а удочки зачем? — осторожно поинтересовался Комар.

— А затем, что заодно я хочу проверить, действительно ли там все еще хороший клев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда Комар и Бурав подкатили на стареньких «жигулях» подполковника к лодочной станции «Русалочка», их встретил местный участковый капитан Кирюхин, давний сослуживец Бурцева. Оперативники из райотдела, судмедэксперт и криминалист уже побывали здесь под утро, и теперь на прибрежной базе отдыха мало что напоминало о случившейся трагедии.

Они вошли под сумрачные своды ангара. Острые запахи краски, лака и бензина наполняли просторное помещение.

— Ну и где же произошло убийство? — бесстрастно спросил Бурав у Кирюхина.

Капитан провел оперативников в глубь ангара, где на цементном полу был очерчен мелом контур человеческой фигуры.

— Жучинскому нанесли удар тупым предметом по затылку, — буднично сообщил он. — Скончался на месте, сразу. Вот, кстати, возьмите копию заключения судмедэксперта. Предварительного, конечно. Орудие убийства не нашли. Я так думаю, что его ударили железным веслом.

— Да? — заинтересовался Бурав. — Это почему же?

— А вот смотрите. — Кирюхин подошел к охапке прислоненных к стене весел. — Видите? У самого тяжелого весла нет пары. Везде искал, не нашел. Не иначе, в воду кинули.

— Похоже, так и было, — задумчиво кивнул подполковник. — Комар, тебе надо будет связаться с водолазами, пусть хорошенько пошуруют возле берега.

Продолжая осматривать ангар, он вдруг спросил у Кирюхина:

— Ты не в курсе, кто станет новым хозяином яхтклуба?

— Конечно, в курсе, — кивнул участковый. — Теперь эта золотая жилка переходит в собственность Рубена Ходжаняна, младшего компаньона покойного Альберта Жучинского.

— И этот тоже здесь корни пустил? — изумленно вскинул кустистые брови Бурав.

— Так вы, товарищ подполковник, знакомы с этим армяном, будь он неладен? Ну, тогда мне незачем рассказывать, что это за личность. Ходжанян появился в наших краях не так давно, когда Жучинский уже успел здесь развернуться. Видать, старые друзья-приятели. Да, поработали они тут на совесть, ничего не скажешь.

— А что, разве держать лодочную станцию прибыльно? Это ведь не казино, не бензоколонка... — вмешался в разговор Комар.

— Тут, брат, важно то, как сумеешь бизнес организовать, — значительно проговорил капитан и повернулся к Бурцеву: — Так и быть, введу вас в курс дела, только, чур, меня не выдавать!

— Понятно, — кивнул Бурав, — мы уедем, а тебе тут жить.

— Итак, на чем здесь можно делать деньги? — начал участковый. — Ну, сдавать лодки напрокат туристам и рыболовам — это раз. Кое-что, конечно, принесут баня, бар и бильярд. Но все это — не то по сравнению с аппетитами покойного Жучинского и ныне здравствующего Ходжаняна. И у компаньонов наметилась еще одна статья дохода, причем весьма существенная. Тут неподалеку, километрах в трех-четырёх, есть частная ферма. Хозяина в том году кто-то убил. Говорят, старик не сумел поладить с местной братвой. Осталась его жена, Таисия Петровна Харина. Куда ей такое хозяйство в одиночку тянуть? А тут сын ее, Колька, из тюрьмы вернулся. Братва его хорошо знала, он когда-то в авторитете был, поэтому и оставила ферму в покое. Колька, похоже, завязал со старыми делами, принялся помогать матери. Таисия Петровна работников наняла, стали выращивать огурцы, помидоры, зелень. Кур, гусей развели, поросят, несколько коров. Даже творог и сметану делать наловчились. Да вот беда — куда все это девать?

Торговать-то не приучены, тем более в наших волчьих условиях. Коротче, пропадало все у них, сбыта не было.

— И тут подсуетились Жучинский с Ходжаняном, верно? — догадался Бурав.

— Так точно. Эти умели договориться с кем надо. Вышли на директора пансионата «Прибрежный» Юрия Червякова и стали вместе с ним отмыывать деньги. Харин чуть не каждый день привозил на лошади овощи из теплиц, битую птицу, молочные продукты. Потом, как стемнеет, вместе с Ходжаняном переправляли все это в пансионат на моторных лодках. Там продукты оформлялись по высоким закупочным ценам, а на деле Червяков платил вполтину. Кольке с Таисией Петровной вообще мало доставалось, львиную долю выручки забирали Жучинский и Ходжанян. Колька, естественно, обижался, протестовал, но куда ему деваться? А тут у местной братвы новый «пахан» объявился, так у него с Хариными разговор стал короткий: платите, мол, дань, вы и так много времени получили на раскрутку. В общем, здорово прижали фермеров со всех сторон.

— Так ты говоришь, лошадь Колькина? — нахмурившись, проговорил Бурав. — А где же он сам?

— Хм! Хороший вопрос. Пропал Колька. Похоже на то, что он имеет прямое отношение к ночному убийству. И мотивы у него достаточные — Жучинский его постоянно обделял. Впрочем, это вам решать, товарищ подполковник, — спохватился Кирюхин.

— Есть какие-нибудь свидетели убийства? Ведь вызвал же кто-то полицию...

— Имеются и свидетели, — двусмысленно усмехнулся участковый. — В доме сидят, вас поджидают. Сладкая парочка...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В коттедже навстречу оперативникам поднялся небритый, слегка седоватый брюнет — это и был Рубен Ходжанян. Перед ним на простом сосновом столе стояла початая бутылка армянского коньяка, ваза с фруктами, коробка дорогих шоколадных конфет и тарелочка с нарезанным лимоном.

— Здравствуйте, господа, — произнес Ходжанян почти без акцента.

Но глаза оперативников смотрели мимо него: в матерчатом кресле, закинув ногу на ногу, восседала девушка редкостной красоты. Каштановые волосы сумбурной копной спускались с ее плеч до изящной талии, обрамляя высокую грудь. Возле прямого, коротенького носика чуть наметились веснушки, а глаза сияли, будто два огромных изумруда. На тонких, длин-

ных пальцах переливались со вкусом подобранные самоцветы. На вид этому «чуду природы» было лет восемнадцать.

Ходжанян, саркастически усмехнувшись при виде окаменевших лиц оперативников, промолвил с полупоклоном:

— Позвольте представить — моя знакомая, Вика...

— Виктория Фирсова, — сказала девушка неожиданно низким, грудным голосом, при этом даже не подумала привстать с кресла. — Мы с Рубеном познакомились вчера на дискотеке, на том берегу. Я только вчера приехала в пансионат «Прибрежный», и надо же — сразу такое приключение!

Ходжанян предложил Бураву и Комару по рюмочке коньяка и, получив отказ, принялся неторопливо давать показания. «Неужели он меня не узнал? — думал подполковник. — Да нет, не может такого быть. Прикидываешься, Рубен Григорьевич, я ведь тебя тогда, в девяносто первом, чуть до инфаркта не довел, несмотря на то, что тебе только едва за тридцать было».

По словам Ходжаняна, вчера вечером он вместе с Николаем Хариным отвез в «Прибрежный» продукты с фермы Таисии Петровны. После расчета с директором они поужинали в ресторане пансионата и, от нечего делать, заглянули в бар, на дискотеку... Там Ходжанян познакомился с каштановой Викторией Фирсовой и уже на втором танце пригласил ее к себе. Втроем они вернулись на моторках в «Русалочку». Жучинский, как всегда в подобных случаях, тактично покинул дом и вместе с Колькой пошел в ангар. Только из ангара, как вы знаете, Альберт уже не вышел.

— Позвольте поинтересоваться, Рубен... мм... — Бурав сделал вид, что понятия не имеет, какое отчество у его собеседника.

— Григорьевич, — подсказал армянин.

— Так вот, Рубен Григорьевич, а с какой это стати вы и Жучинский получили долю с продаж продукции фермеров Хариных? Причем, как я понимаю, немалую долю...

— Он сам согласился на эти условия, — пожал плечами Ходжанян. — Таковы правила бизнеса — не умеешь торговать, делись с посредниками. Без нас Харин вообще сидел бы на бобах.

— Расскажите, пожалуйста, как вы обнаружили его труп? — перебил его подполковник.

— Ну, мы с Викой уснули довольно быстро, около половины первого ночи — верно, крошка? — сухо начал Рубен Григорьевич. — А проснулись от внезапного шума со стороны ангара, время было час. Я быстро оделся, сказал Вике, что пойду посмотреть, в чем дело. В окне ангара был свет, и я увидел там, в окне, Николая Харина. Тут я споткнулся о ведро, оно загремело. Николай услышал и выбежал из ангара. Я зашел в ангар и сразу увидел убитого Жучинского. Харина и след простыл. Ну, я поискал его, потом по сотовому позвонил в полицию. И вдруг из кустов появляется... Кто бы вы думали? Старуха-фермерша, Таисия Петровна! Не поленилась среди ночи в такую даль переться. «Где, — говорит, — моя лошадь? Колька, подлец, опять, наверное, пьяный валяется!» Совсем спятила старая. Ну, я ее послал куда подальше, сами понимаете, в каком я был состоянии.

— Понимаю, понимаю, — покивал головой Бурцев. — Ну, а вы, гражданка Фирсова, что нам скажете?

Каштановая дива встрепенулась, будто очнувшись от каких-то неведомых миру грез:

— Когда Рубен ушел в ангар, я встала с постели и подкралась к окну. Почему-то я волновалась, что-то чувствовала. Смотрю, окно ангара ярко освещено, и в нем я увидела того самого парня, Николая, с которым Рубен меня познакомил в пансионате. Загремело ведро, и Николай отпрянул от окна. Я еще с минуту постояла и вернулась обратно в постель.

— Вы уверены, что хорошенько рассмотрели человека в окне ангара? — спросил Бурав. — Расстояние-то, как-никак, приличное.

— А я свет в комнате не зажигала, поэтому мне было все видно, — лучезарно улыбнулась девушка.

Подполковник подошел к окну, в задумчивости потеревил нижнюю губу. Н-да, отсюда действительно хорошо просматривался ангар, на рифленной стене которого темнело распахнутое окно. Он отозвал Комара в сторону и привычным жестом взял его за пуговицу:

— Вот что, старина, съезди-ка вместе с капитаном на ферму, поговори с хозяйкой. А я пока поброжу тут, помозгую... Ты заметил, как этот армя-

нин напряжен, будто в панцирь закован? Явно чем-то и кем-то напуган, но не говорит. Вот и потерзаю его немного...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Комар был просто ошарашен разговором со старухой-фермершей. Прав подполковник Бурцев, Алексей совершенно не знает человеческую природу и на исходе двадцать шестого года жизни все еще остается наивным, доверчивым отроком. Разбираться в людях юный опер так и не научился. Он искренне считал, что самое сильное в мире чувство — это материнская любовь, которой он был в свое время лишен. Однако Таисия Харина напрочь опровергла это детское убеждение Комара.

Сухая, жилистая бабка молча выслушала Каморина с Кирюхиным и ничуть не удивилась, что ее сыном Колькой опять интересуется полиция. Гораздо больше она беспокоилась о лошади. Мол, голодная, наверное?

— Да все в порядке с вашей скотинкой, пасется на бережку, травку щиплет, — заверил Таисию Петровну участковый.

Старуха не унималась, дескать, раз Колька в бегах, она пойдет и приведет кобылу домой. И пусть только этот армяшка попробует опять послать ее матом, как ночью...

И еще хозяйку волновал вопрос, не конфискуют ли у нее ферму, если Кольку привлекут за убийство Жучинского.

— Та еще, видно, старая карга, — сидя на заднем сиденье «Жигулей», усмехнулся Бурав, выслушав рассказ Каморина. — А я, брат, поговорил с Ходжаняном по душам, с глазу на глаз. Ну, ты знаешь, я это умею... Темнит наш армянин, виляет. И еще одно мне не нравится — он упорно делает вид, что не помнит меня. Черта с два! Такое не забывается. Бьюсь об заклад, он по-

сле нашего первого знакомства месяц без снотворного уснуть не мог. Н-да, странная тут подобралась публика, если не сказать — зловещая. Одно я понял из речей Ходжаняна — местная братва не раз пыталась наезжать на хозяев «Русалочки». И, якобы, выручал Жучинского и Ходжаняна не кто иной, как директор пансионата Червяков, взял лодочную станцию под свою «крышу». Вот я и думаю, может, братва сегодня ночью одним ударом покончила и с хозяином «Русалочки», и с упрямым фермером Николаем Хариным? Или все-таки Харин — сообщник бандитов? Так или иначе, теперь братки легко приберут ферму к рукам, а Ходжанян, в свою очередь, будет вынужден пойти на все их условия. Такие вот разборки местного масштаба, передел собственности ...

— Не повезло этой девушке, Виктории Фирсовой, — осторожно произнес Комар. — Только приехала на отдых, и на тебе...

— Да ладно тебе, нашел, кого жалеть... — хмыкнул Бурцев. — Для Фирсовой этот Ходжанян — лишь очередной богатый партнер. Если сегодня ночью и его шлепнут, то, уверяю, переживать мамзель не станет. У этой авантюристки, судя по всему, таких кавалеров пруд пруди, и денег — как грязи.

— Да, внешность часто бывает обманчивой, — печально вздохнул Комар. — А какие у нее глаза! И надо же — обыкновенная вертихвостка.

— Ты правильно сказал — внешность обманчива, — мягко осадил его подполковник. — Неужели ты, наивный романтик, не понял, что она носит ярко-зеленые контактные линзы? Таких изумрудных глаз, как у нее, в природе не бывает! И носит она линзы не так давно, до сих пор слегка щурится по привычке.

Комар сконфуженно промолчал, подавленный наблюдательностью геня сыска.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Понятно, понятно, господа, у нас, как обычно, любая инициатива наказуема, — с напускной обидой тараторил директор пансионата «Прибрежный» Юрий Червяков.

Он расхаживал по своему просторному кабинету перед небрежно развалившимся в кресле подполковником. Комар, как примерный ученик, сфинксом восседал на стуле, положив ладони на колени.

— Ну, скажите на милость, — трагически воздел руки к небу директор, — кому было плохо от того, что я покупал высококачественные, безо всяких там нитратов, продукты с фермы Хариных? Ладно, согласен, при оформлении отчетности были допущены некоторые вольности. А куда де-

ваться? Деваться куда? Ведь задушили финансовыми инструкциями, воздуха глотнуть не дают!

Подполковник выждал паузу и заговорил:

— Юрий Викторович, а если я вам сообщу, что, возможно, именно из-за этой вашей, как вы изволили выразиться, инициативы сегодня ночью убит владелец лодочной станции «Русалочка» Альберт Жучинский? А?

— Слышал, слышал, — раздраженно отмахнулся Червяков. — Только при чем тут продукты с фермы? Вот что я вам скажу, господин подполковник. Давайте так: вы мне пообещаете не озвучивать в правоохранительных органах ситуацию с обеспечением моего пансионата продуктами, а я, в свою очередь, могу оказать существенную помощь следствию по делу об убийстве Альберта Жучинского. Идет?

— Валяйте, выкладывайте, — лениво процедил сквозь зубы Бурав, — а там посмотрим, может, и договоримся.

— Знаете ли вы, что по соседству с «Русалочкой» находится тренировочная база футбольного клуба «Дружба»? — воодушевившись, начал Червяков. — Да-да, того самого. Кстати, попасть туда постороннему человеку не проще, чем на территорию военной базы. Так вот, главный тренер «Дружбы» Антон Званцев давно уже стал фактическим владельцем клуба и всего его имущества, в том числе — и означенной тренировочной базы. Сумел прикарманить практически все акции клуба. Вот по ком тюрьма-то плачет! Этот Званцев, не к ночи будь помянут, давно положил глаз на «Русалочку». Да только проморгал он лодочную станцию, когда она сама плыла ему в руки, извините за каламбур, а теперь насаждает на новых хозяев, всячески их терроризирует, вынуждает взять его в долю. Мне об этом Ходжанян рассказывал, когда продукты в пансионат

доставлял. А пару суток назад, ночью, я сам видел пожарище на лодочной станции — у них причал деревянный сгорел. Как пить дать, дело рук людей Званцева. Ох, и головорезов он набрал себе в службу безопасности, прямо жуть берет...

— Вы хотите сказать, что тренер «Дружбы» может быть причастен к убийству Жучинского?

— Ах, ничего я не утверждаю, — отвел глаза в сторону директор. — Мне только известно, что переговоры между Званцевым и Жучинским ни к чему не привели. А у нас ведь, сами знаете, когда смолкает дипломатия, говорят пистолеты.

— С чего вы взяли, будто Жучинского застрелили из пистолета? — встрепнулся Каморин.

— О Господи, да это же просто поговорка! — взмолился Червяков. — А как, кстати, его убили?

— Я интересуюсь одной вашей постоялицей, — не ответив на вопрос, небрежно бросил Бурав. — Некто Виктория Фирсова.

— О, это редкостный экземпляр, — оживился Червяков, радуясь перемене темы. — Я тоже, с позволения сказать, ею бы с удовольствием заинтересовался. Приехала вчера, проживает в одном из лучших номеров. Сейчас я вам подскажу, как ее найти...

— Насколько я знаю, сейчас ее в пансионате нет, — сухо проговорил Бурцев. — Так что, любезный, проводите-ка нас в ее номер.

— Означает ли эта ваша просьба, что наши взаимоотношения приобретают дружественный характер? — хитро улыбнулся директор пансионата. — Ведь разрешение на незаконный обыск помещения — это, как я понимаю, определенный шаг с моей стороны навстречу интересам следствия...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Номер мадемуазель Фирсовой окнами выходил на водохранилище, здесь царил европейский комфорт, и веяло тонким ароматом французских духов. Бурцев методично осмотрел тумбочки, письменный стол, ванную комнату, багаж постоялицы.

Вскоре выяснилось, что свидетельница ночного убийства на лодочной станции — вовсе не мадемуазель, а мадам. В извлеченном из тумбочки паспорте было четко записано, что Виктория Павловна Фирсова, двадцати трех лет от роду, уроженка города Костромы, уже год как состоит в законном браке с гражданином Фирсовым Владимиром Игоревичем. Оба проживают в Москве.

В письменном столе нашлось кое-что более интересное. Бурав извлек увесистый фотоальбом и подозвал Комара:

— Смотри-ка, приятель! Попади эти снимки в руки гражданина Фирсова Владимира Игоревича, думаю, в паспорте нашей мадам вскоре появился бы штамп о разводе.

Комар, преодолевая смущение, листал страницы альбома, Бурав смотрел через плечо, изредка комментируя фотосюжеты, которые, впрочем, были вполне пристойными:

— Узнаешь? Виктория Фирсова в обнимку с генералом Чухловым, ныне покойным... А это мадам Фирсова в гостиничном номере с главой думского комитета Пилютиным. Недурная коллекция поклонников! А вот и наш всенародно любимый тренер Антон Званцев.

Снимок был сделан на фоне белоснежной яхты. На борту отчетливо читалось название прогулочного судна "PARADIS" и чуть мельче — порт приписки — Barselona.

— Листай дальше. Гм, вот этого борова я не знаю, но и он, судя по всему, личность далеко не бедная — видишь на его жирном пальце рубин величиной с вишню? Так-так... Ого! Узнаешь? Рубен Ходжян и соломенная вдовушка Виктория Фирсова! Снимались в Москве. Похоже, гольф-клуб на Мосфильмовской... Довольно странно, если учесть, что они якобы познакомились только вчера, в этих вот стенах.

Бурав забрал альбом у Комара, вынул пару снимков и вернул его на место. Затем повернулся к дородной и весьма взволнованной администраторше, маячившей за спиной Червякова, и ледяным тоном сказал ей:

— Немедленно принесите мне анкету Виктории Фирсовой, которую она заполняла при заселении в пансионат.

Администраторша с неожиданной провор-

ностью помчалась на первый этаж, столь же резво вернулась обратно и протянула подполковнику анкетный листок.

К своему удивлению, в графе «место работы и должность» Максим Юрьевич прочитал совсем не то, на что рассчитывал. Вместо ожидаемой им записи «временно не работающая» здесь было вписано: «студентка факультета журналистики МГУ». Не хухры-мухры, девица, оказывается, не такая уж дуреха, знает, в какой водице ловить золотую рыбку — на журфаке полным-полно завидных женихов. Уж не там ли она подцепила гражданина Фирсова?..

— Чтоб ни гу-гу, понятно? — сверкнул глазами на администраторшу подполковник. — Ну а вас, любезный Юрий Викторович, думаю, нет нужды особо предупреждать об этом, — заметил он и, уже стоя в дверях, добавил: — Живите, господин Червяков. И считайте, что вам очень повезет, если эта наша встреча окажется последней.

Когда оперативники покинули директорский кабинет, Червяков схватил телефонную трубку и с ожесточением набрал номер:

— Алло, Кирюхин? Здравствуй, здравствуй... Ну, спасибо тебе, что узнал, значит, богатым мне не быть! И, между прочим, по твоей милости. Ты что же это, а? Думал, я не дотумкаю, откуда у муровских оперативников сведения о моих делах с Жучинским и Ходжаняном? Брось, все ты прекрасно понимаешь. Лучше ответь, за что я тебе деньги плачу, жирный двурушник?

Дальнейшая тирада Червякова являла собой виртуозный набор ненормативной лексики, в ответ капитан лишь мычал что-то невразумительное.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мадам Фирсова с аппетитом отужинала в ресторане пансионата «Прибрежный» и покинула зал в отменном расположении духа. Однако, войдя в свой номер, она тут же нахмурилась. От приподнятого настроения не осталось и следа. Вика сразу почувствовала, что в номере кто-то был. В воздухе витал вульгарный, даже какой-то казенный запах дешевого мужского одеколona. Она бросилась к тумбочке. Так, паспорт и деньги на месте. Альбом!.. Подбежав к письменному столу, Фирсова нервно принялась листать картонные страницы. Так и есть! Недостает двух фотографий, тех, где она красовалась с Ходжаняном и Званцевым.

Обламывая ногти, Вика принялась лихорадочно накручивать телефонный диск:

— Алло, Рубен! Катастрофа... У меня из номера пропали фотографии... Ну, где мы с тобой, понимаешь? Знаю, что дура, но всего не предусмо-

треть... Я уверена, что снимки похитили люди Званцева. Как зачем? Да если эти фотки подбросить ментам, нас тут же обвинят в сговоре, заподозрят в убийстве Жучинского! Всем нашим показаниям — грош цена! Придумай что-нибудь, Рубен...

Подполковнику Бурцеву откровенно не нравился господин Ходжанян. Было в этом потасканном ловеласе из солнечного Закавказья что-то отталкивающее, если не сказать — отвратительное. Впрочем, отметил про себя Бурав, женщинам такие типы безусловно импонируют: трехдневная щетина с проседью, густая темная шевелюра, местами будто припорошенная снегом, роковой взгляд черных, глубоких глаз... Короче, все атрибуты классического сердцеда.

Однако утром следующего дня в кабинете Бурава и Комара на Петровке, 38, Рубен Григорьевич вовсе не выглядел суперменом, а его демонические глаза растерянно шарили вокруг.

— Нехорошо получается, гражданин Ходжанян, — тяжело отвечивал фразы подполковник. — До того нехорошо, что прямо-таки даже никуда не годится. Почему вы не рассказали во время нашей вчерашней встречи о конфликте с главным тренером «Дружбы» Антоном Званцевым? Вы заставляете меня делать нелестные выводы о вашей персоне.

— Я просто боюсь его, поверьте, господин подполковник, — прижимал руки к груди Ходжанян. — Это страшный человек. О, Боже... Я чувствую себя виноватым в смерти Альберта, ведь это я всячески отговаривал его от партнерства со Званцевым. И вот результат... Этот спортивный магнат ни перед чем не остановится, и я уже не рад, что вообще ввязался в эту затею с лодочной станцией, строительством мотеля...

— Вы общались с тренером «Дружбы» после убийства Жучинского?

— Да, — упавшим голосом отозвался Рубен Григорьевич. — Он сам позвонил мне. Спросил, не изменится ли моя позиция в связи с трагическими событиями. Ведь теперь я единолично решаю, продавать или не продавать «Русалочку».

— Ну а вы что ответили?

— Я сказал, что готов еще раз рассмотреть его предложения. А он, мерзавец, заявил, что отныне никакой речи о равноправном партнерстве идти не может, поезд ушел. Настаивает на полной продаже лодочной станции. И цену снизил на двадцать процентов, по сравнению с первоначальной... Вы ведь защитите меня?

— Мы не охранный агент, — жестко отрезал Бурцев. — Могу лишь обещать найти заказчиков и исполнителей убийства вашего друга.

— Тогда уж и моего грядущего убийства, — невесело усмехнулся Рубен Григорьевич.

— Ну, если вам так угодно, можете и в этом случае на меня рассчитывать, — пожал плечами Бурав. — Как там ваша подруга, Виктория Фирсова?

— Что? Ах да... Она в пансионате, отходит от пережитого.

— Ну, я не думаю, что происшедшее сильно испортит ей отдых, — бросил подполковник.

— Я просил бы вас, как мужчина мужчине, избавить Викторию от участия в следственном процессе, — тихо сказал Ходжанян. — Видите ли... Мы с Викторией состоим в браке, но только не между собой. У нее есть законный муж, у меня — жена в Ереване. Сами понимаете...

— Нет, не понимаю, — отрезал Бурцев. — Кстати, наверное, именно по причине вашего и мадам Фирсовой семейного положения вы и скрыли от следствия, что знакомы уже довольно давно?

— Да, именно так, — не моргнув глазом, ответил Ходжанян.

— Вы пока свободны, но я вынужден взять с вас подписку о невыезде, — сухо произнес подполковник.

На столе Бурава зазвонил телефон, и он сделал знак Комару, чтобы тот проводил свидетеля.

Когда Алексей вернулся в кабинет, Бурцев был мрачнее тучи:

— Дрянное дело, старина. Мне только что сообщили, что водолазы вытащили со дна водохранилища труп Николая Харина. Его опознала старуха-фермерша, хотя покойник был уже изрядно опухшим. И знаешь, у него на затылке такая же рана, что и у новопреставленного Альберта Жучинского.

Комар, насупившись, молчал.

— Труп покоился в трех метрах от берега. А грузило послужило то самое злополучное железное весло, которым убийца долбил по головам

своих жертв. Харина привязали к железяке, как затравленного волка, чтоб удобно было нести труп за концы весла. Выходит, убийц было, как минимум, двое.

— Что будем делать? — растерянно спросил Комар.

— Есть одна мыслишка. — Подполковник снял телефонную трубку и набрал номер. — Алло, соедините меня с господином Коцюбой... — Лицо его вдруг просветлело, и он заговорил совсем другим тоном: — Привет, Виктор, это Бурцев. Спасибо, спасибо... И я рад слышать тебя, дружище. Ладно, о жизни потом поговорим... Тут дельце есть. Да, серьезное. Давай встретимся в нашем с тобой любимом пивбаре. Через час? Идет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сидя за столиком под сводчатым потолком полуподвального помещения легендарного пивного бара, именуемого в народе «Погребком», Бурцев и Коцюба совершенно не обращали внимания на Каморина, они увлеченно предавались воспоминаниям о совместной службе в МУРе. Поминутно осушаемые кружки сменялись полными, в глубоких тарелках росла гора креветочных панцирей.

Как понял из разговора старых приятелей Комар, Виктора Коцюбу несколько лет назад уволили из уголовного розыска по сокращению штатов. Довольно дико звучит, если учесть, что, например, отдел убийств постоянно испытывал нехватку квалифицированных оперативников. А Коцюба, вне всякого сомнения, был именно таким. В интонациях подполковника Бурцева звучало искреннее уважение к собеседнику, более того, выходило так, что Коцюба в свое время был чуть ли не наставником Бурава.

— Так ты теперь, выходит, процветаешь на ниве частного сыска? — поинтересовался Бурцев.

Коцюба отхлебнул пива и крякнул:

— Макс, ты же знаешь, чего мне стоило мое нынешнее благополучие, причем, надо сказать, весьма относительное. Пришлось поступиться некоторыми принципами, да и вообще...

— Ладно, я тебя учить жизни не собираюсь, ты сам ученый, — замял тему подполковник. — Каждый зарабатывает, как может. У меня ведь к тебе, Виктор Николаевич, просьбишка имеется.

Коцюба насторожился, и Бурав убедился окончательно — его старый друг за то время, что они не виделись, сильно изменился. Уж не превратился ли он из верного товарища, всегда готового прийти на помощь, в прожженного, расчетливого дельца, для которого чистоган превыше всего? Похоже на то. Однако все же стоило попробовать...

— Понимаешь, дружище, в этом деле я могу положиться только на тебя. Не решился бы побеспокоить такого занятого человека, кабы не крайняя нужда.

Услышав эти вкрадчивые речи бывшего напарника, Коцюба совсем приуныл: вся его хохляцкая натура взбунтовалась при мысли, что придется кому-то оказывать благотворительную помощь. Даже если этот кто-то — твой старинный друг.

— Выкладывай, — кивнул он.

Слушая просьбу подполковника Бурцева, хозяин частного детективного бюро «Одиссей» Виктор Коцюба прилагал титанические усилия, чтобы сохранить на лице невозмутимое выражение. А предлагал старший оперуполномоченный Максим Бурцев не что иное, как установить тотальную круглосуточную слежку за главным тренером футбольного клуба «Дружба» Антоном Званцевым, которого старина Макс подозревает, как минимум, в организации убийства солидного бизнесмена, в недавнем прошлом — довольно известного политического деятеля Альберта Жучинского.

— Понимаешь, Витя, — говорил Бурав, — у меня таких возможностей, как у тебя, нет. В первую очередь — технических. Наш доблестный МУР просто не располагает необходимой аппаратурой для тщательно законспирированного прослушивания помещений, телефонных переговоров, не говоря уж о качественной скрытой видеосъемке. Это раз. Во-вторых, никто не даст мне санкцию на негласную слежку за таким влиятельным человеком, как Антон Званцев. Ты же помнишь, он еще не так давно возглавлял национальную футбольную сборную, то есть, этот человек наверняка плотно связан со спецслужбами. Тут одних моих подозрений будет недостаточно, а чтобы получить доказательства его вины, надо устано-

вить за ним слежку. В общем, получается замкнутый круг... Так что, сможешь? Как ты догадываешься, оплатить твои затраты я не смогу. Считай, что это не в службу, а в дружбу. Хотя, конечно, дружба — понятие не коммерческое.

— Брось, Макс, — с напускной бодростью отозвался Коцюба. — Сделаю. Со временем ведь и мне может понадобится твоя помощь, тогда уж позволь, брат, напомнить тебе о моей нынешней услуге.

Распровавшись с ним, оперативники двинулись к выходу, а Виктор, оставшись один, в задумчивости глядел перед собой и барабанил пальцами по засаленному столу. Похоже, он ввязался в очень неприятную историю...

Детективу было совсем нетрудно выполнить просьбу старого друга Макса. Дело в том, что вот уже пятый день, как его сыскное агентство «Одиссей» вело непрерывное скрытое наблюдение за главным тренером «Дружбы» Антоном Званцевым. Наблюдение по полной программе.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

По лобовому стеклу «тойоты-королы» секли мелкие капли дождя. Слушая мерный скрип «дворников», главный тренер и одновременно — президент московского футбольного клуба «Дружба» Антон Званцев подумал с мрачным юмором: «Дождичек в четверг... К деньгам!»

Что ж, приобретение базы отдыха «Русалочка» — дело считанных дней. Ходжанян деморализован убийством своего старшего компаньона и готов на значительные уступки. Развиваемся, Антон Евгеньевич, богатеем!

Его синяя «тойота» медленно пробивалась сквозь запруженную машинами Тверскую к Ленинградскому шоссе. Были, конечно, у Званце-

ва и другие авто, куда пристойней, но сегодня он инстинктивно стремился быть неприметным, хотя и понимал, что это глупо. Облик Званцева, многократно растиражированный прессой и телевидением, был детально знаком не только миллионам «дружбанов» (так называли себя болельщики клуба), но и вообще всем встречным-поперечным. Мясистое, вечно грустное лицо, слегка отяжелевшая, но все еще атлетическая фигура бывшего центрального полузащитника сборной — ну кто же не признает в этом человеке легендарного Антона Званцева!

Антон Евгеньевич вплотную пристроился к заднему бамперу серой «девятки» и тупо глядел в пространство, пережидая очередную задержку в движении. Когда вереница машин вновь тронулась с места, перед глазами тренера ненадолго возник номерной знак идущего впереди автомобиля, и это заставило Званцева встрепенуться, вырваться из сплина: уж больно запоминающимся был номер, уж больно знакомым... За последние дни он уже не раз видел серую «девятку» с таким номером — то позади, то впереди себя.

Званцев прибавил скорость и уже минут через пять подкатывал к центральному аэровокзалу. Здесь он купил билет на Барселону — авиакомпания «Трансаэро», вылет завтра в семь утра из «Шереметьево-2».

Антон Евгеньевич слегка помешкал, раздумывая, не заехать ли домой, чтобы сменить «тойоту» на «мерседес»? И тут же отмахнулся от этой мысли — придется подниматься в квартиру за ключами от «мерса», волей-неволей общаться с женой. Не слишком приятная перспектива.

Поэтому вскоре Антон Евгеньевич уже подъезжал к небольшому, но неожиданно приличному на вид отелю «Блиц», где уже забронировал на свое имя так называемый «суперлюкс». Поставил «тойоту» возле забитой машинами стоянки и взбежал по ступенькам в аккуратный холл. Часы показывали без четверти четыре — стало быть, несмотря на пробки, он прибыл на встречу за пятнадцать минут до назначенного срока.

— Здравствуйте, господин Званцев! — вскочила со своего места девушка-портье.

Антон Евгеньевич критично окинул ее взглядом: ничего, все нормально. Личико очень даже вполне — чуть вздернутый носик, маленькие бледные губки, светло-рыжие кудряшки волос. Глянув на карточку портье, он, улыбнувшись, произнес:

— Здравствуйте, Мариночка!

Не хватало еще только потрепать ее по щеке... Она, поди, и футбол-то ни разу не смотрела. Но какая, впрочем, ей разница, чем прославился мужик, и откуда у него деньги? А ты, мой милый Антон Евгеньевич, знаменит, тебя показывают по телевизору, ты смотришь на бегущих по перехо-

дам метро людей с обложек глянцевого журналов. И почти вся женская половина человечества полностью принадлежит тебе.

Мог ли предполагать Антон Евгеньевич, что эта милая девочка за гостиничной стойкой уже сыграла в его жизни роковую роль?

— Вот ключ от номера, — опустила глаза Мариночка. И спросила детским голосом: — А вы... один?

— Ровно в четыре я ожидаю гостя, — ответил Званцев довольно грубо. — Каргин Иван Захарович. Проводите его ко мне. — И быстро поднялся на второй этаж, к номеру, обозначенному в гостиничном реестре как «суперлюкс».

На том, чтобы встретиться именно в отеле «Блиц», настоял Каргин, главный тренер уральского футбольного клуба «Обогатитель». По телефону они долго перебирали всевозможные варианты — рестораны, казино, дачи Званцева, расположенные вокруг Москвы... И всякий раз чрезмерно осторожный Каргин по тем или иным причинам отклонял предлагаемую Антоном Евгеньевичем «точку», пока не остановились на «Блице».

Антон Евгеньевич вошел в номер, сразу подошел к окну, распахнул тяжелые бордовые шторы. И обмер: прямо под ним, на стоянке, серой мышкой притулилась «девятка» с номером «606».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Валька Шашнев, в прошлом неоднократно судимый вор-домушник по кличке Скрепка, был, в общем и целом, благодарен судьбе за ее доброту к нему, «сирому и убогому». Совсем недавно казалось, что вся его дальнейшая жизнь так и будет сплошной чередой кратковременного пребывания на воле и куда более длитель-

ных по времени сроков заключения. Но с полгода назад, аккурат на тридцать третьем году жизни, ему сказочно подфартило: какой-то хохол подсел к Вальке в пивной на Столешниковом переулке и без обиняков предложил работать агентом в частном детективном бюро «Одиссей». Внештатным агентом, разумеется, поскольку, объяснил незнакомец, подобные фирмы якобы не имеют права принимать на службу человека с судимостью — а у Шашнева их уже четыре. Так что оплата будет сдельной — в зависимости от ценности добытых сведений.

Валька сразу согласился, и за шесть сумасшедших месяцев своей работы в «Одиссее» ни разу не пожалел о принятом решении. Ему, в основном, поручали следить за неверными женами и мужьями, чья вторая половина обращалась с такого рода заказами в детективное бюро.

Скрепка просто кайфовал, когда ему удавалось подловить какого-нибудь жирного барыгу на «левой» связи. А потом еще и деньжат получить от Коцюбы — такая вот смешная украинская фамилия была у владельца «Одиссея».

Но главная прелесть такой жизни заключалась в том, что она изящно сочеталась с прежней, воровской профессией. Заранее проникнув в помещение, предназначенное для тайного свидания, и установив «шпионскую» аппаратуру, Валька мог практически безо всякого риска что-нибудь стибрить. Коцюба строго-настрого приказал Шашневу забыть о своем привычном ремесле, но ведь это как наркотик — попробуй, брось... К тому же Валька прекрасно понимал, что, заметив пропажу, обворованный вряд ли обратится в полицию: ведь придется объяснять, при каких обстоятельствах исчезли деньги, колечко или дорогой галстук. Валька был осторожен, знал меру и по-крупному не брал никогда.

Пять дней назад босс поручил ему настоящее дело: слежку за главным тренером «Дружбы» Антоном Званцевым.

— На предмет адюльтера, — пояснил Коцюба.

— Чего-чего? — скривился Скрепка.

— Короче, с бабой надо его застукать, это хоть тебе понятно?

Понятней, как говорится, некуда. Валька загрузился самой современной, на удивление миниатюрной аппаратурой и закусил удила, предчувствуя щедрое вознаграждение...

Сначала он установил «прослушку» в квартире главного тренера — это было до скуки просто. Рабочая спецовка, саквояж с разводными ключами и первыми попавшимися под руку железяками из багажника машины — и вот Скрепка уже представитель службы газа. Соответствующее удостоверение и накладную на профилактический обход квартир ему выдал Ко-

цуба, только имя и фамилия там значились другие, не валькины. В «Одиссее» была обширная «коллекция» ксив и документации чуть ли не на все случаи жизни. Держали даже сотрудника, бывшего артиста, который специализировался на пополнении этой «коллекции», а именно, знакомился с работягами и служащими в дешевых забегаловках, а там, глядишь, за пузырь водки приобретал очередную бумаженцию. Была в коллекции «Одиссея» даже такая редкостная ксива, как удостоверение «оператора электролюлек с правом установки консолей на крыше».

Так что экипирован был Скрепка солидно. С полным основанием Валька полагался в подобных делах и на свою внешность. Этаким рубаха-парень с наговатыми глазами, острым носиком, веснушками и бесшабашно вьющимся чубом.

Правда, подходя к подъезду и намереваясь обратиться к охраннику, он слегка занервничал. Ему вдруг пришло в голову, что в доме могут быть электрические плиты. Но ничего, пронесло: сталинские хоромы в районе Сокола по-прежнему обеспечивались взрывоопасным метаном, за которым, как известно, нужен глаз да глаз. «А то слышал, небось, — на Красногвардейской в квартире рвануло...» — весело подмигнул вахтеру Скрепка и шагнул к лифту.

Спрашивается, а зачем вообще понадобился весь этот маскарад? Если супруга тренера — заказчица слежки, то не проще ли сказать ей: «Мадам, для успеха дела нам надо установить соответствующую аппаратуру в вашей общей с Антоном Евгеньевичем квартире. Соблаговолите сообщить, когда нам лучше подъехать, чтобы не напороться на господина Званцева». И никаких проблем.

Все так, да только мадам Званцева категорически воспротивилась такому, с позволения

сказать, «осквернению семейного гнезда», где супруги когда-то были счастливы и веселы. Дура полная, ну, что с нее взять! «Осквернение гнезда»... А тайная, грязная слежка за мужем — это не осквернение семейной жизни?

Когда Валька требовательно позвонил в дверь, дома оказалась только мадам Званцева и, как подметил Шашнев, была сильно пьяна. Сидя на корточках и гремя разводными ключами, Скрепка с интересом поглядывал на заказчицу, которая не обращала на «работягу» ни малейшего внимания, а потом и вовсе ушла в гостиную. Телефонный аппарат стоял на холодильнике...

Проникнуть на спортивную базу «Дружбы» Шашневу не удалось — ну, что ж, как говорил его старый поделщик, «не все в кассу». В конце концов, тренер и без того прослушивался неплохо. Причем самую ценную работу проделал не Валька, а заместитель Коцюбы по оперативной части Скворцов, который подключил Скрепку к мобильному телефону Антона Званцева. Этот прием был давно отработан в «Одиссее», напичканном самым современным оборудованием для шпионажа в эфире. Слушая голос тренера, доносящийся из динамиков, Шашнев загодя узнавал о предстоящих перемещениях Антона Евгеньевича. Почти все разговоры Званцев вел именно с мобильного телефона.

Какими же тяжелыми были для Скрепки минувшие пять дней! Гонясь за тренером «Дружбы» по Москве и Подмосковию, тупея от многочасового прослушивания его разговоров, практически без сна, Шашнев так и не нарыл ничего стоящего. Да, Званцев несколько раз говорил по телефону с двумя дамочками, явно любовницами, и разговоры эти вполне можно было «пришить к делу». Но заказчица, Ольга Никифоровна Званцева, желала непременно заполучить «исчерпывающую картину» измены.

Сегодня повезло по-настоящему.

Валька, конечно же, не мог знать о телефонном контакте тренеров «Дружбы» и «Обогатителя», ведь с Каргиным Званцев договаривался о встрече по стационарному аппарату, стоящему в его кабинете на спортивной базе «Дружба». Но вот суперлюкс в отеле «Блиц» Антон Евгеньевич заказывал из машины, по мобильному, — уже будучи на пути в отель, когда застрял в пробке на Тверской. Сказал, что будет там минут через сорок. Какая удача! Отельчик-то для тайных утех... А главное — Марина, с полгода назад устроившаяся в «Блиц» на работу портье, была давней знакомой Шашнева, и не просто знакомой.

Скрепка оторвался от Званцева и помчался в «Блиц», купив по дороге букетик чахлых, невзрачных цветов. Не для Марины, а для дела, которое, предчувствовал Скрепка, близилось к завершению. Вот только времени в обрез...

— Значит так, Марин, — без предисловий начал Валька, перегнувшись через стойку. — Ты ведь знаешь, где я сейчас работаю. Коротче, мне минут на пятнадцать-двадцать нужен ключ от «суперлюкса».

— Но я не могу, Валя, — прошептала Марина, округляя свои карие глаза.

— Девонька, у меня нет времени на уговоры. Работа есть работа, и я должен ее выполнить любой ценой. В общем, решай: или ключ, или хозяин гостиницы узнает все о твоём недавнем прошлом.

— Пугаешь, да? — заныла Марина, но ключ все-таки Вальке протянула.

Поднявшись на второй этаж, Скрепка мысленно похвалил себя за далеко не лишнюю предосторожность. В коридоре пылесосила ковровую дорожку уборщица. Он вразвалочку подошел к мореной двери «суперлюкса» и по-хозяйски вставил в скважину бородатый фигурный ключ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кто же, кто установил за ним слежку? Званцев мучительно соображал... Катанян, президент Профессиональной футбольной лиги? С него, пожалуй, станется.

«Бог велел делиться», — рефреном звучала в мозгу Антона Евгеньевича нелепая фраза. Катанян — жадная акула, тут одной сотней тысяч долларов не обойтись. А может, это очередные интриги Семибратова, второго тренера «Дружбы»? Может быть, очень даже может быть...

Все, кому ни лень, пытаются шантажировать «старика Званцева», как любовно называл себя Антон Евгеньевич. Ну, просто спят и видят, как он поделится с ними своими кровными денеж-

ками в радужных заокеанских разводах. Вот и этот жирный слизняк, Альберт Жучинский, вздумал пугать его — самого Его, Антона Званцева! — прости, Господи, нельзя ведь о покойных так вот непочтительно...

Но, видит Бог, об этом покойнике иначе не скажешь, тот еще был жучара, недаром и фамилия ему такая выпала. Вздумал прислать президенту «Дружбы» видеопленку, на которой Станок обливает бензином причал! Да он гроша ломаного не даст за такие, с позволения сказать, улики. Хотя... Кто его знает, какими неприятностями могли бы грозить ему эти злосчастные кадры ночной видеосъемки, если бы Жучинского своевременно не убрали. Станок-то, как ни крути, официально получает зарплату как охранник спортивной базы «Дружба». Уж эти борзописцы, журналисты то бишь, непременно посмаковали бы сие обстоятельство, и хоть доказать ничего бы не доказали, но имя Антона Званцева прополоскали бы изрядно.

А сам он в глубине души со всей безжалостностью осознавал, что причины затяжных неудач «Дружбы» кроются в нем, главном тренере и президенте чемпионского в недавнем прошлом клуба...

Это было года полтора назад, на испанском побережье, где Антон Евгеньевич вместе с финансовым директором клуба «Барселона» приглядел себе виллу. Он осматривал красивый белый дом с черепичной крышей, утопающий в зелени, бродил по причалу, дотошно изучал белоснежную яхту с неземным названием «Парадиз». Когда Званцев положил руку на гладкое, полированное дерево штурвала, на него вдруг нахлынула безбрежная волна счастья. Он понял: вот она, его мечта — навсегда уйти из большого, жестокого спорта, поселиться здесь, плавать до изнеможения, уходить в море на яхте, ловить рыбу!

Правда, в эту фантастическую идиллию никак не вписывалась Ольга Званцева... А куда, собственно говоря, она вписывалась, кроме кресла возле бара в их гостиной? В последнее время Ольга к возвращению мужа под семейный кров была неизменно подшофе. Не удивительно, что Антон Евгеньевич предпочитал ночевать либо на одной из своих дач, либо на спортивной базе «Дружбы», которая постепенно превращалась для него в дом родной. «Ни на что больше не годна», — это определение в адрес жены все чаще приходило на ум господину Званцеву. Потому-то он и создавал на своей базе все условия для максимально комфортного проживания, потому-то и загорелся идеей прибрать к рукам лодочную станцию, чтобы иметь возможность в любой момент прокатиться на яхте под парусом...

Понятно, что создание райского уголка на окраине столицы влетало Антону Евгеньевичу, что называется, в копеечку. Сегодня в «Лужниках» со-

стоит уже четвертый матч на своем поле, «проданный» Званцевым сопернику в нынешнем сезоне, на сей раз — «Обогатителю». Нелепое название уральского клуба объяснялось тем, что владельцем этой самой молодой команды высшей лиги был тамошний горно-обогатительный комбинат. Однако в глазах тренера «Дружбы» это глупое, на первый взгляд, название себя оправдывало: через несколько минут Антон Евгеньевич станет богаче еще на тридцать тысяч долларов. Такова цена матча между командами Званцева и Каргина. Цена договорной ничьей.

На финише сезона для «Обогатителя» это очко на московском стадионе — прямо-таки яичко к Христову дню. Золотое яичко. Оно дорогого стоит. Учитывая, что команда Каргина — один из двух кандидатов на вылет из высшей лиги, можно было и побольше запросить...

Может быть, Званцев совершает предательство по отношению к болельщикам, «дружбанам»? Ничуть. Команды высшей лиги боялись именитую «Дружбу» по старой памяти и, покупая ничью на поле в «Лужниках», по сути, выбрасывали деньги на ветер. Если бы не предварительная договоренность, половину этих матчей «Дружба» наверняка бы вообще проиграла. Причем бесплатно.

Антон Евгеньевич снял телефонную трубку. «Ну, здесь-то они вряд ли могли поставить прослушивающее устройство», — решил тренер, набирая номер полковника ГИБДД Аникеева.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Опаздываешь, Иван Захарыч, нехорошо, — дружески приветствовал Каргина тренер «Дружбы», когда Марина привела к нему в номер гостя с Урала.

— Так ведь пробки-то у вас в первопрестольной, не приведи Господь, — просипел страдающий одышкой Каргин, плюхаясь в кресло всей своей тушей.

— Выпьешь чего-нибудь с дороги?

— Рановато пить-то...

— Как погода на Урале?

— Да брось ты, Антон Евгеньевич, — отмахнулся тренер «Обогатителя». — К чему весь этот политес? Давай о деле.

Несмотря на юный возраст своего клуба, Каргин имел достаточно оснований, чтобы разговаривать с тренером легендарной «Дружбы» на равных. «Обогатитель» обладал одним из самых мощных финансовых бюджетов в высшей лиге, хотя и занимал предпоследнюю строчку в турнирной таблице. А Ивана Захаровича Каргина уральцы именовали вторым по величине мафиози после губернатора Бунякина.

Со звуком пистолетных выстрелов отщелкнулись замки кейса, и Каргин выложил на столик три пачки в банковской упаковке.

— Тридцать тысяч, как договаривались, — сухо проговорил он, бросив ледяной взгляд на своего визави. — Теперь насчет счета... Хм, неплохо сказано? Н-да. Так что же, по нулям, Антон Евгеньевич?

— Думаю, «один-один» будет лучше, пристойней как-то, — в тон ему отвечал Званцев, распечатывая стопки банкнот. — Сначала забиваем мы, как хозяева поля, потом по очереди катаем мяч, а под занавес вы сравниваете — глупый такой гол, случайный... Мой вратарь допустит нелепую ошибку.

— Ладно. Надеюсь, ты хорошо понимаешь, что говоришь.

— Да уж не в первый раз, дорогой мой Иван Захарович, — глумливо произнес Званцев.

— «Ямщик, придержи лошадей», — весело подмигнул ему тренер «Обогатителя». — Один-один, победила дружба! Просто дружба, с маленькой буквы.

Антон Евгеньевич подошел к окну, глянул вниз. Серая «девятка» была на том же месте. «Ну, где же гаишники Аникеева? — с досадой подумал Званцев. — Уже минут десять прошло, как я ему дал команду...»

— А ведь за мной следят, Иван Захарыч... — брякнул он ни с того ни с сего.

— Кто следит? Почему сразу не сказал? — проворно подбежал к нему Каргин. — Мы тут с тобой такие вещи обсуждаем...

— Вон, видишь серую «девятку» под окном? — Званцев снова глянул вниз и выругался: — Вот шайтан, уже смылся... Видно, заметил меня в

окне. Да не переживай ты так, Иван Захарович, дело житейское... Наверное, жена наняла сыщиков, ревнует, — наобум предположил Антон Евгеньевич, хотя и не верил в такое простое объяснение слежки.

— Да какая разница, кто нанял! Наш разговор могли записать, вот что главное! А распорядиться таким компроматом каждый дурак сумеет. Как называется детективное агентство, знаешь?

— Узнаю. Уже распорядился.

Каргин лихорадочно обыскивал номер. Его поиски были напрасны: в агентстве Виктора Коцюбы работали профессионально. Миниатюрную видеокамеру Скрепка установил в специальной стеклянной вазе, потом, уже будучи в номере, наполнил сей хитрый сосуд водой, воткнул купленные цветы и поставил на телевизор. В таком положении камера снимала и постель, и кресла с журнальным столиком. Изображение и звук, разумеется, теряли четкость, но были вполне сносными. А для подстраховки Валька прикрепил «клопа» — миниатюрный передатчик — к днищу кровати, между пружинами. Обнаружить все это мог только такой же дока, как сам Скрепка.

— Уж будь другом, когда узнаешь название сыскного агентства, сообщи мне, — зловеще произнес слегка успокоившийся Каргин. — Мои ребяташки разберутся.

— Длинные же у тебя руки, Иван Захарович, — с усмешкой покачал головой Званцев. — Уж не твои ли «ребятышки» прибрали под себя аэропорт «Домодедово»?

— Куда нам, Антон Евгеньевич, — рассеянно ответил Каргин и вышел из номера.

В коридоре он вытащил мобильный телефон и принялся тыкать в клавиатуру пухлыми пальцами. Дождавшись соединения, отрывисто дал команду:

— Стас, бери людей и вылетайте в Москву. Все, что нужно, получите у наших в «Домодедово». Потом свяжешься со мной, я дам конкретные указания.

Из динамиков, установленных в машине, до Вальки Шашнева доносились голоса Каргина и Званцева. По идее, Скрепка мог бы уже мотать от греха подальше, ведь камера делала свое дело автономно, без участия Шашнева. Но тогда Званцев, выглянув в окно и не обнаружив «девятку», мог заподозрить «прослушку». И Валька, до пота сжав руль, неимоверным усилием воли заставлял себя выждать еще одну минуточку, еще одну... Десять минут назад он услышал, как Званцев связался с каким-то гаишным чином и велел узнать принадлежность серой «девятки» под номером А606НК-77, а заодно и прислать к отелю «Блиц» наряд ГАИ для разборки с водителем. Они вот-вот будут...

Наконец-то! Штора в окне суперлюкса слегка колыхнулась, и Шашнев тут же плавно отпустил сцепление. «Девятка» резво покинула территорию отеля. «Пусть думает, будто я увидел его и испугался, что он меня вычислил», — решил Скрепка.

А ведь вычислил, как ни крути! Да и грех не вычислить за столько-то времени. Валька загнал машину в глухой дворик между двумя «хрущевками» и принялся отработанными движениями снимать аппаратуру, затем складывать ее в объемистую сумку, какие используют «челноки». Уже через три минуты он проулками уходил подальше от опасного места...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Рабочий день подходил к концу, и Бурцев, глянув на часы, повернулся к Комару:

— Что ж, половина седьмого, скоро стемнеет. Самое время для проведения следственного эксперимента. Едем в «Русалочку».

На лодочной станции их уже дожидался капитан Кириухин с двумя привезенными с собой понятыми — как догадался Алексей, это были так называемые штатные свидетели, имеющиеся в распоряжении любого мало-мальски опытного мента. Исполнительный служака-участковый доставил в «Русалочку» и Викторину Фирсову, которая выглядела сейчас вовсе не безмятежной дивой. Ходжанян, нервно вышагивающий в гостиной из угла в угол, мучительно соображал, какой еще сюрприз заготовили для него оперативники.

Прибывший вместе с Буравом и Комаром следователь по особо важным делам городской прокуратуры Константин Шаравин приготовился составлять протокол. Он уселся за тот самый стол, на котором еще вчера красовался коньяк и изысканные закуски.

— Итак, господа, я собрал вас для того, чтобы... — начал, было, подполковник, раскачиваясь с пяток на носки, но тут же оборвал собственный поток красноречия: — Впрочем, не будем все поминать классику. Давайте воспроизведем последовательность событий, происшедших позапрошлой ночью, начиная с того момента, как вы, Рубен Григорьевич, проснулись от шума в ангаре.

Он сделал знак, чтобы в коттедже погасили свет. Оперативники зажгли фонарики с голубыми лучами, и подполковник жестом предложил Ходжаняну повторить свои недавние действия.

— Значит, вы подошли к окну, — подсказал Бурцев.

— Да, — упавшим голосом ответил армянин. — Я встал здесь и увидел, что окно ангара освещено. На фоне окна я узнал Николая Харина. Только сейчас там темно.

— А по-другому и быть не может, — ласково ответил Бурав, и от этого его слова прозвучали еще более зловеще. — Покойный Жучинский подключил ангар через коттедж, и для того, чтобы зажечь свет в ангаре, надо сначала включить освещение в доме. Как же вы, милейший, упустили из виду это обстоятельство?

— Это ничего не доказывает, — злобно выкрикнула Виктория. — Вчера утром, насколько я понимаю, был не официальный допрос, а так называемый опрос свидетелей...

— Ого, какие познания! — искренне восхитился подполковник.

— Совершенно верно, вы не с лохами дело имеете, — надменно кивнула мадам Фирсова. — Так вот, сейчас мы вправе изменить свои показания. Действительно, когда мы вчера утром рассказывали вам о трагедии, то от волнения забыли, что включили свет в комнате перед тем, как Рубен пошел в ангар. После того, что здесь произошло, у любого может память отбить, особенно если речь идет о таких пустяках, как щелчок выключателя!

— Пусть так, — неожиданно согласился Бурав. — Включите свет!

Электричество вспыхнуло одновременно в коттедже и в ангаре, теперь окно выделялось на рифленном железе ангара ярким прямоугольником.

— Рубен Григорьевич, ступайте в ангар, — приказал он Ходжаняну.

Когда армянин, сутулясь, вышел из коттеджа, подполковник вновь обратился к девушке:

— Гражданка Фирсова, пожалуйста, снимите ваши дивные изумрудные линзы. Вы ведь каждый раз снимаете их, прежде чем лечь в постель?

— Да, конечно, — растерянно пробормотала Виктория, не понимая, куда клонит оперативник. Она ловко сняла свои контактные линзы и убрала их в пластмассовый чехольчик.

— Подойдите сюда, — продолжал Бурцев, беря каштановую Вику за руку. — Согласно вашим показаниям, вы после ухода гражданина Ходжаняна также подошли к окну и в освещенном проеме ангара увидели покойного Николая Харина. Таким образом, своими показаниями вы обеспечили алиби гражданину Ходжаняну. Смотрите в сторону ангара! — Он вдруг резко сменил тон на приказной: — Вы узнаете человека в окне?

Каморин выглянул и увидел капитана Кирюхина, освещенного ярким светом.

— Да... — неуверенно начала Фирсова. — Это Рубен? Я угадала?

— Нет, не угадали, — вздохнул Бурав и повернулся к следователю Шаравину: — Костя, зафиксируй, что гражданка Фирсова не может без контактных линз опознать человека на таком расстоянии. Даже при ярком освещении.

Из ангара Рубен Ходжанян вышел уже в наручниках. Он и Виктория Фирсова были задержаны по обвинению в предумышленном убийстве владельца лодочной станции «Русалочка» Альберта Жучинского и фермера Николая Харина.

Допрос Рубена Ходжаняна длился уже полтора часа, стрелки неумолимо приближались к полуночи, но Алексей Каморин совсем не нервничал из-за задержки на службе. Им с Буравом так и так предстояло дежурить до утра.

«Надо же, а Ходжанян-то, оказывается, рыцарь», — с удивлением отметил про себя Комар. Дело в том, что арестованный армянин упорно вы-

гораживал мадам Фирсову, настаивая на том, что лишь он один несет ответственность за двойное убийство на лодочной станции.

— Виктория дала ложные показания по моему принуждению, — в который раз повторял Рубен Григорьевич. — Я запугал ее, грозил разделаться, если она вздумает сказать правду. Но я совершил грубую ошибку: как-то упустил из виду особенности электроснабжения в «Русалочке»... И попался. К тому же, эти линзы... Ай, да Жучинский, ай, да экономист хренов! С того света отомстил!

— Покойный Альберт Васильевич, если не ошибаюсь, был вашим старинным другом, — в голосе Бурцева, помимо его воли, прозвучала укоризна. — Между прочим, помог вам в трудную минуту, взял к себе компаньоном. Что же вас не устраивало, почему вы решились на убийство?

— Знаете что, подполковник, — поморщился Ходжанян, — давайте не будем устраивать тут детский сад или религиозный лекторий. Меня слишком поздно обучать нравственным принципам. Мы ведь с вами уже встречались, помните? В 1991 году, в секретном НИИ Министерства обороны под Домодедовом. Вы тогда вместе со следователем прокуратуры разыскивали убийцу двух молоденьких проституток. Так вот, без протокола: это был я. Только имейте в виду, под этим признанием я никогда не подпишусь. Говорю просто так, для сведения. — Рубен Григорьевич закурил и окончательно успокоился. — Что касается Альберта... мы были разными людьми. Он хотел спокойной, сытной жизни на свежем воздухе, а у меня были другие планы. Понимаете, не так я воспитан, и сдавать лодки на прокат, быть маркером в бильярдной, контролировать жуликоватого бармена — не по моему характеру. Не мой, так сказать, ментали-

тет. Антон Званцев предложил хорошие деньги за «Русалочку», очень хорошие. Другого такого покупателя не сыскать. На полученный куш можно было бы заварить серьезную кашу... Вернуться в большую политику, я имею в виду. Но Альберт устал от житейских перемен и неурядиц, для него на этой самой «Русалочке» свет клином сошелся. А клин, как говорят у вас в России, клином и вышибают.

— И вы вышибли из него мозги, чтобы потом без помех продать лодочную станцию? — машинально спросил Алексей.

— Вы удивительно догадливы, молодой человек, — глумливо ответил Ходжанян.

— А чем вам помешал Николай Харин? Мало, что ли, вы на его горбу денег наварили? — с откровенным презрением бросил Бурав.

Ходжанян лишь пожал плечами, как бы демонстрируя, что подобная постановка вопроса вообще не имеет никакого отношения к серьезному разговору.

— Да ничем мне этот Харин не мешал. Просто он оказался удобным кандидатом на роль убийцы Жучинского. Его вечное недовольство оплатой вполне могло вызвать ссору при очередном расчете, он и треснул Альберта веслом по голове. Сгоряча. Все так естественно... А потом, ужаснувшись при виде дела рук своих, сбежал. Я ведь думал, что вам, ментам, лишь бы поскорее дело закрыть, вот и надеялся все списать на Харина, который как сквозь землю провалился.

— Точнее, под воду, — поправил его Каморин.

— Ну да, — согласился Ходжанян. — А если бы его все-таки нашли, что, кстати, и случилось, то подозрение пало бы на Антона Званцева и его людей. Вся округа знала, что между нами и тренером была настоящая война. Его люди и причал у нас сожгли... Между прочим, это Званцев намекнул мне, чтобы я решил вопрос с Жучинским.

— Леша, зови архаровца, — устало махнул рукой Бурцев. — Пусть гражданин Ходжанян отправляется почивать в камеру. И скажи, чтобы пригласили Фирсову.

Когда армянин с достоинством покинул кабинет, Комар покачал головой:

— А здорово все-таки она его зацепила! Кто бы мог подумать... Слышал, как он эту Фирсову выгораживает? Похоже, придется ее отпускать.

— Может, и отпустим, — философски изрек Бурав. — Только любовь и благородство тут ни при чем. Ходжанян прекрасно понимает, что убийца-одиночка получит гораздо меньший срок, чем организатор группового преступления. Хотя меньше, чем пятнадцатью годами, он вряд ли отделается. Но все же не двадцать и, уж тем более, — не пожизненное.

Виктория Фирсова, которая успела в коридоре обменяться с Ходжаняном многозначительными взглядами, повела себя в кабинете оперативников откровенно вызывающе:

— Допрос? В такое время? Да вы с ума сошли! Я отдыхать хочу. И вообще...

— Уверю вас, гражданка Фирсова, — картинно прижал руки к груди Бурцев. — В нашем кабинете условия гораздо более комфортабельные, чем в той камере, которую для вас приготовили. Причем, извините, свободных одиночек на данный момент не имеется, так что за тишину и покой на предстоящую ночь я вам не ручаюсь.

Фирсова невольно содрогнулась, лицо ее исказилось брезгливой гримасой.

— Не угодно ли кофейку? Сигарету? — учтиво продолжал Бурав.

— Угодно, — с трудом выдавила из себя подобие улыбки Вика.

Как ни отвратителен был ей этот чернявый, коренастый подполковник, но нельзя забывать, что он всего-навсего обычный мужик. А, значит, у нее есть шанс воспользоваться своей неотразимостью.

Бурцев принял предложенную Викторией игру.

— Не стану скрывать от вас содержание нашего разговора с гражданином Ходжаняном, тем более — брать вас на пушку, — дружелюбно начал он, включая кофеварку. — Ваш кавалер, очаровательнейшая мадам Фирсова, полностью отрицает участие с вашей стороны в двойном убийстве на лодочной станции. Дескать, вы дали ложные показания по принуждению, под угрозами физической расправы.

— Да-да, так оно и было, — поспешно согласилась Фирсова. — Гражданин Ходжанян грубо заявил мне, что я должна обеспечить

ему алиби, дать показания против того парня, Николая. Мало того, что Ходжанян грозил меня покалечить, он еще и шантажировал — угрожал, что если я откажусь, то мой муж узнает о том, что я ему изменяла.

— С кем? — невинно осведомился Бурцев.

— Как с кем? — растерялась девушка. — С ним, с Рубеном, конечно...

— А может, еще и с этим господином? — Он протянул Фирсовой снимок, на котором она стояла в обнимку с Антоном Званцевым на фоне белоснежной яхты.

Виктория закусила губу, лицо ее потемнело.

— Так это вы побывали в моем номере в пансионате «Прибрежный», — глухо пробормотала она. — Между прочим, это незаконный обыск да еще с изъятием личных вещей!

— Разумеется, — развеселился Бурцев. — Только вам от этого не легче. Теперь я знаю, например, что вы состояли, а может, и до сих пор состоите в интимной связи с тренером «Дружбы», который имел серьезный конфликт с покойным Жучинским. Вы были на лодочной станции в момент убийства. И еще... Уверяю вас, что Антон Званцев, в отличие от гордого кавказца Ходжаняна, даст против вас любые показания, лишь бы избежать подозрения в причастности к двойному убийству.

— Знаю! — выдохнула табачный дым каштановая красотка. — Но и я, в свою очередь, готова дать нужные вам показания. Если, конечно, я вас правильно понимаю.

— Вы, я вижу, на пути к раскаянию и желаете облегчить свою совесть, — одобрительно кивнул Бурав. — Думаю, мы сможем принять показания гражданина Ходжаняна о вашей непричастности к убийствам за основу для привлечения вас в качестве свидетельницы, а не обвиняемой.

Фирсова очаровательно улыбнулась, но лицо ее уже через секунду исказилось злобой:

— Это Званцев втянул меня в аферу с покупкой им лодочной станции. Обещал заплатить мне хорошие комиссионные, если я сумею склонить Ходжаняна к продаже «Русалочки» на выгодных для Антона условиях. Все остальное — мол, не моя забота. Насколько я понимаю, такие договоренности не являются преступными?

— Естественно, нет. Бизнес есть бизнес, а женские чары — такой же товар, как все прочие, — ехидно усмехнулся Бурцев. — Давайте договоримся так: ни слова Званцеву о нашем разговоре и об аресте Ходжаняна. Если будет спрашивать — скажете, что он срочно отбыл на пару дней по каким-то делам. Идет? Теперь распишитесь в протоколе допроса и еще — под подпиской о невыезде. И можете отправляться домой или в пансионат. Деньги на такси у вас есть?

Когда за Фирсовой закрылась дверь, а следователь Шаравин, позевывая, собрал бумаги в папку, Комар вполголоса поинтересовался у Бурава:

— Что дальше, Макс?

— Дальше? — почесал затылок подполковник. — Дальше мы с тобой сядем играть в нарды, и будем терпеливо ждать донесений от нашего славного детектива Коцюбы. Званцев должен как-то проявить себя в связи с исчезновением Ходжаняна.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Иван Захарович Каргин умел совмещать приятное с полезным, а полезное — с решением неотложных проблем. Тренер «Обогатителя» руководил действиями Стаса и его бойцов из того самого «суперлюкса», где они встречались с Антоном Званцевым, и куда он вернулся после игры в «Лужниках». Отправляя после матча свою команду в аэропорт «Домодедово», Каргин сказал, что останется в Москве до завтра.

— Дела, будь они неладны! — в сердцах бросил Иван Захарович и тут же суеверно сплюнул через левое плечо.

Ольгу Званцеву Каргин «расколол» лично, чем искренне гордился. Каково, а? Добыл нужную информацию за три минуты, с помощью простейшего приема. За два часа до начала матча, в то время как Званцев говорил по телефону с гаишником Аникеевым, Каргин сделал вот что: всего-то на всего позвонил из «Лужников» по домашнему телефону Антона Евгеньевича. Трубку, естественно, взяла его жена. Язык у нее слегка заплетался, и Иван Захарович, понаслышке знавший об алкогольной зависи-

мости супруги главного тренера «Дружбы», порадовался этому обстоятельству.

— Добрый вечер, — вкрадчиво начал Каргин. — С вами говорит сотрудник агентства, которому поручено выполнение вашего заказа.

— Да, какие новости? Вы его застукали с кем-нибудь?

«Все точно — она», — понял Иван Захарович.

— Все в порядке, у нас уже есть кое-что... Сами понимаете, по телефону такие вещи обсуждать не следует. Шеф просил меня поинтересоваться, когда вы можете подъехать?

— Какого черта? Этот ваш Коцюба, он что, совсем склеротик? Тогда напомните, что мы договаривались встретиться сегодня у вас в двенадцать ночи. Все, за следующие сутки я уже платить не могу. Так что пусть приготовит все результаты, а я еще посмотрю, стоят ли они тех денег, которые вы с меня содрали.

— Вы наш адрес хорошо помните? — закинул удочку тренер «Обогатителя».

— Да уж не беспокойтесь. Пока, Одиссей! — и дала отбой.

Каргин был озадачен. Жена Званцева все-таки не выболтала адрес детективного агентства. Он связался с пресс-центром «Лужников» и попросил доставить ему в тренерскую комнату самый новый и наиболее полный телефонный справочник Москвы, а также подробную карту города.

Найдя в справочнике раздел «Частные охранные и детективные агентства», Иван Захарович сосредоточенно пробежал строчки с вычурными названиями сыскных контор. Обзванивать их все, узнавать, где начальником — хохол по фамилии Коцюба? Пожалуй, придется поручить это кому-нибудь... И тут Каргин встрепенулся: «Одиссей»! Так называлось одно из частных сыскных агентств. И именно так жена Званцева игриво назвала его по телефону. Иван Захарович набрал указанный номер:

— Алло, могу я поговорить с господином Коцюбой?

— Да, сейчас, подождите минуточку.

Каргин тут же положил трубку, затем в задумчивости закурил. Адрес конторы был указан здесь же, в справочнике. Иван Захарович разложил на столе карту, отыскал местоположение агентства. Аккурат напротив «Одиссея» было обозначено какое-то кафе. Каргин без труда нашел его в справочнике согласно адресу, позвонил, узнал, что ночное кафе «Улет» открыто до шести утра. Остальное, как говорится, дело техники. Значит, в двенадцать ночи Коцюба встречается у себя в агентстве со Званцевой. Что ж, это кстати...

«Ай, да я, ай, да молодец! — шлепнул себя по ляжкам Иван Захарович. — Ты куда, Одиссей, от жены, от детей», — напевал он модную в семидесятые годы песенку...

Тренер и президент клуба «Обогатитель» Иван Каргин вовсе не был второй по значимости фигурой в мафиозных структурах Урала, как то приписывала ему народная молва, просто постоянно мелькал на виду, вот и все. Он не руководил преступной группировкой, не владел предприятиями, и совсем не его люди контролировали столичный аэропорт «Домодедово».

Конечно, были дружеские связи и с паханами, и с кабинетными бандитами, а с губернатором Бунякиным Каргин вообще был на короткой ноге. Скоро Ивану Захаровичу предстоит агитировать болельщиков «Обогатителя» отдать свои голоса за Бунякина на предстоящих выборах...

Однако роль в финансовых аферах руководства АО «Уральский горно-обогатительный и перерабатывающий комбинат» Каргину была отведена немалая. Сам он являлся членом совета директоров комбината, и в его задачу входил отмыв денег, полученных от незаконного оборота продукции. Под видом щедрого финансирования футбольного клуба, разумеется. Для того он и создавался два года назад.

Во что бы то ни стало сохранить за «Обогатителем» место в высшей лиге — вот задача, которую поставили перед Каргиным хозяева комбината. Оно и понятно: профессиональный клуб высшей лиги требует огромных, не поддающихся реальному учету затрат. Золотое дно для хозяев команды, желающих легализовать теневые доходы.

Потому-то Каргину и выдали огромные деньги для оплаты договорных матчей. И он справится с задачей, он снимет все возникающие по ходу проблемы. В этом Иван Захарович не сомневался.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Уже за два часа до матча с «Обогатителем» Антон Евгеньевич находился в кабинете на спортивной базе «Дружба». В своих игроках он был уверен. Они в точности выполняют все, что скажет им Антон Евгеньевич. В большом спорте все быстро усваивают правила игры, и менять их желающие вряд ли найдутся. Да и небезопасно это...

Вот, помнится, года два назад случай произошел. Опорный полузащитник Гена Пищик взбунтовался против договорных матчей. И что же? Друзья по команде угостили его в раздевалке пивком, и Гена вылетел из «Дружбы» за нарушение спортивной дисциплины. Разорвали с ним контракт в одностороннем порядке, и пошел Пищик пить пивко по значным точкам... Потом в «Комсомольской правде» Званцев прочитал, что Пищик, озлобленный на весь мир, сколотил что-то вроде банды, их быстренько накрыла милиция, и теперь Гена парится на зоне. А ведь перспективный игрок был!

Званцев как раз собирался идти «инструктировать» своих парней перед выездом в «Лужники», когда на столе зазвонил телефон.

— Алло, Антон Евгеньевич? Это Аникеев из ГИБДД. Саму «девятку» пока не нашли, ищем. Но я кое-что о ней узнал... Принадлежит владельцу частного сыскного агентства «Одиссей» Виктору Коцюбе, по доверенности ездит некто Валентин Шашнев. Видимо, родственник...

— Что-нибудь еще? — нетерпеливо спросил Званцев, взглянув на часы.

— Да, Антон Евгеньевич. Гм... Не хотел вам тогда докладывать, да, видно, придется. Вы знаете, что с автомобилем вашей жены?

— Конечно, — насторожился тренер. — Ее «школа» в ремонте. Ольга на прошлой неделе в аварию попала. Так, пустяки...

— Да нет, как выясняется, не пустяки, Антон Евгеньевич. Хотите, скажу, с чьей машиной она столкнулась? Так вот, она налетела на «БМВ» Виктора Коцюбы, владельца «Одиссея», когда он затормозил у светофора. Ольга Никифоровна, прошу прощения, была в нетрезвом состоянии. И знаете, что было дальше? Потерпевший, этот самый Коцюба, несмотря на травму и серьезные повреждения у своего «БМВ», заявил, что у него нет никаких материальных претензий к Ольге Никифоровне. Тогда мы не придали этому значения, подумали, что они... ну, вы понимаете.

Званцев в сердцах швырнул трубку на рычажки. Все ясно... Значит, все-таки Ольга! Глупая, ревнивая баба! Наняла сыщиков, чтобы следить за его любовными похождениями. Выходит, Катанян и Семибратов ни при чем. Остается уладить вопрос с этими одиссеями, пенелопами, или как их там... Оказывается, агентство «Одиссей» специализируется на адюльте-

ре, то бишь супружеских изменах. Но вот интересно, зафиксировали они его переговоры с Каргиным? Вряд ли, конечно.

Однако рисковать нельзя, нельзя рисковать... Придется наведаться в это самое агентство. Антон Евгеньевич, конечно, не такой крутой, как Каргин, но надежные парнишки и у тренера «Дружбы» имеются.

Плохо, если люди Каргина его опередят. Званцев, разумеется, сообщит Ивану Захаровичу название детективного агентства, но попозже, когда уже все уладит. Дескать, менты у нас совсем мышей не ловят, долго резину тянут.

Ни к чему, чтобы компрометирующие записи — если они, конечно, существуют — попали в руки Каргина. И, кстати, руки-то ему неплохо бы укоротить, а то ведь, в случае чего, и в Испании достанет, сволочь.

Зря вы, ребята, взялись копать под Антона Званцева! Не по Сеньке шапка. А с Ольгой пора кончать. Как говорят доктора, начался необратимый процесс...

Завтра он будет в Барселоне, а там рукой подать до его любимой виллы. И катитесь вы все, куда подальше, с вашими проблемами!

Одна из «проблем» Антона Евгеньевича, Ольга Никифоровна Званцева, сидя в кресле, вяло просматривала журналы. Только что позвонил муж и деловито сообщил, что ночевать не приедет — останется на базе. Звонками убедительно просит не донимать...

Ольга Никифоровна скривилась — аршинный заголовок одной из статей бодро восклицал: «О, спорт! Ты — секс». Она принялась читать уже во второй или третий раз. После вереницы грязных сплетен о ведущих атлетах страны автор, некто Никита Вешний, резюмировал: спортсмену для дости-

жения высоких результатов необходима активная половая жизнь. «Тренеру, по-видимому, тоже», — подумала Званцева, отшвырнула журнал и подошла к зеркальному бару. Плеснула в бокал чуть-чуть виски, пригубила.

Мадам Званцева пребывала в плену чрезвычайно распространенного среди женщин заблуждения. Ей почему-то казалось, что именно она — самая несчастная баба на свете, что только с ней судьба обошлась несправедливо. А если другие и страдали подобным же образом, то это было по справедливости, по заслугам, так сказать. Ольга Никифоровна не понимала, что ее печальная доля — весьма и весьма распространенное явление, и, если можно так выразиться, вполне оправданное житейской логикой.

Алкоголичка... Ха! Именно так Антон называл ее в последнее время. Этот же диагноз читался и в глазах поджарого, сверкающего золотыми часами и перстнями мужчины средних лет, которого Антон привел недавно к ним в гости и отрекомендовал как известного спортивного менеджера. Но Ольга Викторовна по его манере общаться и задавать вопросы собеседнику сразу определила, что перед ней — психиатр-нарколог. Стало быть, муж прощупывает почву, чтоб упечь ее в дурдом или на принудительное лечение от пьянства.

Алкоголичка! Побольше бы таких алкололиков, глядишь, Россия снова стала бы великой державой. Званцева покорила практически все доступные и недоступные вершины, принесла в дар Отечеству высочайшие спортивные достижения. Была серебряной олимпийской призеркой по стрельбе из пистолета, поднималась на высшую ступень пьедестала на международных авторалли...

Ольга Никифоровна снова плеснула в фужер виски, выпила одним махом. В груди начала расплываться горячая волна. Ощущение собственной неполноценности стремительно сменялось растущей гордостью и стремлением к гиперкомпенсации — примерно в таких выражениях психиатр-нарколог наедине обрисовал Антону Званцеву подоплеку алкоголизма его жены.

Она подошла к серванту, окинула чуть замутившимся взглядом свои регалии — безвкусные кубки и аляповатые медали, которые для нее были прекраснее, чем изысканные сосуды из богемского стекла. Сколько выстрелов она сделала, сколько автогонок провела, чтобы эта коллекция неизменно пополнялась очередным кусочком раскатанного металла!

Именно в гонке за лидерство среди немногочисленных гонщиц планеты она и лишилась способности иметь детей. Скрыла от всех, в том числе и от Антона, что беременна, и поехала на престижное ралли в Европу. Бolid перевернулся, Ольга получила серьезную травму в области таза...

Антон ни разу не упрекнул ее за такой идиотский поступок, понимал, что ей тяжело, да и как спортсмен не мог не восхищаться ее мужеством, способностью ради победы поставить на карту все, даже свое жизненное предназначение. Да, он не упрекал ее, и она любила его за это еще больше... Но в последнее время призрак нерожденного ребенка все чаще и чаще вставал в сознании мужа...

Пять дней назад она позвонила в «Одиссей» и договорилась с Виктором Коцюбой о встрече в престижном загородном ресторанчике. Сидя на резной деревянной веранде и оговаривая условия контракта, Ольга Никифоровна сама не заметила, как «перебрала». Коцюба предлагал отвезти ее на своем «БМВ», а «шкоду» забрать потом, но Званцева уперлась: поеду на собственной машине, я в полном порядке. Как же, в порядке... Понадеялась на свое бывшее водительское мастерство, и на тебе — въехала на светофоре в этого сыщика, теперь обе машины в ремонте. Хорошо, что Аникеев из ГИБДД — свой человек, занял дело.

Она взглянула на свое отражение в зеркале. Бессонные ночи, проводимые в муках ревности, не прошли для нее даром. Зачем она обратилась в «Одиссей»? Затем, что жена обязана знать правду о своем муже, — так сказала ей близкая подруга.

Только можно ли доверять этим «шпионам», продажным любителям чужого грязного белья? Что, если Коцюба обманет ее, доложит, что Антон — верный супруг, а сам примется шантажировать его свидетельствами измены? И Антон из страха семейного раздора будет всю жизнь сидеть на крючке у этих оглоедов!

Что ж, она учла это. И сумеет добиться правды.

Ольга Никифоровна нарочно назначила итоговую встречу с Коцюбой в его агентстве в полночь — без свидетелей. Сегодняшней ночью, потому что на дальнейшую оплату чрезвычайно дорогих услуг «Одиссея» у нее просто-напросто не было денег. Тысяча долларов в день — так оценивали свои профессиональные навыки Коцюба и К. То, что слежку за мужем она оплачивала его же собственными деньгами, выдаваемыми ей на расходы, как-то не беспокоило совесть мадам Званцевой.

Она открыла сумочку — тусклая сталь дамского «браунинга» придала ей решимости. Затем снова шагнула к бару и наполнила бокал...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Скрепка ехал на такси в агентство «Одиссей» и блаженно улыбался в пространство. Дождь прекратился, и неожиданно выглянуло предзакатное солнце — доброе, ласковое, как в детстве...

Все просто чики-пики! Сначала он без помех забрал свою аппаратуру из опустевшего «суперлюкса», затем поехал на «извозчике» домой, где просмотрел и прослушал записи. Вот это да! Речь шла о договорных матчах, по сути дела — о взятках в высшей лиге отечественного футбола. Скандал, уголовщина! А какие суммы, е-мое!..

Он позвонил Коцюбе и кратко доложил о результатах, упомянув, что тренер засек его. Шеф скупно похвалил Вальку — главным образом за то, что догадался бросить машину и вынуть из нее весь «фарш», и сказал, что немедленно заявит в полицию, будто «девятка» угнана со стоянки перед агентством сегодня утром. И велел немедленно прибыть к нему в кабинет с добытыми материалами.

Новый офис сыскного агентства «Одиссей» располагался в ветхом одноэтажном здании, где еще недавно была юридическая консультация. Адвокаты несколько лет ждали переезда в другое, более современное помещение, а поскольку в мэрии постоянно уверяли, что, дескать, «вот-вот», то и ремонт делать смысла не было.

После переезда служителей Фемиды Виктор Коцюба (с помощью «нужных» людей, которым его агентство когда-то оказывало услуги щекотливого характера) арендовал здание бывшей юрконсультации за смехотворную сумму. Но настоящие расходы были впереди: покосившиеся двери, кривые полы и обшарпанные стены словно шептали новому хозяину: «Потряси мощной!»

Коцюба, плотный, мясистый коротышка, которому недавно перевалило за пятьдесят, любил все добротное. Он задумал сделать из офиса конфет-

ку. Иного мнения был его заместитель по оперативной работе Михаил Скворцов. Он категорически высказался против дорогостоящего ремонта: «Виктор, внешняя нищета — это же то, что нужно, — объяснял шефу заместитель. — Ну, сам подумай, как ты, сидя в хоромах, будешь доказывать налоговой инспекции, что мы бедные и несчастные, левых доходов не имеем, и представленная нами куцая декларация соответствует истине? Там что, по-твоему, одни дураки собрались?»

Доводы Скворцова подействовали. Ремонт откладывался день за днем. Но вчера Коцюба решительно объявил заму, что заказал бригаду и стройматериалы, пора приводить все в божеский вид. Дело в том, что хозяин агентства, хромавший после столкновения со «шкодой» Ольги Званцевой, уже дважды растянулся на полу, зацепившись за рваный линолеум. И начать он решил именно с полов.

Когда Скрепка в половине шестого подъехал к «Одиссею», возле входа в агентство уже курили рабочие, явно украинцы по выговору. Валька краешком глаза заметил блеснувшую бутылку водки, хлеб с салом... Ребята были уже «хорошие», в общем, основательно подготовились к трудовым подвигам. Понятное дело — Коцюба нанял тех, кто берет подешевле...

Шашнев хорохорился перед Коцюбой и Скворцовым:

— Каково, а? Вместо вашего бюстгальтера...

— Адюльтера, — скривившись, поправил его Коцюба.

— Угу... Короче, я надыбал кое-что покруче! Такая фенька дорогого стоит!

Они только что наскоро просмотрели на мониторе пятнадцатиминутную запись пере-

говоров Званцева и Каргина. Коцюба молча сунул микропенки в бумажный конверт и положил его на стол. Затем подошел к сейфу, отсчитал пятьсот долларов и протянул Вальке.

— Шеф, прибавить бы надо, — заканючил Скрепка, пряча гонорар.

— Слушай, тебе что, работа не нравится? — прозвучал из глубины кресла голос Михаила Скворцова. — Опять захотел на вольные хлеба? Ну-ну...

— Баранки гну, — пробурчал Валька и развязно вышел из кабинета.

Как только за Скрепкой закрылась дверь, Скворцов резко поднялся из кресла:

— Витя, это удача! Фантастическая удача! Через час, в девятнадцать ноль-ноль, начнется матч между «Обогатителем» и «Дружбой». И если он закончится со счетом «один-один» — а так оно и будет! — то мы получим Званцева со всеми потрохами. Что касается Каргина... Во-первых, он рискует меньше, а во-вторых, с этим монстром лучше не связываться. Н-да... Так вот, — продолжал, потирая руки, развивать свои планы Скворцов. — Полагаю, со Званцева можно будет слупить, как минимум, сто тысяч долларов за эти вот записи, — и он показал на стол, где лежали материалы, добытые Валькой.

Коцюба, хромя, вплотную подошел к нему:

— Забудь про это, Миша. Возможно, нам действительно удастся пощипать Званцева. Но потом... У главного тренера «Дружбы», с его-то связями, хватит силенок лишить нас лицензии.

— Значит, надо требовать двести, даже триста тысяч! — кипятился Скворцов. — Мне — сто, тебе — остальное. Заплатит, ему деваться некуда! Больше потеряет, если заартачится, он же не идиот. Деньги такие у него найдутся без проблем. И гори потом синим пламенем это вонючее агентство!

— А как тебе понравилось, что Каргин хочет с нами разобраться? Званцев, поди, уже узнал через ГИБДД про наше агентство и доложил этому уральскому мафиози.

— Эх, Витя, мы с тобой люди пуганные... Надо идти ва-банк, Витя.

Из-за двери кабинета послышался кашель, затем — испитой голос бригадира строителей-ремонтников:

— Хозяин, шесть часов. Пора начинать бетонировать, как договаривались...

— Покурите еще немного! — крикнул ему через дверь Скворцов.

Коцюба, меж тем, задумался. Ему предстояло сделать выбор на всю оставшуюся жизнь...

А жизнь бывшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска Виктора Николаевича Коцюбы один раз уже делала крутой поворот. И было это в 1996 году, когда в отделе убийств МУРа появился новый начальник — полковник Сигаев. Он явно не собирался надолго задерживаться в этой должности и потому с первых же дней развил бурную показуху.

В то время по государственным учреждениям самого разного профиля пронеслось поветрие — сокращение штатов. Хорошим руководителем считался тот, кто сумел отыскать в своем аппарате «лишних людей». Сигаев «списал за ненадобностью» одну из стенографисток, водителя-пенсионера...

Но все это было как-то не слишком эффективно. И Сигаев решил во что бы то ни стало отрапортовать «наверх» о сокращении штата оперативников. Он уже твердо знал, кто из его подчиненных — лишний. Это был капитан Виктор Коцюба.

Тогда лишь один человек вступился за Коцюбу — оперуполномоченный МУРа Максим Бурцев. Бушевал в начальственных кабинетах, что-то доказывал... «Брось, Макс, никто ничего переигрывать не станет, — сказал ему Коцюба. — Сам-то хоть не подставляйся».

Сейчас Бурцев уже подполковник, носит почетное звание «Лучший оперативник года». А Виктору Николаевичу после сокращения предложили другое место работы, кстати, вполне приличное — преподавателем на курсах повышения квалификации младших сотрудников органов внутренних дел. Но Коцюба с детства ненавидел учебу и учителей, он отказался и очутился «на улице».

Без работы, без семьи, Виктор Николаевич кое-как перебивался еще года три то

охранником в пункте обмена валюты (вплоть до его закрытия), то сотрудником службы безопасности банка (пока он не лопнул). Убыстряющийся водоворот жизни носил Коцюбу, как Одиссея, по своим пенистым волнам и не давал пристанища. Хорошо, что за время работы в МУРе Виктор Николаевич успел-таки получить однокомнатную квартиру в старом Бутово...

В 1999-м Коцюба основал частное сыскное бюро «Одиссей». Называя так свою фирму, бывший опер подразумевал самого себя, вечного странника по жизни. Но для регистрации предприятия нужно иметь в штате, как минимум, двух человек, руководителя и бухгалтера. И Коцюба вспомнил о сокращенном одновременно с ним сотруднике муровской бухгалтерии Михаиле Скворцове, узнал его телефон. Скворцов, который жил тем, что тряс миксером в ночном клубе «Монреаль», немедленно согласился стать правой рукой Виктора Николаевича. Со временем главбух «Одиссея» стал замом по оперативной работе, оказалось, что есть у него такие способности. А разбогатевший Коцюба взял другого «казначея».

То, что агентство специализировалось в основном на адюльтере, сложилось как-то само собой, и изменить установившуюся репутацию уже не представлялось возможным. Да Коцюба и не комплексовал по этому поводу, он был абсолютно убежден, что надо заставлять людей расплачиваться за грехи на этом свете.

Виктор Николаевич неспешно достал сигарету, чиркнул зажигалкой, прикурил. Потом подошел к столу, взял за краешек бумажный конверт с микропленками и поднес к нему язычок пламени.

— Зачем, Витя? — простонал Скворцов.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Скрепка уныло бродил по пустынным коридорам «Одиссея». Ну и сваял же он дурака! Зачем он отдал шефу компромат на главного тренера «Дружбы»? За пятьсот-то долларов... Подарил, да и только. Неужели он и впрямь недоумок? Ну, что мешало, сидя дома, хотя бы снять копию?

Валька не заметил, как машинально спустился в полуподвальное помещение. Его взгляд упал на приоткрытую дверь в подсобку. Шашнев мучительно соображал... Затем взбежал наверх по ступенькам и принялся профессионально обрабатывать входную дверь. Готово! Кусочек пластика, аккуратно вставленный в углубление, не даст замку защелкнуться до конца, иначе Вальке потом просто не выйти отсюда. Примитивный по нынешним понятиям замок, доставшийся в наследство от юрконсультации, запирался и отпирался только снаружи, с помощью кода.

Скрепка вновь нырнул в затхлую темноту подсобки. Примостился за пыльными коробками с каким-то хламом. Часа через три строители уйдут, и Валька останется один во всем офисе. Остальное — дело техники.

Компромат на Антона Званцева — это его, валькина, законная добыча. Вернув себе микропленки, он завтра же встретится со вторым тренером «Дружбы» Семибратовым. О напряженных взаимоотношениях наставников футбольного клуба Валька был осведомлен неплохо. Зря, что ли, пять дней кряду слушал телефонные разговоры Званцева. Так что Семибратов с радостью выложит денежки за компромат, способный свалить главного тренера «Дружбы».

Сколько запросить? Десять тысяч долларов, пожалуй, в самый раз будет. Шашнева окутало умиротворение. Да, на такие денежки можно славно пожить... Валька не заметил, как уснул — еще бы, за минувшие пять дней он спал не больше двадцати часов.

Проснулся он от ледящего холода, чиркнул зажигалкой, взглянул на часы и вспомнил, что они стоят еще с пяти вечера. Валька не заводил их двое суток, совсем замотался с этой непрерывной слезкой. Сколько же он проспал?

Скрепка поднялся, хрустя затекшими суставами, и тут же замер. Прямо над ним явно слышались шаги нескольких человек. Там, он знал, располагался кабинет Коцюбы.

Шашнев осторожно выбрался из своего убежища к слабо освещенному коридору и сразу же вновь отпрянул в темноту. От кабинета хозяина «Одиссея» прямо на Вальку шел главный тренер футбольного клуба

«Дружба» Антон Евгеньевич Званцев. Его окружали два мрачных бугая и еще какой-то очкарик.

«Слава богу, не заметили... Надо уносить ноги», — подумал дрожащий Скрепка, когда за зловещей четверкой закрылась входная дверь. Но непреодолимая сила направила ноги Шашнева к кабинету руководителей «Одиссея».

Сейф в кабинете Коцюбы, подобно замку на входной двери, достался «Одиссею» в наследство от бывших хозяев-юристов. Этот коричневый мастодонт в половину человеческого роста был изготовлен еще при нэпе, о чем свидетельствовала жестяная треугольная табличка с надписью «Артель Мосметаллоизделия». Рядом с современной аудио- и видеоаппаратурой, компьютерной техникой, факсом и многофункциональным кондиционером этот «дедушка» смотрелся дико и забавно. Но хозяйственный Коцюба ценил раритеты. Правда, не настолько, чтобы полностью доверять деньги и документы исключительно мастерству нэповских металлистов. И потому в сейфе была установлена секретная сигнализация. Она-то и сработала около четырех часов утра, и в «Одиссей» из близлежащего отделения прибыл парный наряд, вооруженный автоматами. Незапертая дверь упростила ему задачу.

Званцев и его люди уже минут пять как покинули помещение, разминувшись со стражами порядка, и вороненые дула «калашниковых» смотрели на единственного живого человека во всем помещении — несчастного Вальку Шашнева.

— Скрепка? Ну, привет, — старший наряда опустил автомат. — С каких это пор ты стал убийцей? Ты же всю жизнь честным вором был!

На полу, с подогнутыми ногами, лежал труп владельца детективного бюро «Одиссей» Виктора Николаевича Коцюбы.

Не слушая жалкого лепета Вальки, старшина принялся по рации докладывать дежурному по городу об убийстве и ограблении в «Одиссее».

Визит главного тренера «Дружбы» к «одиссеям» задержался вплоть до раннего утра из-за невзрачного на вид очкарика, без которого, как был уверен Антон Евгеньевич, ему делать в детективном агентстве было нечего. Олег Романович Мешков, показавшийся Вальке Шашневу интеллигентом, был хорошо известным в криминальном мире «медвежатником», профессиональным взломщиком самых хитроумных замков и сейфов. Но как назло, люди Званцева безуспешно разыскивали Олега Романовича в течение нескольких часов, пока в очередном месте им не дали телефон его тетки. Сорокалетний «племянничек» мирно спал у нее в гостях.

Когда Антон Евгеньевич и его спутники прибыли в сыскное агентство «Одиссей», сонный Мешков был разочарован и раздражен: на кой ляд он понадобился, если дверь в помещение открыта, а сейф может взломать любой шалопай? Ни один замок в здании не требовал высокой квалификации «медвежатника». К тому же, добавил Олег Романович, он никогда не был замешан в «мокром» деле и впредь не собирается. Короче, берите из сейфа, что нужно, заканчивайте свою миссию, а он свое отработал.

Олег Романович Мешков достаточно пожил на свете и потому был человеком осторожным. Он хорошо усвоил, что серьезной информацией надо делиться только с непосредственным заказчиком, но никак не с такими же исполнителями, как он сам. Поэтому, поманив пальцем Антона Евгеньевича, Мешков сообщил ему на ухо, что в сейфе только что сработала тайная сигнализация, и надо торопиться.

Выйдя из офиса «Одиссея» за пять минут до прибытия наряда, Званцев сказал своим звероподобным спутникам: «Подежурьте здесь где-нибудь в укромном месте, понаблюдайте. Если вдруг появятся люди Каргина — действуйте по обстановке. Обо всем докладывайте мне на мобильный». А сам сел в свою «тойоту» и отбыл.

Он уплатил Мешкову обещанный гонорар, довез его до перекрестка и распрощался с «медвежатником» навсегда. А через три с половиной часа тренер «Дружбы» (теперь уже бывший, усмехнулся Антон Евгеньевич) навсегда распрощается с Россией. Если, конечно, его не успеют задержать в аэропорту. Но это вряд ли.

Званцев почувствовал знакомое возбуждение и сладостное замирание внизу живота. Подобное случалось с ним всегда, когда он включал свой жизненный принцип «Удар на противоходе». Этот футбольный термин как нельзя лучше соответствовал натуре Антона Евгеньевича, только в игре он проявляется зримей: нападающий от угла штрафной площадки сближается с вратарем, тот делает движение навстречу и в этот момент следует удар по воротам. Попал — считай, гол.

Точно так же Званцев действовал по жизни. Как только невзгоды начинали надвигаться на него, он молниеносно производил встречный удар. И вот ты уже пан, а не пропал!

Сам того не ведая, Антон Евгеньевич подобным подходом к решению проблем очень сильно походил на того самого человека, который в настоящий момент ему их создавал, а именно — на подполковника Бурцева. Только Максим Юрьевич называл свой принцип борьбы со злой судьбиной несколько иначе. Он говорил, что, если ты участвуешь в марафоне и стремишься прийти первым, то надо взвинчивать темп не на спусках, как все, а на подъемах...

Решение круто изменить жизнь начало складываться после полуночи, когда Антону Евгеньевичу позвонила Виктория Фирсова и возбужденно сообщила, что Ходжанян арестован по обвинению в убийстве Жучинского, да и сама она еле вырвалась из лап угрозыска. Что ж, неудача в одиночку не приходит. Теперь приобретение лодочной станции (через подставное лицо, разумеется) осложнялось длительными судебными проволочками.

Зато крушение планов насчет «Русалочки» укрепило Антона Евгеньевича в его решении уйти от дел, навсегда покинуть большой спорт и не менее обширный бизнес. Во всяком случае, в своем Отечестве.

Он связался с Каргиным, тот не спал. Тренер «Дружбы» спокойно сообщил Ивану Захаровичу название и адрес детективного агентства, чей сотрудник следил за ним в последние дни. Каргин недовольно сопел в трубку. «Кажется, я сейчас здорово подставлю этого жирного борова!» — с удовлетворением подумал Антон Евгеньевич, и перед его мысленным взором возник оставленный в «Одиссее» труп Виктора Коцюбы. Но внезапно Каргин сказал тяжелым голосом:

— Все это, Антон Евгеньевич, я давно без тебя знаю. И уже принял кое-какие меры.

— Но каким образом? — обомлел Званцев.

— Каким? А ты скажи своей жене, чтоб поменьше пила и не откровенничала с кем ни попадя, даже если человек представится Папой Римским.

К утру от твоего «Одиссея» одни головешки останутся. Так что не переживай, вся аппаратура сгорит. И кое-что еще, — с нажимом закончил Каргин и дал отбой.

Откуда он узнал о том, что произошло в «Одиссее»? И так быстро! Он что, ясновидящий? А может, кто-то из двоих боевиков Званцева — Фонтан или Станок — работают на уральского мафиози? Перекуплены?

Званцев хотел было позвонить этим своим «парнишкам», оставленным возле детективного агентства, чтобы отменить разборку с людьми Каргина, но передумал. Если они работают на тренера «Обогатителя», то стрельбы в любом случае не будет. А если он напрасно подозревает своих людей, тогда... Антоном Евгеньевичем вдруг овладела апатия. Пусть события идут своим чередом. В конце концов, все это его уже не касалось.

Подъезжая к «Шереметьево», Званцев позвонил домой председателю правления банка «Норд-Вест» Вадиму Биланову по прозвищу «Билл». Разговор был коротким. Антон Евгеньевич голосом, не терпящим возражений, распорядился немедленно («мне плевать, как ты это сделаешь!») перевести в Цюрих все деньги со своего личного счета.

Футбольный клуб «Дружба» и его президент Антон Званцев были одними из крупнейших клиентов «Норд-Веста», и отказать Биланов не мог. Он записал банковские реквизиты в Цюрихе, продиктованные ему Антоном Евгеньевичем, разбудил телефонными звонками нескольких своих служащих и, кряхтя с досады, поехал в офис «Норд-Веста».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«Парнишки» Званцева, бритоголовые хряки Фонтан и Станок, наблюдали за входом в офис, скрытые стоявшими неподалеку мусорными баками.

У Станка было отличное настроение: несколько часов назад он продал «сэкономленную» им радиоуправляемую мину перекупщику оружия за две тысячи долларов. Недурственно!

Фонтан и Станок видели, как к «Одиссею» подкатили обыкновенные белые «Жигули», и двое автоматчиков в полицейской форме осторожно вошли в здание агентства. «Наблюдатели» обалдело переглянулись.

— Не понял, — прогундосил Станок, — как это менты узнали про убийство?

— А позвонил кто-то, — процедил Фонтан. — Увидел, как мы входим-выходим, и брякнул в ментовку...

По уровню интеллекта званцевские «парнишки» заметно уступали Стасу и его команде — людям Ивана Каргина.

Станислав Лещинский по кличке «Король» с тремя проверенными бойцами — бывшими спортсменами Вованом, Митяем и Гмырей — вылетел в столицу через два часа после телефонного звонка тренера «Обогатителя». Настроение у Лещинского, как и у Станка, было приподнятым. Шеф хорошо платил за любую работу, а здесь намечалось что-то серьезное.

В «Домодедово» уральскую четверку встретили братки-земляки. Парни похлопали друг друга по спинам, кратенько переговорили за жизнь. Из оружия Стас предпочел пистолеты «ТТ», взяв себе вдобавок израильский автомат «узи» с тройным боекомплектом. Также Стасу вручили видеокамеру для ночной съемки: дескать, Каргин сказал, что надо.

Король связался с шефом, и они довольно долго о чем-то говорили. Под конец Каргин приказал наполнить несколько канистр бензином и ехать в кафе «Улет», сидеть там, наблюдать за офисом детективного агентства «Одиссей» и ждать его дальнейших указаний. Погрузившись в длинный, непрезентабельный джип «чероки», Король и его бойцы уже через полтора часа сидели в кафе и терпеливо потягивали кока-колу.

Едва перевалило за полночь, Стас, поглядывавший в окно, вдруг схватился за мобильник, быстро набрал номер:

— Шеф, какая-то баба идет от агентства «Одиссей» в наше кафе. Черные волосы, лет сорок. Что делать?

— Все в порядке, это жена Званцева. А как она входила в агентство, вы что же, проморгали? Да? Значит, спите... Ладно, снимите ее незаметно на всякий случай...

Гмыря выскользнул из кафе с видеокamerой.

А дальше потянулись часы томительного безделья. Жена Званцева сидела тут же, в кафе, и пила один бокал за другим. Скоро Лещинскому надоело присматривать за ней, его окончательно сморило...

Лишь незадолго до четырех утра Король встрепенулся. С магистрали к «Одиссею» заворачивала «тойота», и он моментально доложил об этом Каргину.

— Отлично, ребята, вы не зря там торчали столько времени! — отозвался довольный Каргин. — Это Званцев собственной персоной. Наверняка со своими людьми. Я чувствовал, что он появится. Сняли?

— Шеф...

— Ладно, смотрите, не прозевайте, когда он возвращаться будет. Да так снимайте, чтоб номер машины был виден!

— Сделаем, Иван Захарович.

— Только смотри, осторожнее! Сам бери камеру, уж не сочти за западло!

В суперлюксе отеля «Блиц» Каргин убрал мобильник и довольно потер руки: «Ну, Антон Евгеньевич, теперь посмотрим, кто кому будет платить!»

С этого момента у бригады уральцев не было ни минуты покоя. Отсняв отъезд Званцева из «Одиссея», Король вновь набрал номер Каргина:

— Шеф, какие-то белые «Жигули» только что свернули к агентству.

— Странно... Похоже, кто-то из сотрудников «Одиссея». Ладно, одним больше, одним меньше... Выжди минут пять, и начинайте.

Фонтан и Станок, одуревшие от запаха помойки, одновременно схватились за

пэпээсы — пистолеты-пулеметы Стечкина. По узкой дороге, ведущей от магистрали к офису «Одиссея», приближался джип «чероки».

— Похоже, парни Каргина, как босс и предупреждал, — буркнул Фонтан.

Джип встал у входа, из него, сгибаясь от тяжести тридцатилитровых канистр, выгрузилась уральская четверка.

— Давай, Митяй, — вполголоса скомандовал Король.

Каратист Митяй, описав пируэт, мощно пробил пяткой в точку, где располагался кодовый замок. Дверь, которая была не заперта, отлетела, как рамка мышеловки, и с грохотом припечаталась к стене.

— Во, дает! — с восхищением оценил удар Гмыря.

— Митяй, в подвал! — крикнул Лещинский, а сам вместе с Вованом и Гмырей принялся поливать бензином пол в небольшом холле и слабо освещенном коридоре, неуклонно приближаясь к кабинету Коцюбы, расположенному в конце коридора.

Находившиеся там полицейские, услышав грохот, переглянулись.

— Что еще за хрень? — пробормотал старшина, и оба напарника выскочили в коридор.

Их появление ошеломило Короля и его братков, но лишь на долю секунды. Побросав канистры, они открыли по стражам закона беспорядочный огонь из пистолетов. Бронежилеты спасли тем жизнь, но старший из них схватился за правое предплечье, выбыв таким образом из игры. Второй, матерясь от страха во все горло, выпустил длинную очередь из «калашникова». Вован и Гмыря были мгновенно скошены свинцовой струей.

Стас Лещинский метнулся за сложенные штабелем крафт-мешки с бетонной смесью, сел на пол, передернул затвор «узи». Из коридора по мешкам хлестнула очередь, и помещение окуталось облаками цементной пыли.

— Король, прикрой! Не могу высунуться! — орал с лестницы, ведущей в подвал, «отрезанный» от поля боя Митяй.

Стас, перекатившись по полу, дал несколько коротких очередей. Милиционеры, не имевшие никакого укрытия, вновь нырнули в кабинет руководства «Одиссея». Теперь у старшего наряда было уже два ранения. Еще одна пуля угодила ему в бедро. У младшего напарника левое ухо болталось на лоскутке кожи.

— Бригаду ОМОНа, срочно! — орал в эфир старший, обильно перемежая каждое слово матюгами. — Вооруженное нападение, мать вашу! Нас тут чуть не перестреляли, сейчас поджарят, к чертям собачьим!

Его напарник, орудуя «калашниковым», будто фомкой, безуспешно пытался выломать оконную решетку. В углу, сидя на корточках и зажав уши ладонями, завывал обезумевший Валька Шашнев...

Король сменил магазин у своего «узи» и коротко бросил Митяю:

— Уходим!

Уже за порогом Стас нащупал в кармане денежную купюру. Он чиркнул зажигалкой, поджег бумажку с угла и уже собирался кинуть в залитое бензином помещение...

За мусорными баками Фонтан и Станок, до той поры никаким образом не вмешавшиеся в перестрелку, недоуменно переглянулись. Фонтан, умевший принимать быстрые решения, вполголоса скомандовал:

— Наш выход, Станок.

Выскользнув из-за контейнеров, они, будто перед барьером, замерли в десяти шагах от Короля и Митяя. Широко расставив ноги, чуть согнутые в коленях, Фонтан и Станок открыли прицельную пальбу по уцелевшим людям Каргина.

Митяй уткнулся лицом в прелую листву и умер сразу, а Станислав Лещинский, полный тезка последнего польского короля, повалился на землю, но за секунду до смерти успел конвульсивно нажать на спусковой крючок автомата. Станок тут же вlepил ему в голову еще одну пулю, а Фонтан согнулся, схватившись за простреленную лодыжку.

— Давай в машину! — крикнул раненому Станок. — Допрыгаешь на одной ноге?

Ближе к ним стояли белые «Жигули», к тому же пуля, выпущенная из «Стечкина», раскрошила лобовое стекло джипа — далеко на такой машине в Москве не уедешь.

Ключ оказался в замке зажигания полицейской машины. Станок завел мотор, тронул «Жигули» с места и одной рукой набрал номер мобильного телефона Званцева.

— Босс, — прохрипел он в трубку, — полный порядок. С людьми Каргина разобрались. Едем на базу.

Роковым обстоятельством для «парнишек» Антона Званцева стало то, что московские стражи порядка завели моду разъезжать на изъятых или арестованных машинах, то есть без опознавательных знаков. Именно такой машиной и были белые «Жигули».

Не успел Станок вырुлить на магистраль, как их ослепили фары микроавтобуса.

— Вот, блин! — процедил Фонтан. — И не разъехаться ведь. Кого это черти несут?

Станок высунулся из бокового окна и выстрелил в воздух. Но водитель микроавтобуса почему-то не стал сдавать назад. Из боковых дверей вместительной машины посыпались фигуры в пятнистой униформе и попадали на землю.

— Кранты, — успел сказать Станок последнее слово в своей недолгой жизни.

Ураганный шквал автоматных очередей обрушился на белый «жигуленок» и не прекращался в течение полуминуты. Тела Владимира Сысоева по кличке «Станок» и Александра Азарова по кличке «Фонтан» были изрешечены пулями до состояния абсолютной невозможности опознания.

Президент и главный тренер футбольного клуба «Дружба» Антон Званцев сидел в уютном ресторанчике в «Шереметьево» и сосредоточенно поедал огнедышащие блинчики, заедая их охлажденной паюсной икрой и запивая ледяным шампанским. До объявления посадки на самолет, вылетающий рейсом в Барселону, оставалось всего ничего. Конечно, Интерпол быстро отыщет его на испанском побережье, а родная Генпрокуратура обратится к правительству короля Хуана Карлоса с требованием о выдаче особо опасного преступника Антона Званцева российскому правосудию.

Но метаться по белу свету, менять, как в песне, города и имена, у Антона Евгеньевича не было ни малейшего желания. Да и зачем? После того, как полтора года назад он за бесценку продал футбольному клубу «Барселона» левого полузащитника Мельгуна, Званцев приобрел не только виллу, но и дружеское расположение двух влиятельных членов испанского правительства...

Вскоре объявили посадку, и Званцев быстро зашагал по направлению к терминалу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В ту ночь Комар и Бурав разыгрывали очередную партию в нарды, попивая чаек в своем кабинете.

В начале пятого на столе Комара зазвонил телефон. Каморин снял трубку, выслушал сообщение дежурного по МУРу об убийстве владельца детективного бюро «Одиссей». «Давай вниз, парень, и на выезд», — скомандовал дежурный.

— Я поеду с вами, — помрачнел Бурцев, когда Алексей пересказал ему печальную новость. — Черт знает что. Мы с тобой ждали от Коцюбы донесений по Антону Званцеву, а дождались сообщения о его гибели...

В микроавтобусе их поджидали следователь Константин Шаравин, судмедэксперт Сергей Груздин, кинолог Гоша Лукин с европейской овчаркой по кличке Шерри и эксперт-криминалист Слава Зарезин. Все обрадовались, увидев рядом с Комаром поднаторелого Бурава.

До «Одиссея» они добрались минут за двадцать, благо дороги в это мглистое, пронизывающее холодом утро были практически пусты. О побоище, происходившем в это время между боевиками и полицией, а потом — между другими боевиками и омонотцами, следственно-оперативной бригаде никто не сообщил — просто не успели. Все в микроавтобусе думали, что они едут на одиночное убийство хозяина «родственной» конторы, только, в отличие от МУРа, — частной, поэтому, подъезжая к «Одиссею», «муровцы» были озадачены количеством транспорта, запрудившего подъезд к детективному агентству.

Включив сирену, отъехала «скорая», а на узкой дороге, сворачивавшей к «Одиссею» от магистрали, вытянулась целая вереница машин. Комар различил две «труповозки», еще один микроавтобус, а за ними — какую-то белевшую легковушку.

Пришлось остановить свой микроавтобус на магистрали и топтать к офису «Одиссея» пешком.

— Доброе утро, товарищ подполковник, — бодро приветствовал Бурава капитан Дутов, мужик с квадратным телосложением. Он-то и командовал отличившейся бригадой ОМОНа.

— Доброе, доброе... — хмуро ответил Бурав.

— Обоих сотрудников наряда отправили на «скорой», — продолжал Дутов. — Жить будут, и то, слава богу. А у этих, — майор кивнул в сторону «Жигулей», — в бардачке обнаружили документики... — он протянул Бурцеву два пропуска на спортивную базу «Дружба».

Следователь Шаравин, судмедэксперт Груздин и криминалист Зарезин направились в офис, Гоша Лукин дал Шерри команду взять след убитых Станка и Фонтана... Правда, максимум, что ему удалось определить с помощью овчарки, это место, откуда люди Званцева наблюдали за офисом.

Бурав, Комар и капитан Дутов подошли к джипу, в трех шагах от которого лежали трупы Лещинского и Митяя.

Дутов полез в джип и, вытащив из салона видеокамеру и четыре российских паспорта, в которые были вложены билеты на утренний рейс в столицу Урала, передал все это Бурцеву.

— Так-так, уже интересно, — протянул Бурав. — Знатный у нас побывал гастролер. Станислав Лещинский... известный уральский бандит по кличке «Король».

— Мне кто-то говорил, что в последнее время Король примкнул к спортивной мафии. К этому, как его... Корягину? Вспомнил — Каргину из «Обогатителя». А у тех двоих, стало быть, пропуска на базу «Дружба»?

— Но почему они устроили разборку именно здесь? — задумчиво заметил Комар.

— На это, Леша, нам ответит седьмой труп. Покойный Виктор Николаевич Коцюба... Я имею в виду мотивы его убийства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Войдя в кабинет, Бурав долго смотрел на убитого. Причина смерти была ясна с первого взгляда: в шею Виктору Коцюбе, чуть пониже затылка, вонзились длинные ножницы для резки бумаги.

В кабинете находились только свои сотрудники следственно-оперативной бригады. Валька Шашнев «куковал» в омовском микроавтобусе. Бурцев отозвал в сторонку судмедэксперта Груздина и вполголоса отрывисто спросил:

— Когда смерть наступила?

— С определенностью могу сказать, что буквально минут сорок-сорок пять назад, то есть около четырех часов утра.

— То есть одновременно с поступлением в полицию сигнала о проникновении в сейф! — присвистнул Комар. — Значит, убийца у нас в руках — вор-то сидит в машине ОМОНа!

— Да, и пора бы его расспросить, — хищно потер руки Бурав.

Дрожащий Валька, которому не помог даже глоток спирта, предложенный добрыми омовцами, неожиданно обрадовался, увидев Бурава: как-никак, знакомое, почти родное лицо! «Сроднились» они лет тринадцать назад, когда Бурцев, занимаясь делом об убийстве, «попутно» оформил Скрепке очередную ходку за кражу. Валька, на свою беду, просто подвернулся тогда Бураву под руку...

— Ну, Валентин, — произнес подполковник, усаживаясь в микроавтобусе напротив Шашнева, — давай рассказывай. И не вздумай врать — ты меня знаешь.

— Как на духу, гражданин начальник... Со свиданьем! — умильно улыбнулся Скрепка.

И выложил все, что только было ему известно о событиях последних дней: о слежке за тренером «Дружбы» по заказу его жены, о сговоре Званцева и Каргина, о ночном визите Антона Евгеньевича в «Одиссей» в сопровождении двух головорезов и очкарика-интеллигента...

По словам Скрепки, когда он переступил порог кабинета Коцюбы, то при слабом свете настольной лампы увидел своего шефа. Скорчившись, Виктор Николаевич ле-

жал на полу, в основание его черепа были глубоко воткнуты длинные ножницы. Шашнев опустился рядом с Коцюбой на колени и убедился, что владелец «Одиссея» мертвее мертвого.

— Мне бы, дураку, бежать, да жадность сгубила, — ныл Валька, вытирая сопли рукавом. — Стал искать микропенки, чтоб продать их сегодня второму тренеру «Дружбы» Семибратову. Понадеялся, может, Званцев их не нашел, убил Коцюбу и все. На столе конверта не было, только пепел. Думаю, неужто сожгли? Потом вижу, сейф-то коцюбин настезь открыт, и пачка долларов видна. Ну, тут бес меня и попутал — схватил я эту пачку, на свою голову... — И Шашнев по-настоящему, искренне заплакал.

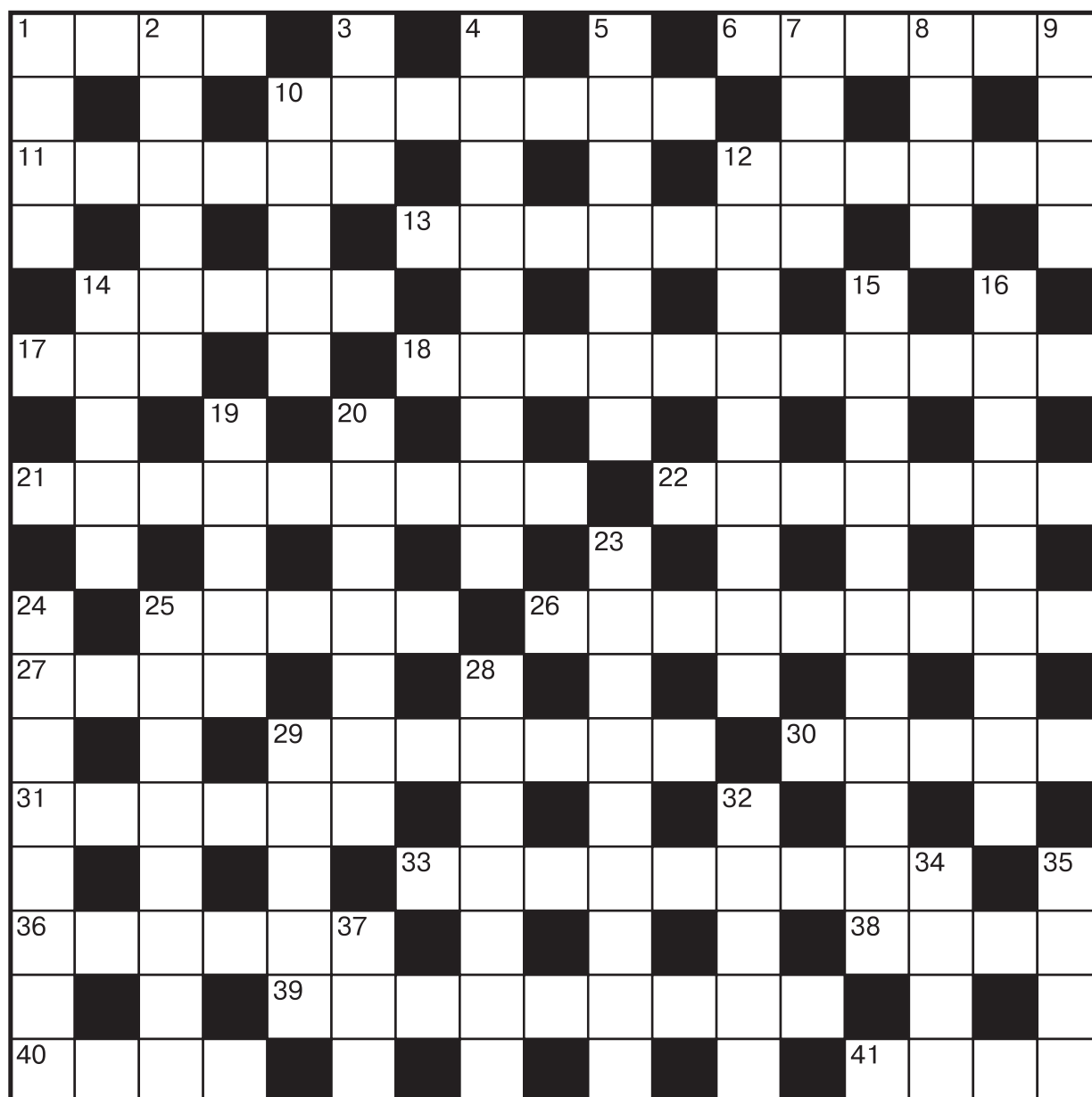
Бурцев выкарабкался из микроавтобуса, подозвал капитана Дутова:

— Будь другом, отведи его к следователю, скажи, Бурцев просит составить официальный протокол допроса. Завтра других дел куча... И, знаешь, мы заберем его к себе, в изолятор временного содержания. А я пока запись на видеокамере уральцев прокручу... Чует мое сердце, не достопримечательности столицы ею снимали, а кое-что поважнее. А ты, Комар, сходи-ка через дорогу, видишь, там ночное кафе, оттуда все неплохо должно просматриваться. Поговори с барменом, с посетителями, если они не разбежались... Заодно пару понятых прихвати, если повезет.

После рассказа Вальки Шашнева все постепенно становилось на свои места. Казалось, теперь можно спокойно заняться розыском и следствием. Кто бы мог подумать, что пальба вовсе не закончилась, и с минуты на минуту в дело вступит еще одно действующее лицо... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Уровень сервиса для VIP клиентов. **6.** В какой столице жил Мигель де Сервантес? **10.** Украинская кулинарная премия «Золотой ...» **11.** Эскорт в СИЗО. **12.** «Атмосферная начинка». **13.** Дра-

гоценный камень, приносящий удачу тем, кто родился под знаком Козерога и Овна. **14.** Механизм, употребляемый для уточнения государственных границ. **17.** Поющая сборная. **18.** Профессия Вячеслава Не-

винного из фильма «Берегись автомобиля». **21.** Завсегда «Бюро находок». **22.** В каком городе Калифорнии построили первый «Диснейленд»? **25.** Лото «по американским правилам». **26.** Какой механизм вызывает панический страх у голливудской звезды Сигурни Уивер? **27.** «Эфиопская роль» Владимира Высоцкого. **29.** Ребристая ... у зимних ботинок. **30.** Какая игра, согласно английской легенде, появилась в XV веке, когда несколько английских лучников пошли тренироваться в лес, но из-за дождя зашли в паб? **31.** Работа критика. **33.** Магии рядовой. **36.** Слово научного звучания. **38.** Синхронный выстрел. **39.** Первый американский ... стоил 75 долларов. **40.** «Хваталка». **41.** Кто подкатывал к Дюймовочке с женьбой?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что вяжут, плетя лапти? **2.** Скачки с препятствиями. **3.** В Тибете о богатых людях говорят, что «их губы всегда увлажняет ...» **4.** «Очередная жертва» Мойдодыра.

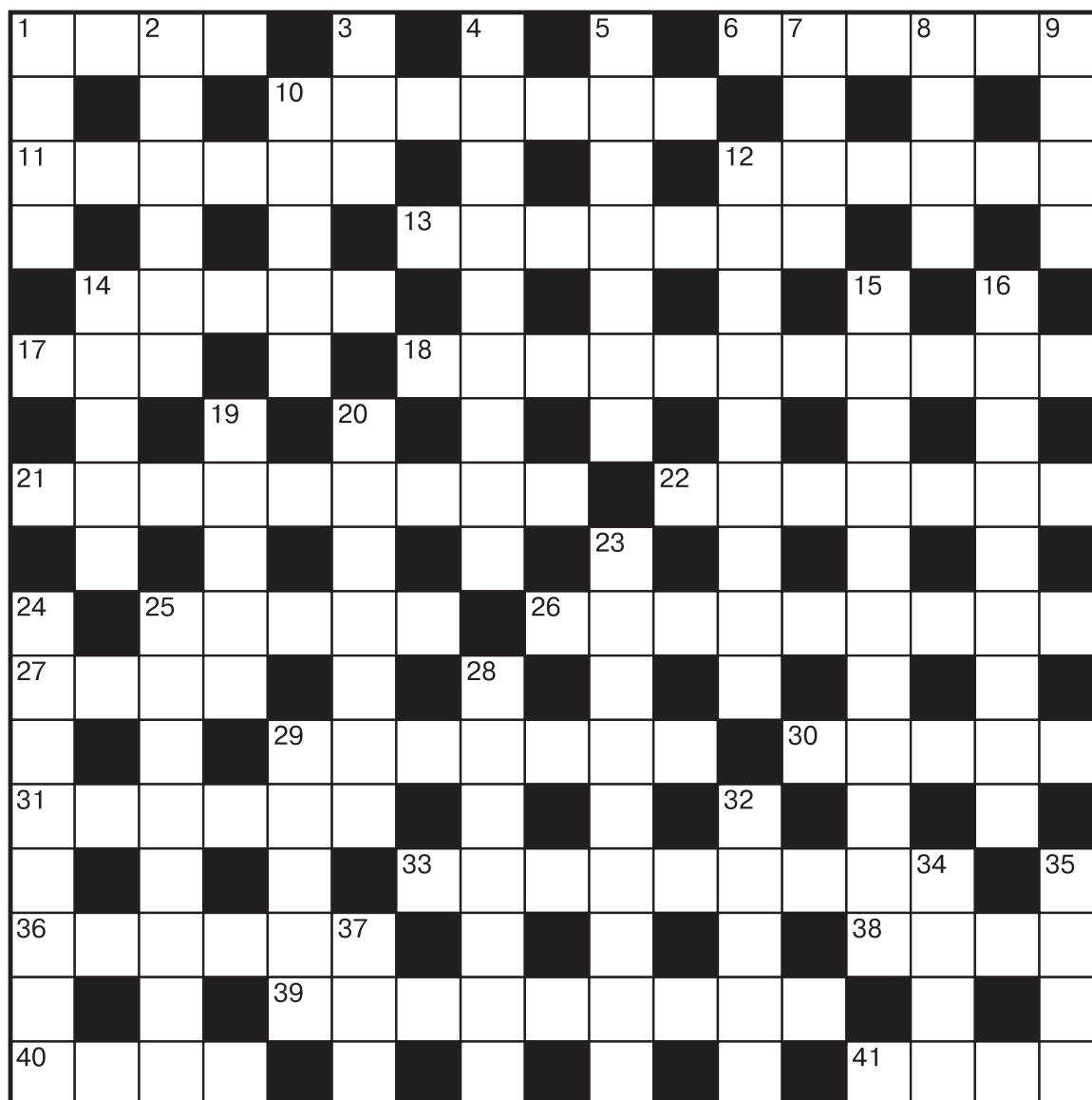
5. Стрельба, «не снимая лыж». **7.** Газ в селитре. **8.** Главная интрига в фильме «Автостоп» Никиты Михалкова. **9.** Опус парфюмера. **10.** Спиртное на компрессы. **12.** «... так велика, что лучше ей не попадаться на глаза». **14.** «Мы на горе всем буржуйам мировой ... раздуем!». **15.** Метод, позволяющий платить уйму денег, чтобы беседовать с потолком. **16.** Англичанин Оскар Уайльд полагал, что «только ... ведет к успеху». **19.** Голливудская дива, отчисленная из воскресной школы за хулиганство. **20.** «Виды на погоду». **23.** «Небесный судья». **24.** Величайший умножитель человеческих способностей. **25.** «Мефистофель» из гоголевского «Вечера накануне Ивана Купала». **28.** «Целую ночь ... нам насвистывал, город молчал и молчали дома». **29.** Какой минерал окрестили «золотом дураков»? **32.** «Нормальные герои всегда идут в ...». **34.** «Сердце Египта». **35.** Что ученик у мастера перенимает? **37.** Кто из наполеоновских маршалов стал «Принцем Москворецким»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Гайдн. **9.** Зеркало. **10.** Месси. **11.** Сталь. **12.** Огранка. **13.** Песня. **14.** Виртуал. **16.** Геродот. **19.** Ужин. **21.** Ацтеки. **23.** Шприц. **24.** Тернер. **25.** Дракон. **26.** Строп. **27.** Осада. **29.** Клин. **31.** Анекдот. **33.** Псарня. **34.** Дартс. **35.** Добро. **37.** Клиент. **39.** Жмурки. **40.** Дантист. **41.** Нрав. **42.** Артель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Перга. **2.** Экзамен. **3.** Блокнот. **5.** Артрит. **6.** Долото. **7.** Пепел. **8.** Осень. **13.** Панцирь. **14.** Воспитанность. **15.** Муфта. **16.** Гидростатика. **17.** Бескультурье. **18.** Пианино. **20.** Киноактриса. **22.** Фердинанд. **28.** Йод. **30.** Опекун. **32.** Таймер. **36.** Синь. **38.** Тау.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Хозяин клиники, где прошли последние годы жизни русского художника Михаила Врубеля. **6.** Огненный шиликун. **10.** В честь какого полководца открыли первый в России мемориальный музей? **11.** Машинка, чтобы тасовать карточную колоду. **12.** Кинжал с Тибета для обрядов против нечистой силы. **13.** Самая крупная из полевков. **14.** Прямой парус. **17.** Кок-

тейль с шампанским. **18.** Каждое из слов и выражений, введенных в русский язык Александром Герценом. **21.** Перуанский танец с флиртом. **22.** Участок реки со стремительным течением. **25.** Главный пряник на китайском празднике середины осени с начинкой из желтков соленых яиц утки. **26.** Чему Чарли Чаплин учился у глухого пейзажиста Гренвилля Редмонда? **27.** Национальность Вулича

из романа «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова. **29.** «Болтливые, кто не умеет думать» (английский драматург). **30.** Какая технология делает из самолета «невидимку»? **31.** Палочка для перемешивания горячительных напитков. **33.** Питерский бард, работавший до начала артистической карьеры врачом «Скорой помощи». **36.** Плата старику Харону за перевоз душ умерших. **38.** Частица из нестабильных. **39.** Балетный прыжок. **40.** Священная птаха у маори. **41.** Детское имя Сталина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Высший персонал придворной кухни. **2.** Английский путешественник, основавший Сингапур. **3.** Какая птица чирикает невыносимо и надоедливо в чеховском рассказе «Петров день»? **4.** Каким мехом подбита шуба героя картины «Послы» Ганса Гольбейна? **5.** Кто по чужой надобности хлопочет? **7.** Древко, чтобы обозначать ворота в гребном слаломе. **8.** Щит из древнерусских времен. **9.** Как звали старшего из Черепановых — создателей первого в России паровоза? **10.** «Человек дождя» среди легендарных гонщиков

«Формулы-1». **12.** Траурная рамка благополучия. **14.** Коллекция оружия, развешанная по стенам дома. **15.** В какой форме великий Данте написал свою книгу «Новая жизнь»? **16.** Линия отклонений на географической карте. **19.** Австралийские джунгли. **20.** «Магнитофон» на службе у компьютерщиков. **23.** Какой перец стал символом Техаса? **24.** В конце XIX века около берегов Японии затонуло судно с императорским фарфором. Назовите каждого из морских обитателей, кто недавно помог спасти многие из бесценных произведений. **25.** Какая партия в «Борисе Годунове» Модеста Мусоргского принесла Сталинскую премию в 1949 году Ивану Козловскому? **28.** Дерево, среди корней которого засыпает герой абиссинских стихов Николая Гумилева. **29.** Армянская флейта. **32.** Киргизский хан, присягнувший на вечное подданство России в 1739 году. **34.** Швейцарский замок, где обретался поэт Райнер Мария Рильке. **35.** Кто придумал шестирядную клавиатуру для пианино? **37.** На какого героя хотели пригласить Джонни Деппа, но взяли Киану Ривза?

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ахилл. **9.** Таламус. **10.** Вениз. **11.** Помпа. **12.** Херувим. **13.** Триас. **14.** Пифферо. **16.** «Занавес». **19.** Ушан. **21.** Флави. **23.** Браун. **24.** Дуссет. **25.** Феррис. **26.** Эквит. **27.** Кнорр. **29.** Явор. **31.** Берилия. **33.** Итатси. **34.** Скотч. **35.** Хонма. **37.** Казуар. **39.** Стиллет. **40.** Желтень. **41.** Танк. **42.** Нойнер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Парео. **2.** Хануман. **3.** Суринам. **5.** Хромис. **6.** Лапифы. **7.** Ферро. **8.** Вилан. **13.** «Триллер». **14.** Петрокрепость. **15.** Мунди. **16.** Заксенхаузен. **17.** Кверкветулан. **18.** «Миссури». **20.** Аурипигмент. **22.** Ретруссаж. **28.** Рис. **30.** Виккет. **32.** Якство. **36.** Атур. **38.** Рев.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Смена»		
	Подпись плательщика		
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Существует масса литературы о сыновьях императора Павла Первого, тем более что двое из них тоже стали впоследствии императорами. Но о пяти дочерях Павла, о пяти красавицах и умницах, благодаря которым Россия породнилась со многими правящими домами Европы, неизвестно почти ничего. Но они — были. И как в сказке — все пятеро были хороши собой, умны и добродетельны. Настоящие принцессы... »

Светлана **Бестужева-Лада** «Пять лилий российской короны»

« Есть поэты, всегда стоящие особняком. По многим причинам. Кто-то не сошелся с собратьями по перу, кто-то оказался настолько талантливее, настолько выше, что общество «вытолкнуло» его, оставляя на нижних ступенях творческой лестницы, кто-то просто не мог найти в себе сил, чтобы стать обычным, стать, как все. К Владиславу Ходасевичу относится и первое, и второе, и третье. Его называли поэтом, который позже будет олицетворять собой Серебряный век. »

Евгения **Гордиенко** «Жизнь моя, как нить за Божьими перстами...»

« Ей было уже за семьдесят, когда один баснословно богатый арабский шейх пригласил ее присутствовать на своем званом ужине и предложил за это 50 миллионов долларов! Она отказалась. Она — это Грета Гарбо, великая актриса, которой восхищался весь мир. Популярность ее не знала границ. Пятнадцать тысяч писем от поклонников еженедельно. Самые высокие гонорары в Голливуде. И совершенно неожиданный добровольный отказ от блестящей карьеры в 36 лет... »

Алла **Зубкова** «Великая Гарбо»

« Писательница Татьяна Андреевна Кузминская (в девичестве — Берс) была младшей сестрой Софьи Андреевны Толстой и очень любила Ясную Поляну, называя ее «милый мой второй родительский дом». Именно здесь она по-настоящему увлеклась литературным творчеством, и именно здесь началась удивительная история бурной любви, вспыхнувшей между нею и братом Льва Николаевича Толстого Сергеем. И хотя так ничего у них и не сложилось, сама Софья Андреевна в своих воспоминаниях писала: «Любила моя сестра Сергея Николаевича более чем кого-либо в жизни, и осталось это чувство у нее навсегда». »

Виктор **Ом** «Ибо сильна как смерть любовь»

« Окончание детектива Александра **Аннина** «Игра на чужом поле» »